

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

№ 4

«НАУКА»

4

1995

ЛЯДЬЮ.
· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

СТАТЬИ

Дьяков В. А. (Москва). «Русская идея» в эмигрантских изданиях 1920—1968 годов	3
Кишкин Л. С. (Москва). Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920—1930-е годы)	17
Гардзонио С. (Пиза). Два русских поэта во Флоренции (А. Гейнцельман и М. Лонатто)	27
Цивьян Т. В. (Москва). Юрий Одарченко: представление прозы	38
Рицци Д. (Тренто). Художественная проза П. П. Муратова	45
Лабынцев Ю. А. (Москва). Протопресвитер Терентий Теодорович как церковный писатель	51
Мароевич Р. (Белград). К типологии русского и сербского языков	63

СООБЩЕНИЯ

Аксенова Е. П. (Москва). К истории русской научной эмиграции в Югославии (письма А. Л. Погодина А. В. Флоровскому)	78
Игумен Иннокентий (Павлов). (Москва). Библейское общество в России в прошлом и теперь	84

ПУБЛИКАЦИИ

Казнина О. А. (Москва). Н. С. Трубецкой и кризис евразийства	89
--	----

МАТЕРИАЛЫ К УЧЕБНИКУ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Кравецкий А. Г. (Москва). Опыт словаря литургических символов	96
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Вагапова Н. М. (Москва). Руска емиграција у српској култури XX в. Зборник радова	106
Хевролина В. М. (Москва). А. А. Улунян. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига, 1877—1878 гг.	108
Серапионова Е. П. (Москва). S. Tejchmanová. Rusko v Československu (Bílá emigrace v ČSR 1917—1939)	109

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международная конференция «Вторая проза» (Русская проза 20—40-х годов XX века). Москва, 19—22 декабря 1994 года	111
Сливак М. Л. (Москва). Научная программа музея «Мемориальная квартира Андрея Белого» (на Арбате)	114
Институт славяноведения и балканистики РАН в 1994 году	115
К 60-летию А. И. Рогова	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. И. РОГОВ (главный редактор), М. А. ВАСИЛЬЕВ (отв. секретарь),
Г. К. ВЕНЕДИКТОВ, В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА, А. А. ГУГНИН, В. А. ДЬЯКОВ,
М. С. КАШУБА, В. И. КОСИК, Г. Ф. МАТВЕЕВ, Г. П. МЕЛЬНИКОВ, В. В. МОЧАЛОВА,
С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, В. Я. ПЕТРУХИН, М. А. РОБИНСОН,
Л. А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), Б. Н. ФЛОРЯ,
Т. В. ЦИВЬЯН (зам. главного редактора)

Зав. редакцией И. И. Бизяева

Сотрудники редакции: Авакова Л. А., Веслова И. Ю.,
Кошкина Е. А., Мочалова В. В., Осипова М. А.

Рукописи представляются в редакцию в двух экземплярах объемом: статьи — не более одного авторского листа (24 стр. машинописного текста через 2 интервала); сообщения — до 16 стр.; рецензии, заметки о научной жизни и т. п. — до 6—7 стр. машинописи. Рукописи, оформленные без учета принятых в журнале требований, к рассмотрению не принимаются; рукописи не рецензируются. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

© 1995 г. ДЬЯКОВ В. А.

**«РУССКАЯ ИДЕЯ»
В ЭМИГРАНТСКИХ ИЗДАНИЯХ
1920—1968 годов**

Поток печатных работ, посвященных русской идеи, заметно увеличился в прошедшем десятилетии и продолжает расти в 90-е годы, все полнее охватывая соответствующую проблематику. Не так давно в журнале «Славяноведение» мною был опубликован обзор той литературы по данному кругу вопросов, которая была доступна на середину 1993 г. [1]. Настоящая статья посвящена вышедшему позднее двухтомнику «Русская идея в кругу писателей и мыслителей русского зарубежья» [2]. В него включены различные по объему и содержанию произведения следующих авторов: Н. Д. Авксентьева, Г. В. Адамовича, М. А. Алданова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Бунина, В. В. Вейдлер, Г. В. Вернадского, Б. П. Вышеславцева, И. В. Гессена, З. Н. Гиппиус (под псевдонимом Антона Крайнева), Б. К. Зайцева, И. А. Ильина, С. К. Маковского, Д. С. Мережковского, П. Н. Милокова, К. В. Мочульского, В. В. Набокова, М. А. Осоргина, П. Н. Савицкого, М. С. Слонима, И. Л. Солоневича, Ф. А. Степуна, И. Ф. Стравинского, П. Б. Струве, А. Н. Толстого, Н. С. Трубецкого, Н. И. Ульянова, Г. П. Федотова, Г. В. Флоровского, С. Л. Франка, В. Ф. Ходасевича, С. Чахотина, Ф. И. Шалапина, И. С. Шмелева. Материалы сборника сгруппированы по трем тематическим разделам. Название первого раздела повторяет заглавие статьи И. С. Шмелева «Пути мертвые и живые» — в него включены работы, доказывающие, что в октябре 1917 г. в судьбах России произошел поворот от «живых путей» к «мертвым». Второй раздел озаглавлен «К познанию России», третий называется «Образы культуры» — их содержание едва ли требует пояснений. К каждому из публикуемых текстов имеется пространный и содержательный комментарий. Двухтомнику в целом предпослана вступительная статья его составителя В. М. Пискунова, характеризующая русскую эмиграцию и озаглавленная «Россия вне России».

Характеризуя идеинные позиции значительной части авторов, В. М. Пискунов пишет в предисловии: «... Русское Зарубежье... стремилось утвердиться... на началах почвенности и традиционализма, органики бытия и вековых ценностей. Подобное миросозерцание, преодолевающее крайности прежнего застойного консерватизма и прежнего беспочвенного либерализма, которые оказались бессильными перед „социалистическим нигилизмом“, синтезирующее устойчивые начала жизни и эволюционный процесс развития, получило — с легкой руки П. Струве — наименование „либерального консерватизма“». Одной из главных своих ду-

Дьяков Владимир Анатольевич — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

ховных опор эмиграция считала религию и русскую православную церковь, другой — национальную культуру и родной язык; своим общим праздником она объявила День русской культуры, совместив его с днем рождения А. С. Пушкина. Евразийцы занимали довольно видное место в эмигрантских дискуссиях, но их претензии не только на теоретическую, но и на значительную политическую роль оказались нереальными. Противниками евразийской доктрины, особенно ее политического аспекта, были Г. В. Флоровский и В. Е. Зеньковский, с критикой ее выступал «русский европеец» П. Н. Милюков. Многочисленные попытки хотя бы теоретически определить пути реализации русской идеи неизменно кончаются неудачами. Констатируя это, В. М. Пискунов отмечает, что «мысль Г. Флоровского упиралась при этом в необходимость „синтеза“, Г. Федотова — „формы“, П. Струве — „меры“, И. Ильина — „иерархии“, П. Сорокина — „структуры“... Как бы... ни именовались искомые величины, речь всегда шла о максимальном сокращении расстояния между „русской идеей“ и „русской историей“, о преодолении конфликта между реальным народом и его высшим призванием — „осуществлять в истории русскую идею“» [2, Т. I. С. 39—40].

К сожалению, во вступительной статье не изложены принципы, которыми составитель руководствовался при отборе материалов для двухтомника. В целом его состав соответствует географическим, идеологическим и персональным границам того, что В. М. Пискунов, вслед за эмигрантами, называет «Россией вне России». Однако левое крыло эмиграции выглядит в двухтомнике довольно бледно; эсеры представлены только Н. Д. Авксентьевым, хотя не мешало бы дать и кого-то еще, в частности В. М. Чернова; представители других социалистических течений вовсе отсутствуют. У большинства авторов взято для двухтомника по одному тексту — чаще всего это статьи или фрагменты из более объемных сочинений; однако в нескольких случаях воспроизводится и по два-три текста одного и того же автора.

Заявленная на титульном листе тема «Русская идея в кругу писателей и мыслителей русского зарубежья» трактуется в двухтомнике весьма расширительно. Иного трудно было бы ожидать, во-первых, потому, что понятие «русская идея» не имело ранее и до сих пор не имеет строго очерченных и общепринятых границ, во-вторых, в связи с тем, что работ, прямо и исключительно посвященных «русской идеи», имеется весьма ограниченное количество. Кроме этого, двухтомник включает работы, которые выходят далеко за эти рамки и касаются многих других вопросов, в частности: генезиса и эволюции этнонационального и этногосударственного самосознания; общественно-политических и культурных различий между Востоком и Западом, а также воздействия этих различий на исторические судьбы России и европейских стран; славянофильства, неославизма, панславизма и других почвеннических идеологических доктрин в сопоставлении с противостоящими им концепциями интернационалистско-космополитического характера. Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы дать общее представление об этом интересном и нужном издании и высказать отдельные соображения по вопросам, волновавшим тех корифеев разработки русской идеи, произведения которых включены в двухтомник.

Мне уже не раз приходилось высказывать убеждение, что содержание понятия «русская идея» наиболее полно, правильно и в то же время лаконично было охарактеризовано В. С. Соловьевым еще в 1888 г. В рассматриваемом двухтомнике есть несколько работ, прямо трактующих соответствующий круг вопросов [3]. Первой из них назову известное сочинение Н. А. Бердяева «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» [2, Т. II. С. 204—286]. Книга эта, вышедшая в Париже в 1946 г., неоднократно переиздавалась в России и потому известна всем, кто интересуется данным кругом вопросов. Поясняя свой замысел, автор в первом же абзаце книги заявляет: «Меня будет интересовать не столько вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемые образ русского народа, его идея». И тут же вкратце намечает пути к решению

поставленной проблемы: «Противоречивость и сложность русской души, может быть, связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в российской душе боролись два начала, восточное и западное» [2. Т. II. С. 204—205]. В книге более или менее подробно рассматриваются основные этапы развития русского (российского) самосознания, анализируются отечественные дискуссии по национальному вопросу за полтора столетия, предшествовавшие выходу книги. Результаты исследования резюмируются двумя страницами лаконично формулируемых выводов. Вот некоторые из них: «Русская мысль, русские искания XIX — начала XX в. свидетельствуют о существовании русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа. Русский народ — религиозный по своему типу и по своей душевной структуре... Русский атеизм, нигилизм, материализм приобретали религиозную окраску... Русским чужда мистика расы и крови, но очень близка мистика земли. Русский народ, по своей вечной идее, не любит устройства... земного града и устремлен к Граду Грядущему, к Новому Иерусалиму...» [2. Т. II. С. 283, 286]. Более подробно взгляды Н. А. Бердяева на славянский вопрос русскую идею и русскую душу мне уже приходилось излагать в опубликованных ранее работах [4].

Весьма серьезный вклад в изучение вопросов, связанных с содержанием понятия и исторической роли «русской идеи», внес Г. П. Федотов (1886—1951). На его жизненном пути было несколько крутых поворотов. Окончив саратовскую гимназию в 1904 г., он поступил в Петербургский политехнический институт. Еще в школьные годы увлекался марксизмом, а в 1905 г. вступил в РСДРП, за что был арестован и выслан за границу. Возвратившись через два года на родину, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета и в 1914 г. получил там должность приват-доцента на кафедре средних веков. Идейно-теоретические позиции ученого существенно изменились. С 1917 по 1920 гг., а затем с 1923 по 1925 гг. он входил в религиозно-философский кружок А. А. Мейера. В 1920—1923 гг. находился в Саратове, зарабатывая переводами художественной литературы. Оказавшись в эмиграции, Г. П. Федотов в 1926—1941 гг. был профессором Богословского университета в Париже, а затем уехал в Нью-Йорк, где работал учителем в православной гимназии и активно сотрудничал с русской периодикой на территории Америки.

Сочинения Г. П. Федотова занимают видное место в тех дискуссиях об особенностях исторического пути России, которые развертывались в эмигрантской литературе межвоенного двадцатилетия. Для него одинаково неприемлемыми были концепции западников, славянофилов и евразийцев. В статье «Три столицы», опубликованной в 1926 г., он утверждал: «Западнический соблазн Петербурга и азиатский соблазн Москвы — два неизбежных срыва России, преодолеваемые живым национальным духом. В соблазнах крепнет сила. Из немощей рождается богатство. Было бы только третье, куда обращается в своих колебаниях стрелка духа. Этим полюсом, неподвижной православной вехой в судьбе России является Киев, то есть идея Киева». Г. П. Федотов связывал «истинный путь» России прежде всего с Киевом («эллинство»), а не с Римом и Петербургом («латинство») и не с Москвой («бусурманство»). Впрочем, отдавая предпочтение византийскому влиянию, он не отрицал и других воздействий. «Безумием было бы думать, — заявлял он, — что духовная жизнь России может расти на „диком корню“ какой-либо славянской или турецкой исключительности» [2. Т. II. С. 114, 118—119].

Исследуя историю русского либерализма в статье «Россия и свобода», опубликованной в 1945 г., Г. П. Федотов следующим образом изложил замысел этой работы: «Русь создавалась на периферии двух культурных миров: Востока и Запада... В настоящей статье мы рассматриваем только один аспект... западно-восточной темы: судьбу свободы в Древней Руси, в России и в СССР». Статья

богата и фактическим материалом и неординарными суждениями едва ли не по всем этим хронологическим этапам. В Московской Руси, утверждал Г. П. Федотов, о свободе почти и не было речи, ибо бунтовщики разного рода боролись не за свободу, а за волю, которую нельзя отождествлять с понятием, содержащимся во французском слове *liberté*; потребность к свободе в этом смысле теплилась только в политически реакционном боярстве. Что касается России XVIII в., то в ней, по мнению Г. П. Федотова, сожительствовали две разные культуры: «Одна представляла варваризованный пережиток Византии, другая — ученическое усвоение европеизма... Необычайный расцвет культуры в новое время оказался возможным лишь благодаря прививке к русскому дичку западной культуры». В соперничестве с волей свободы постепенно набирала очки, но ощущимую силу либерализм приобрел только в конце века. По мнению Г. П. Федотова, «носителем политического либерализма у нас... едва ли не до 1905 года были дворянство... и европеизированные слои интеллигенции». Разночинцы, влившиеся в ряды интеллигенции в 60-х годах, оказались, по его мнению, преимущественно антилибералами: политической свободе они предпочитали всеобщее равенство. Позиции славянофилов Г. П. Федотов дал следующую развернутую и глубокую характеристику: «Славянофильство 40-х годов было, несомненно, движением либеральным и претендовало быть либерально-почвенным. Но... источник его свободолюбия... в... Германии, а русское прошлое ему плохо известно; русские учреждения (земский собор, община) идеализированы и имеют мало общего с действительностью. Не удивительно, что... славянофильство скоро утратило свое либеральное содержание. Когда же оно победило и взошло на трон в лице Александра III (с Победоносцевым), оно оказалось реакционным тупиком в явно московском направлении». Столь же афористична и метка характеристика советского либерализма: «Новый советский человек не столько вылеплен в марксистской школе, сколько вылез на свет Божий из московского царства... Не узнаем ли мы в нем служилого человека XVI в., именно XVI, а не XVII-го, когда уже начинается декаданс». Двадцать восемь лет русской революции, писал Г. П. Федотов в 1945 г., «это постоянное из года в год умаление и удушение свободы»; интеллигенция за это время была пропущена через невиданную в истории мясорубку [2. Т. II. С. 179, 188—195, 198—200].

Аналогичный культ свободы был характерен и для мировоззрения П. Б. Струве, что, между прочим, подтверждается фрагментом его воспоминаний, опубликованным в первой части двухтомника под заглавием «Мои встречи и столкновения с Лениным». Имея в виду девяностые годы XIX в., П. Б. Струве писал: «Мы, молодая русская интеллигенция, были охвачены и одержимы... любовью к свободе... Те, кто... любил свободу и жаждал ее в первую очередь для себя, все время имел перед собой мысль о народе... Страстью... пафосом для огромного большинства интеллигенции было не равенство, не социализм, а свобода» [2. Т. I. С. 388—389].

Большой интерес представляют также относящиеся к данному кругу вопросов высказывания известного религиозного философа и богослова Г. В. Флоровского (1893—1979). Он известен не только как ученый, но и как видный деятель экуменического движения, ставший с конца 40-х годов членом Всемирного Совета Церквей. В двухтомнике его научное творчество представлено статьями «О патриотизме праведном и греховном» (1922), «Евразийский соблазн» (1928) и главой из книги «Путь русского богословия» (1937), озаглавленный «Кризис русского византинизма». Кроме всего прочего, названные тексты дают представление, во-первых, об оценке Г. В. Флоровским эпохи революционных сдвигов в России, во-вторых, о его сравнительно недолгом увлечении евразийством.

Октябрьский переворот и первые шаги советской власти в России Г. В. Флоровский рассматривал в широкой исторической перспективе, тесно связывая их с историей церкви. Считая победу революционных сил закономерной, он высказывал убеждение, что «белое движение», за которое ратовала часть эмиграции, обречено на «неизбежный неуспех». Единственно целесообразным Г. В. Флоровский считал

примирение с действительностью и заявлял: «„Идти за революцией“ значит учитывать случившееся со всей тщательностью и точностью и это, как факт, принимать за опорную базу своей повседневной работы». Сдержанно положительную оценку большевизма Г. В. Флоровский и некоторые другие его единомышленники связывали главным образом с тем, что советская власть сумела объединить Россию в ее прежних границах. Признавая закономерность революции, они делали оговорку, что это «не требует от нас морального оправдания ее действительного лика». Прошлое, настоящее и будущее Г. В. Флоровский пытался осознать, исходя из решающего воздействия национального и религиозного факторов. Вот несколько цитат, подтверждающих сказанное: «...Чтобы стать русским, действительно необходимо быть православным»; «Самым характерным моментом петровской реформы была попытка перевести на подчиненное и второстепенное место ту силу, которая веками являлась средоточием началом русской жизни — Православную Церковь»; «Лишь в пафосе религиозного творчества мы можем восстановить Россию»; «...Осмыслить революцию... оказывается возможным только в пределах православной мысли». Как апофеоз звучит заключительный абзац статьи: «Жить и действовать в Церкви, творить свое дело в духе Христовом, исходя из религиозного восприятия жизни, — вот единственный путь, которым возможно выйти из исторических тупиков, образовавшихся среди развалин рухнувшей жизни, Великая Россия восстановится лишь после того, как начнет созидаться русская православная культура — и только православное дело, творчество в духе и под сенью Церкви есть в наши дни праведное русское дело» [2. Т. II. С. 91, 95, 99, 112, 114, 116, 124].

Само название статьи «Евразийский соблазн» не оставляет сомнения в том, что ее текст является чем-то вроде научного покаяния Г. В. Флоровского в том краткосрочном увлечении евразийской доктрины, которое он пережил. Общая позиция автора резюмирована в первом же абзаце статьи: «Судьба евразийства — история духовной неудачи... Это правда вопросов, не правда ответов, правда проблем, а не решений... Евразийцам первым удалось... рассмотреть живые и острые вопросы творимого дня. Справиться с ними... они... не смогли... Евразийство не удалось. Вместо пути проложен тупик». Один из главных упреков, если не главный, Г. В. Флоровского к евразийству заключается в том, что в оценке большевизма оно основывалось не на религиозном, а на безбожном принципе. «Замысел духовного преодоления русской смуты выдохся и измельчал в евразийстве... В евразийской утопии противоречиво переплетаются и спаиваются мотивы органической теории и самого острого просвещенного рационализма. Здесь евразинцы повторяют марксизм во всех его внутренних неувязках с его сочетанием эволюционного фатализма и революционного пафоса». Г. В. Флоровский осуждает евразийцев также за увлечение географическим фактором настолько, что «в их представлениях подлинным субъектом исторического процесса и становления оказывается территория...». Особенное неприятие вызывает у него то, что у евразийцев как последователей теории культурно-исторических типов «в европейской методологии... теряются проблемы христианской философии истории». В этом вопросе Г. В. Флоровский отдает предпочтение славянофильской философии истории с ее «ярким Христосоцентризмом» и непониманием «вселенского смысла... падения и заблуждения» Запада. Он был убежден, что Россия, «как живая преемница Византии, останется православным Востоком для неправославного, но христианского Запада внутри единого культурно-исторического цикла»; что наша страна получила от Византии не только государственный строй, но и «богатство Церковной жизни»; что «в дурном кровяном почвенничестве» евразийцев «отражается внутренняя бездомность и беспочвенность, психология людей, связанных с родиной только через территорию», но не любовь к православной вере и готовность к подвигу во имя ее защиты [2. Т. I. С. 305—306, 322, 324, 328—331, 335].

Одним из наиболее видных ученых, представленных в двухтомнике, является философ И. А. Ильин (1882—1954). Он учился в Московском университете по

специальностям энциклопедия права и история философии; в 1910 г. опубликовал первую работу «Понятие права и силы», а в 1918 г. вышла в свет его магистерская диссертация «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и Человека». Высланный из России в 1922 г., И. А. Ильин до 1938 г. жил в Берлине, а затем перебрался в Швейцарию. В двухтомник включены три произведения И. А. Ильина, дающие представление о его понимании сути «русской идеи» и ее месте в общественном сознании.

В 1934 г. в Софии были опубликованы «Три речи» И. А. Ильина, в том числе речь, озаглавленная «О путях России». «Ни один народ в мире, — говорится в названном произведении, — не имел такого бремени и такого задания, как русский народ». Первое бремя — «земли, необъятного, непокорного, разбегающегося пространства»; второе — «бремя природы», а третье — «бремя народности», т. е. множество и разнообразие вступивших во взаимодействие национальных общинностей. Эти общности за три-четыре века создали единое государство и «единую великую духовную культуру». История России, по мнению И. А. Ильина, была главным образом историей ее самообороны; жизнь в непрерывном, часто непосильном самоотверженном служении родине научила народ многому, в частности, «жить в крайней скучости, богатея духом». Написанная, по-видимому, в 1949 г. работа И. А. Ильина «Русская революция была катастрофой», начинается с утверждения автора в том, что 32 года советского правления доказали «катастрофический характер происходящего», что революция для России «величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым Смута бледнеет и меркнет». Не имея места на большее, приведу некоторые из доводов, которыми И. А. Ильин подтверждает приведенную оценку: 1) русские революционеры не понимали, что российская «государственность строится и держится живым народным правосознанием и что русское национальное правосознание держится на двух основах — на Православии и на вере в Царя. Они видели только сравнительную бедность и нравственную удобособлазнительность русского народа»; 2) русская революция была безумна для крестьянства, для промышленного пролетариата, для торгового класса и более всего для интеллигенции; 3) «полуинтеллигенция... уверовала в западного дьявола, как в Бога, и поработила многоплеменную российскую массу — сначала соблазном разнознания, а потом страхом голода, муки и смерти...» Спасение И. А. Ильин видел в следовании особым предназначениям России и заявлял: «Русский человек и должен понять, принять и выговорить свою русскую идею, с тем, чтобы затем осуществить ее... Нелепо нам гордиться тем, что мы де „ничего не пересмотрели“ и „ничему не научились“; еще нелепее нам опять „идти побираться под окнами“ западной культуры, западной религиозности, философии и политики и выправицать себе „на бедность“ черствые корки европейских рассудочных выдумок. Россия ждет от нас — своего виdения, своей веры, своей мысли и новой, своей государственной формы. И мы должны готовиться к тому дню, когда рухнет в России засилье дьявола» [2. Т. II. С. 287—289, 295—296].

Статью «Что нам делать?», опубликованную в 1954 г. в форме письма к Н. В. Борзову, И. А. Ильин начинал с утверждения, что в 1914—1918 гг. большинство русских оказались дезориентировано и пошли «за соблазном». Были, писал он, политические и экономические причины, приведшие к этой катастрофе, «но сущность ее гораздо глубже политики и экономики: она духовна... Это есть кризис русской религиозности... правосознания... военной верности и стойкости... чести и совести... русского национального характера... русской семьи. Великий и глубокий кризис всей русской культуры». Отвергая «слепое западничество» и «славянофильское самодовольство», И. А. Ильин утверждал, что России нужны свободные умы, зоркие люди и новые, религиозно укорененные творческие идеи. Необходимо, заявлял он, — «очистить русское искусство от советчины и от модернизма. И главное воспитать в народе новый русский духовный характер»; по его убеждению, вся отечественная культура, «во всех своих священных

основах требует от нас исследований и новых национально-русских ответов» [2. Т. I. С. 425—427].

В двухтомник включена небольшая, но принципиально важная для его тематики статья «Русское и великорусское», написанная историком Н. И. Ульяновым (1904—1985). Петербуржец по месту рождения, он окончил Ленинградский университет в 1927 г., был одним из последних учеников С. Ф. Платонова. Осужденный в 1936 г. за «контрреволюционную деятельность», пять лет провел на Соловках и в Норильске; во время войны оказался в плену, а после ее окончания оставался в Германии до 1947 г.; затем жил в Марокко, Канаде и США — с 1954 по 1973 г. преподавал русскую историю и литературу в Йельском университете. В статье «Русское и великорусское» Н. И. Ульянов очень остро и аргументированно ставит и пытается решить вопрос о соотношении друг с другом понятий, вынесенных в заглавие. Основной вывод автора следующий: «великорусское» — это понятие, хотя и не совсем точное, но вполне применимое в этнической сфере — оно аналогично понятиям «украинское» и «белорусское». Отождествление же понятий «великорусское» и «русское» недопустимо, так как последнее из этих понятий имеет надэтнический характер, оно плод взаимодействия трех названных этносов, как в отношении языка, так и в общекультурном смысле. Сказанное, по мнению Н. И. Ульянова, подтверждается, в частности, тем, что этнически Русь скорее всего племя не славянское, хотя и ставшее политическим и культурным зародышем будущей России. «...Государство в России, — говорится в статье Н. И. Ульянова, — шло впереди народа. Не поляне, древляне, вятичи и не великороссы, не малорусы, а русские учредили православную церковь в России — первую носительницу культуры... Русские собирали и восстанавливали разрушенное татарами государство..., русские повернули Россию лицом к Европе, русские выработали образованный слой населения..., они создали литературный язык, литературу, музыку, театр, науку... „Русский“ и „великорус“ — понятия неслыханные. Одно означает аморфную этнографическую группу..., другое категорию историческую, активный, творческий слой народа, не связанный с ... „этнографий“ — носитель души и пламени нашей истории» [2. Т. II. С. 340—354].

В разделе двухтомника «К познанию России» опубликован относящийся к 1923 г. текст С. Л. Франка «Из размышлений о русской революции», а в разделе «Пути мертвые и живые» воспроизведено отчасти созвучное с названным текстом его сочинение, которое опубликовано в 1924 г. под заглавием «Крушение кумиров» [2. Т. II. С. 8—46; Т. I. С. 133—202]. Автор названных работ еще в старших классах гимназии познакомился с марксизмом, был исключен из Московского университета за участие в студенческих беспорядках, написал книжку «Теория ценности Маркса и ее значение». Однако события 1905—1907 гг. кардинально изменили мировоззрение С. Л. Франка; он стал участником известных сборников «Вехи» и «Из глубины», а после Октябрьской революции был выслан в 1922 г. вместе с другими ее противниками. Изменившиеся общественно-политические и идеинные позиции С. Л. Франка весьма отчетливо проявляются в двух его названных выше работах, особенно в первой из них.

«Революция, — читаем в тексте „Из размышлений о русской революции“, — никогда и нигде не есть целесообразный способ удовлетворения исторической потребности; она есть попытка с помощью взрыва исправить недостатки паровой машины». «Всякая революция, — уверял С. Л. Франк, — есть смута и всякая смута есть революция». Великая французская революция, которая считается образцовой, была, по его мнению, такой же бессмысленной смутой, как последняя русская революция. Октябрьская революция началась не в 1917 и не в 1905 гг., а гораздо раньше: «Идеологически она идет по меньшей мере от декабристов и уже совсем явственно от Белинского и Бакунина». По основной социальной сущности русская революция «есть восстание крестьянства, победоносная и окончательно осуществленная пугачевщина». Считая подлинным фундаментом российской государственности монархию, С. Л. Франк утверждал, что истинная и последняя причина его падения «лежит в глубоком духовном процессе, совер-

шавшемся в народной душе», что «идеал „царя-батюшки“... неудержимо угасал, а на смену шла смутная, но острая тоска по народовластию, самоопределению и общественной автономии». Влияние рабочего класса С. Л. Франк игнорирует полностью, заявляя при этом, что «интеллигентская доктрина социализма повинна в особенно болезненном протекании революции». Крестьянская, т. е. частнособственническая и антидворянская по своему существу, революция приобрела социалистическую направленность — «в этом заключается главное трагическое недоразумение русской революции..., ибо в той или иной форме бессмыслица присуща каждой революции». Что же касается реальных результатов переворота в России, то там «существилась... деспотическая власть коммунистической бирократии... народ оказался у разбитого корыта» [2. Т. II. С. 9, 17, 19—24, 27—28].

Не только революцию, но все процессы общественно-политического и культурного развития С. Л. Франк связывал с национально-ориентированными духовными факторами, в особенности с религией. «Всякий строй и всякое движение,— утверждал он,— всегда опирается на искреннюю и непосредственную веру», на действие «истинных или ложных по содержанию, но всегда объективных, сверхличных и потому бескорыстных духовных сил». Из этого, по его мнению, вытекает, что в «духовном своем плане русская революция есть плод и выражение глубочайшего кризиса религиозного миросозерцания», что ее особенности обусловлены своеобразием «содержания русской духовной культуры», что «последние, глубочайшие корни революции... лежали не в корыстных вожделениях, а в духовной неудовлетворенности народа, в искации целостной и осмысленной жизни». В данной сфере, считал С. Л. Франк, между Востоком и Западом существуют коренные различия. «Религиозный дух западного мира... вложился в дело внешнего строительства... Иначе в России. Великая духовная энергия... православной веры шла едва ли не целиком вглубь, почти не определяя эмпирическую периферию жизни. Русский человек либо имеет в... душе истинный „страх Божий“... либо... чистый нигилизм... Поэтому у нас... невозможны ни реформация, ни либерализм, ни гуманистаризм, ни отвлеченный безрелигиозный национализм и этатизм, ни даже умеренный социал-демократизм». На Западе свои истоки революционных взрывов. В России «роковой конец старого порядка был определен тем, что он связал идею консерватизма, задачу охраны священных заветов национальной культуры с нигилистическим деспотизмом и насилием» [2. Т. II. С. 30—35, 37].

Аналогичная тематика рассматривается в работах философа и писателя Ф. А. Степуна (1884—1965). Он окончил реальное училище в Москве и Гейдельбергский университет, в котором получил в 1910 г. докторскую степень за диссертацию о В. С. Соловьеве. Затем жил в Москве, сотрудничал в периодических изданиях, в частности, в журналах «Логос», «Труды и дни», с издательством «Мусагет», а в 1919—1920 гг. был художественным руководителем Государственного показательного театра. Высланный из России в 1922 г., до 1937 г. жил преимущественно в Германии, преподавал историю философии и общественной мысли, выступал с лекциями в Париже, Праге и Вене. С 1946 г. возвратился в Германию и преподавал в Мюнхенском университете.

Хотя опубликованная в 1923—1924 гг. работа Ф. А. Степуна «Мысли о России» была написана с антибольшевистских позиций, при чтении ее текста создается впечатление, что автор всячески старался сохранить объективность в суждениях, излагал свою точку зрения спокойным тоном и насколько мог аргументированно. «„Эмигрантница“, — писал Ф. А. Степун, — это отрицание будущего во имя прошлого, вера в мертвый принцип и растерянность перед жизнью, старческое брюзжание над чашкой с собственной желчью». Сам он, оценивая перемены, происходившие в России, избегал мелочей и не давал волю эмоциям; при этом он почти не затрагивал материальную сторону процесса, а сосредотачивался на духовной стороне, придавая именно ей решающее значение. «Из всех зол, причиненных большевиками..., — говорится в „Мыслях о России“, —

самое тяжелое — растление ее нравственной субстанции, внедрение в ее поры духа цинизма и оборотничества». Главную вину за происшедшее он возлагал на В. И. Ленина. «Русский вариант коммунистической идеологии правильнее называть... ленинизмом. Под большевизмом же понимать ту *стихию русской души*, которая в 1917 г. откликнулась на коммунистическую проповедь Ленина, и круг тех явлений, который был порожден этим откликом...» Непобедимость В. И. Ленина, считал Ф. А. Степун, «заключалась не в последнюю очередь в том, что он творил свое дело не столько в интересах народа, сколько вместе с народом, то есть созвучно с народным пониманием и ощущением революции как стихии, как бунта». Недостатком В. И. Ленина как политического деятеля Ф. А. Степун связывал с полной неспособностью «к критическому ощущению вещей», с «непониманием чужой правды». «Но все это, — заявлял Ф. А. Степун, — только мелочи. Ленин не понимает гораздо большего, быть может самого главного, не понимает того, что введение социализма в России... могло бы удастся лишь при условии самого тщательного учета всех особенностей социально-экономического строя России, столь чуждого по своей структуре... Англии». После всего этого Ф. А. Степун иронически добавляет: «Положительное значение Ленина заключается только в том, что в нем до конца раскрылась греховная сторона русской революции, ее Богоотступничество» [2. Т. I. С. 252, 253, 278, 289—293].

В двухтомник включена также статья «Б. Л. Пастернак», написанная Ф. А. Степуном в 1959 г. В основном она имеет литературоведческое содержание, но есть в ней и небезынтересные экскурсы в общественно-политическую тематику. «Войны и революции Пастернак ощущает, — по мнению Ф. А. Степуна, — как грозу или болезнь», что напоминает исторические построения Бердяева. Роман «Доктор Живаго» оценивается в статье Ф. А. Степуна прежде всего как произведение о войне и революции в России. Приведу два фрагмента статьи, конкретизирующие эту оценку: 1) «Если бы Пастернак был политиком, то картина революции вышла бы у него более осмысленной и потому менее страшной». 2) «Я не знаю другого такого русского человека, который с такой же сомнамбулической невменяемостью прошел мимо всех волнений и проблем русской общественной жизни» [2. Т. II. С. 571, 574—575].

Автор хорошо известного монографического исследования истории русской культуры П. Н. Милюков представлен в двухтомнике главой из вышедшей в 1925 г. книги «Национальный вопрос» [2. Т. II. С. 46—67] и опубликованной в 1927 г. статьей «Почему русская революция была неизбежна?» [2. Т. II. С. 119—128]. Первый из названных текстов является оригинальной и глубоко продуманной попыткой цельного анализа взаимоотношений между западнической и славянофильской тенденциями в русской, точнее — российской общественной мысли. Борьбу самобытников с подражателями, ксенофобов с ксенофобами П. Н. Милюков считает примитивной формой национального самосознания, свойственной начальным «ступеням процесса в малокультурной среде». В развитии русской национальной мысли он выделяет пять периодов: 1) бытовой или этнографический национализм и европеизм — конец XVII—XVIII век, особенно время ближайшее к реформе Петра I и царствованию его преемниц; 2) политический европеизм и политический же национализм (1770—1825); 3) религиозно-философский национализм («славянофильство») и современный европеизм («западничество») — 1825—1850 гг.; 4) социальный национализм и европеизм (1850—1870); 5) научный национализм (неославянофильство) и европеизм (конец XIX в.). Конкретизация содержания этих периодов у П. Н. Милюкова содержит множество метких определений и интересных мыслей, для которых в данной статье, к сожалению, не хватает места. Приведу лишь концовку текста, относящуюся к советскому периоду: «Новая Россия естественно развивалась из старой, общими с Европой путями. Теми же путями она пойдет и дальше, не оглядываясь на пройденные стадии, вопреки национализмам всех стадий своего развития». В статье о русской революции ее особенности сводятся к следующему: «1) к

самобытному анархизму масс, удерживающихся режимом насилия в состоянии пассивного подчинения; 2) к упадку влияния правящего класса, осужденного на гибель и цеплявшегося для си *э*го спасения за такую же клонившуюся к падению силу — самодержавие; 3) к теоретическому максимализму революционной интеллигенции, склонной к утопическим решениям и лишенной политического опыта; 4) к сепаратистским стремлениям интеллигентских вождей национальных меньшинств. Соединенным результатом действия этих факторов явился русский большевизм — специфически русский продукт, выросший на национальной почве и невозможный в этом виде нигде кроме России» [2. Т. II. С. 128].

Составитель сборника значительное внимание уделил евразийству, воспроизведя на страницах двухтомника произведения виднейших его теоретиков Н. С. Трубецкого (1890—1939), Г. В. Вернадского (1887—1973) и П. Н. Савицкого (1895—1968). Н. С. Трубецкой в статье «О туранском элементе в русской культуре», написанной в 1925 г., обосновывает евразийскую историософскую доктрину, сопоставляя большевизм, как плод двухсотлетнего «романо-германского ига», с Московской государственностью, как порождением двухсотлетнего татарского ига, и делает вывод, что «татарская школа не так уж плоха». Г. В. Вернадский в написанной в том же году статье «Два подвига св. Александра Невского» обосновывает положительную оценку политики князя в отношении Орды и пишет об определенном благотворном воздействии татарского владычества на российскую государственность и культуру [2. Т. II. С. 67—83, 84—101]. «Россия, — пишет П. Н. Савицкий, — занимает основное пространство земель „Евразии“. Тот вывод, что земли ее не распадаются между двумя материками, но составляют, скорее, некоторый третий и самостоятельный материк, имеет не только историческое значение... Обозначение „Евразии“ приобретает значение сжатой культурно-исторической характеристики» [2. Т. I. С. 217]. Более подробно излагать содержание статей Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого и Г. В. Вернадского было бы повторением вышедшей ранее специальной работы об историософии евразийства [5]. Среди представленных в двухтомнике авторов резко критическое отношение к евразийству высказал И. В. Гессен, назвавший это течение «прикованным к разоблаченному предательству». В тексте И. В. Гессена, озаглавленном «Дела эмигрантские», говорится, что по мере своего оформления евразийство «быстро стало соскальзывать на путь грубого практического большевизанства». Маркс провозглашен был «самым близким нам из западных философов»; было заявлено, что «работа советской власти — это общее с нами дело»; евразийцы стали называть себя «эмigrantами в кавычках», утверждая, что «евразийство провозглашает не смену, а просто отмену вех» [2. Т. I. С. 362].

Глава «Народная монархия» из книги публициста И. Л. Солоневича «Дух народа» перепечатана в двухтомнике из журнала «Наш современник» (1990, № 5). Ее автор — выходец из белорусских крестьян, был репрессирован, но в 1934 г. бежал со строительства Беломорканала, жил в Болгарии и Германии, а после второй мировой войны, обосновавшись в Буэнос-Айресе, стал издателем русской газеты «Наша страна». Неизвестно, где и какое образование получил И. Л. Солоневич, но опубликованный в двухтомнике текст вполне подтверждает его эрудицию и бойкость пера. История Западной Европы, убежден И. Л. Солоневич, принципиально не похожа на историю России; государственное строительство Европы было неудачным, а в России удачным, несмотря на происшедшую в 1917 г. революцию. «Если народ обладает государственным инстинктом, — заявляет И. Л. Солоневич, — то государство будет создано *вопреки* географии, *вопреки* климату и ... даже *вопреки* истории. Так было создано русское государство». Весьма критично И. Л. Солоневич оценивает марксистскую ориентацию на пролетариат как гегемона революции. «Ненависть социалистов к крестьянству я в основном объясняю ненавистью недонаска к нормальному здоровому человеку... Почему... пролетарское мировое сознание угнездилось именно на базе русского крестьянского бытия — остается до сих пор невыясненным». По мнению И. Л. Солоневича, русское крестьянство имеет очень мало общего с западноев-

ропейским, например, немецким: «Бауэр и крестьянин — два совершенно различных экономических и психологических явления». История России, утверждал И. Л. Солоневич, есть процесс непрерывного расширения государства и это не случайно: «Дело тут... в том биологическом инстинкте народа, в той его воле к жизни, которые позволили ему стать победителем в жизненной борьбе... Настоящая реальность таинственной русской души — ее доминанта — заключается в государственном инстинкте русского народа» [2. Т. II. С. 297—339].

В числе авторов двухтомника, непосредственно не связанных с научной средой, фигурирует член ЦК партии эсеров, министр Временного правительства Н. Д. Авксентьев (1878—1943). В его статье, датируемой 1923 г. и озаглавленной «Patriotica», сделана попытка доказать, что причиной распада «великой храмины земли Русской» было отсутствие «национального самосознания, патриотизма в глубоком, высшем смысле и значении». Национальное самосознание, по его мнению, является «даром свободы», а русские триста лет жили под игом «проклятого рабства». Большевизмом Н. В. Авксентьев очень недоволен за то, что он «довел апатриотизм до апогея» [2. Т. I. С. 56—57].

Что касается С. Чахотина — автора статьи «В Каноссу!», опубликованной в 1921 г. в сборнике «Смена вех», то о нем никаких биографических сведений найти не удалось. В статье утверждается, что ставка на здоровый патриотизм русского народа в революции и гражданской войне себя не оправдала. Поэтому С. Чахотин считает, что «патриотический долг нашей интеллигенции — отказаться от вооруженной борьбы [против советской власти], более того, бороться со всеми попытками в целях борьбы еще дальше дезорганизовывать и разваливать нашу родину... Наш долг — помочь лечить раны больной родины...» [2. Т. I. С. 71, 73].

Часть текстов в двухтомнике посвящена русской литературе и литературному процессу в России. П. Б. Струве в статье «Дух и слово Пушкина» (1937) писал: «Пушкин величайшее явление русской культуры... Религиозности Пушкина было чуждо все показное и крикливое, все назойливое и чрезмерное» [2. Т. II. С. 470, 472]. Б. П. Вышеславцев свою небольшую по объему работу, озаглавленную «Вольность Пушкина (Индивидуальная свобода)» (1955), закончил следующим выводом: «...Свобода морального суждения не нарушается у Пушкина никакими внешними воздействиями... никаким социальным заказом» [2. Т. II. С. 533]. В свою очередь В. В. Набоков в статье «Пушкин или правда и правдоподобие», едко высмеивает романтизированные биографии великого русского поэта, «который так же неизбежно составляет часть нашей интеллектуальной жизни, как таблица умножения или другая привычка сознания» [2. Т. II. С. 475—485]. К. В. Мочульский в статье «Духовный путь Гоголя» (1934), характеризуя его «Выбранные места из переписки с друзьями», утверждает: «Никогда еще в русской литературе не раздавался голос такой сыновней любви, скорби и благоговения к православной церкви. В призывае к церковной жизни Гоголь подавал руку Хомякову, Ивану Киреевскому и другим славянофилам иставил перед русской литературой проблему религиозного оправдания искусства» [2. Т. II. С. 461]. К. С. Мочульский представлен в двухтомнике статьей «На Парнасе „серебряного века“» (1962), в которой говорится: «Мы вправе... верить, что недаром все было и не может не возродиться русская религиозная идея, что она живет в творчестве всех наиболее вдохновенных выразителей нашего народа» [2. Т. II. С. 556]. В «Слове о Родине» (1938) Б. К. Зайцев заявлял: «Для русского человека... Россия духовное существо, святыня, которой мы поклоняемся и которую никому не уступим» [2. Т. I. С. 385]. В 1925 г. в статье «Пути мертвые и живые» И. С. Шмелев идею социализма называл «путем мертвым», противопоставляя ему в качестве живого пути «устройение жизни на основе религиозного нравственного пылания» и жажду деятельной любви [2. Т. I. С. 211, 214]. В свою очередь Д. С. Мережковский в 1926 г. в заметке «О мудром жале» утверждал, что «воля к мысли скована... в советской России такими цепями, каких мир еще не видал» [2. Т. II. С. 381]. А за четыре года перед этим А. Н. Толстой в письме к Н. В. Чайковскому высказывался гораздо более миролюбиво, заявляя, что форма власти в России

должна «вырасти из самого корня, создаться путем эмпирическим, опытным...» [2. Т. I. С. 84]. Сопоставляя Россию с Европой в «Автобиографическом повествовании», М. А. Осоргин высказал убеждение, что по сравнению с Европой советская «Россия шире, моложе, свежее, сочнее и богаче своей престарелой соседки» [2. Т. I. С. 423]. Оценивая в 1968 г. российский литературный процесс, В. В. Ведле в статье «Пора России снова стать Россией» писал: «Плечистый недорось СССР должен овладеть отнятым у него прошлым; тогда он снова станет Россией — той, что вросла в Европу тысячелетней своей историей» [2. Т. II. С. 354].

Особое место по своему жанру занимает в двухтомнике протокол одного из заседаний («бесед») в литературно-философском салоне «Зеленая лампа», которые проводились на парижской квартире З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского. Председательствовал на заседании, посвященном теме «Русская интеллигенция как духовный орден», Г. В. Иванов, а обсуждались произнесенные на предшествующей беседе речи отсутствовавшего И. И. Фондаминского и присутствовавшей З. Н. Гиппиус. Брали слово Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, И. А. Бунин, Г. Э. Адамович, Ф. А. Степун, В. А. Злобин, М. О. Цетлин, Н. Л. Озуп. Представителями русского духа, русской культуры назвал Д. С. Мережковский в своем выступлении А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева. В особую категорию Д. С. Мережковский выделил «интеллигентов» — В. Г. Белинского, Д. И. Писарева, Н. К. Михайловского — и утверждал, что большевиков можно причислить к типичнейшим русским интеллигентам, хотя большевизм — это «небывалое в истории, единственное, предельное зло». «„Что если Россия останется во власти большевиков?“», — вопрошал Д. С. Мережковский и отвечал: «Да, конечно, я откажусь от России советской, но не откажусь от свободы. Свобода дороже родины». Несколько иную позицию занял Ф. А. Степун: «Интеллигенты ли большевики или нет?... Как идеологи упрощенного марксизма, они, конечно, антиинтеллигенты. Как изменники своей собственной идеологии они все же интеллигенты... Они были (и есть) интеллигентским отрицанием интеллигенции... Ни в личность, ни в выбор они, конечно, не верили, но... были прикованы к ним». Интересно и характерно еще одно возражение Ф. А. Степуна Д. С. Мережковскому: «Нельзя делить Россию, как это делает Мережковский, на две России — праведную, эмигрантскую и греческую, советскую. Есть единая Россия, находящаяся сейчас во грехе, грехе большевизма». Аналогично Ф. А. Степуну решал вопрос о двух Россиих и еще один участник дискуссии в «Зеленой лампе» — Г. В. Адамович. «Мы слышали на прошлом собрании, что столица русской литературы не Москва, а Париж»; «это вздор», так он характеризовал подобное утверждение [2. Т. I. С. 293—305]. Тот же вопрос в несколько модифицированной форме занимал видное место и в более поздних сочинениях Г. В. Адамовича — об этом свидетельствуют два его текста, включенных в двухтомник в качестве самостоятельных позиций. В статье «Одиночество и свобода», датированной 1954 г., он писал, что положение послеоктябрьской литературной эмиграции из России нельзя сравнивать ни с положением И. А. Тургенева или А. И. Герцена, ни с польской или французской политической эмиграцией XIX—XX вв. «Мы, — метафорически сетует Г. В. Адамович, — стоим на берегу океана, в котором исчез материк... Для того, что случилось с русской интеллигенцией, отказавшейся примкнуть к большевизму, параллелей в истории нет, и, конечно, это не могло не отразиться на литературе» [2. Т. II. С. 512—513]. Аналогичные нотки звучат в главе из книги Г. В. Адамовича «Комментарии», вышедшей в 1967 г. «...Сладок дым отечества..., — пишет он. — Не потому, что это отечество, а потому, что это Россия». «Патриотизм, — читаем ниже. — надо выстрадать, иначе грош ему цена. В особенности патриотизму русскому» [2. Т. I. С. 429, 460]. Русской литературе советского периода посвящены опубликованные в 1924 г. и противостоящие друг другу по своим оценкам статьи А. Крайнего (псевдоним З. Н. Гиппиус) и М. С. Слонима: первая из этих авторов весьма запальчиво доказывает, что после

революции литературный процесс идет только в эмиграции, а второй — столь же запальчиво опровергает такой вывод [2. Т. II. С. 360—380].

Три текста, включенные в двухтомник, связаны с историей музыки. Прежде всего это датируемый 1932 г. фрагмент из воспоминаний Ф. И. Шаляпина, озаглавленный «Маска и душа». Кроме большого материала о жизни и деятельности знаменитого певца, текст содержит немало его высказываний об отношении к родине и к эмигрантской жизни, о специфических чертах русской музыки в сравнении с западной музыкальной культурой. «„На чужбине“, — написал я в заголовке... заключительных глав моей книги. Написал и подумал: какая же это чужбина. Ведь все, чем духовно живет западный мир... мне бесконечно близко и дорого». А через несколько страниц читаем: «В той интонации вздоха, которую я признавал обязательной для передачи русской музыки, нуждается и музыка западная, хотя в ней меньше, чем в русской, психологической вибрации» [2. Т. II. С. 428, 432]. В статье М. А. Алданова «С. В. Рахманинов», датируемой 1946 г., автор констатирует, что некоторые из иностранцев не обнаружили в музыке этого композитора черт «русской национальной стихии». «В действительности он, — возражает М. А. Алданов, — и в жизни и в искусстве мог удовлетворить самых требовательных критиков в том, что называется не слишком удачно „почвенностью“... Той органичности, которая была в Рахманинове, которая есть в Бунине, больше в России, боясь, никогда не будет» [2. Т. II. С. 503—505].

В 1952 г. написана статья И. Ф. Стравинского «Превращения русской музыки»; главный предмет ее — национальный колорит российской музыкальной культуры XIX—XX вв. Начиная с М. И. Глинки, говорится в статье, можно проследить обращение русской музыки к фольклору; у А. С. Даргомыжского — русский мелос в равной мере сочетается с господствовавшим влиянием итальянской музыки; М. А. Балакирев, М. П. Мусоргский, А. Ф. Бородин, Н. А. Римский-Корсаков и Цезарь Кюй «ухватились за народные мелодии и литургические песнопения»; Н. В. Чайковский отошел от характерной для «могучей кучки» российской предвзятости и обрел свою подлинную форму, широко раскрыв объятия западной культуре. Что касается музыкальной жизни советского периода, то утверждения о ее расцвете И. Ф. Стравинский воспринимал иронически и высмеивал А. Н. Толстого за то, что Пятую симфонию Д. Д. Шостаковича он назвал «Симфонией Социализма» [2. Т. II. С. 486, 488, 498—499].

«Искусство при советской власти» — так озаглавлена написанная в 1968 г. статья В. В. Вейдле, которая также вошла в двухтомник. Это весьма подробный и критичный по тональности обзор произведений изобразительного искусства в СССР за три десятилетия, предшествовавшие его написанию. Социалистический реализм, по мнению В. В. Вейдле, сводится к обязательному соблюдению правила «„фотографируй, но лишь выгодное для власти и не без ретуши, лестной для нее“. Если оно долго продержится, то в стране будет то же, что и везде, а русского искусства не будет». Люди, выросшие в досоветской обстановке, в том числе и автор статьи, верят, что русское искусство не исчезло, что оно найдет особый путь и не только для себя [2. Т. II. С. 576—598].

Подводя итоги, прежде всего необходимо отметить познавательное значение рассмотренного издания, ибо оно ввело в научный оборот целый пласт труднодоступных ранее и потому мало известных источников, которые значительно расширяют и углубляют наши представления в очень важной и актуальной ныне проблематике. Правда, в некоторых текстах двухтомника несколько преувеличивается значение эмиграции утверждением, будто общественная мысль, литература и искусство долгие годы развились, если не исключительно, то главным образом в «России вне России» (см., в частности, протокол заседания «Зеленой лампы» и статью З. Н. Гиппиус). Однако немало других авторов, в том числе евразийцы и Г. В. Флоровский, более терпимо относившиеся к большевикам, уравновешивают этот перекос, отмечая и положительные результаты деятельности советской власти, особенно в упрочении российской государственности.

Опубликованные в двухтомнике материалы дают представление о том, какое содержание вкладывали отдельные специалисты в термин «русская идея» и как они пользовались этим термином в своих конкретных исследованиях. Связывая «русскую идею» со спецификой национального характера русского народа и особыми чертами русской души, большинство авторов двухтомника ориентировались главным образом или исключительно на духовные факторы, прежде всего на православную веру (см., в частности, тексты Н. А. Бердяева, Г. П. Федотова, И. А. Ильина). Отдельные трансформации русской идеи, фигурирующие в двухтомнике, почти всегда генерировались на фоне острых дискуссий о воздействии на русскую историю Востока и Запада, об отношении русского народа к европейским и азиатским культурным ценностям. Одним из немногих исключений была позиция Г. П. Федотова, который, одинаково отвергая «западный соблазн» Петербурга и «азиатский соблазн» Москвы, отдал предпочтение православному Киеву.

Из более частных вопросов, привлекших мое внимание в двухтомнике, назову здесь только два. Во-первых, это весьма интересная и тщательно продуманная периодизация взаимоотношений европейской и русской общественной мысли в главе из книги П. Н. Милюкова «Национальный вопрос» и небольшая по объему, но оригинальная по постановке вопроса статья Н. И. Ульянова, озаглавленная «Русское и великорусское».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьяков В. А. О давних и нынешних спорах вокруг «русской идеи»//Славяноведение. 1994. № 6. С. 32—36.
2. Русская идея в кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. М., 1994. Т. II.
3. Соловьев В. С. Русская идея//Соловьев В. С. Соч. М., 1989. Т. II. С. 219—246.
4. Дьяков В. А. Славянский вопрос и русская душа в мировоззрении Николая Бердяева (предоктябрьское десятилетие)//Славяноведение. 1992. №2. С. 60—69; Дьяков В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С. 161—169.
5. Дьяков В. А. О научном содержании и политических интерпретациях историософии евразийства//Славяноведение. 1993. №5. С. 101—115.

© 1995 г. КИШКИН Л. С.

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ПРАГЕ: КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ (1920—1930-е годы)

В 20—30-е годы XX в. в Чехословакии оказались около 35 тыс. русских эмигрантов. Большее число беженцев из России было тогда только в Польше, Франции и Германии (от 100 до 200 тыс. человек) [1]. Первая волна русских прибыла в Чехию в 1920 г. из Сибири и с Дальнего Востока вместе с чехословацкими легионерами, вторая — в 1921 г., после поражения белых армий на Юге России, из Стамбула, Галлиполи и с Лемноса. В основном это были донские, кубанские и терские казаки, интеллигенция и недоучившиеся на родине студенты. Попадали русские эмигранты в Чехословакию и из Германии, Польши, Болгарии, Греции, Скандинавии, Египта. Приток беженцев продолжался до 1928 г.

Особую группу русских эмигрантов, осевших в Праге, составили многие из сотен высланных за пределы Советской России профессоров, преподавателей высшей школы, чьи философские и политические взгляды не совпадали с официальными идеологическими установками. К ним, как и к русским студентам, были особенно внимательны и благожелательны в Чехословакии, которая, по словам Т. Г. Масарика, считала своим долгом «собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил» [2] в среде русских эмигрантов. Ориентировавшиеся на западные демократии Масарик и его соратник Э. Бенеш полагали, что сохранение российского интеллектуального потенциала поможет в будущем приобщению России к Европе. Это сказывалось на эмиграционной политике правительства Чехословакии, объясняет его повышенный интерес к русским студентам и интеллигенции, но не всякий, а по преимуществу к демократам и социалистам, которым были близки цели и идеи Февральской революции (монархисты, крайне правые и социал-демократы были мало желательны).

28 июля 1921 г. правительством Чехословакии был создан Межминистрский комитет, в задачу которого входили помочь голодающим в России и содействие прибывавшим в страну русским эмигрантам. Образование этого комитета по существу положило начало так называемой Русской вспомогательной акции. После того как в середине 1922 г. помочь голодающим со стороны Чехословакии советскими властями была отклонена, Русская вспомогательная акция преследовала уже только одну цель — помочь русским эмигрантам, создание для них таких условий, при которых они могли бы содержать себя сами. Патроном проведения акции являлся сам президент, который в связи с ней писал: «...Мы не можем забывать о многочисленных русских гражданах, которые живут среди нас...» [3].

Кишкин Лев Сергеевич — д-р ист. наук, ведущий сотрудник Института славяноведения и балканстики РАН.

Помощь, оказанная русским эмигрантам, была весьма существенна. В 1921 г. МИД Чехословакии израсходовал на эти цели 10,3 млн крон; в 1922 г.— 49,7; в 1923 г.— 65,8; в 1924 г.— 99,7 млн крон. Далее годовые расходы снижались: в 1925 г.— 72,9 млн крон; в 1926 г.— 71; в 1927 г.— 52,1; в 1928 г.— 26,3; в 1929 г.— 18; в 1930 г.— 14,6; в 1937 г., последнем году осуществления акции, чехословацкая помощь русским эмигрантам составила 2,8 млн крон. Всего же за 17 лет на нее было израсходовано МИД ЧСР 561 млн крон.

Кроме МИД, в 1928—1933 гг. русских беженцев финансово поддерживали также Министерство образования и Министерство земледелия ЧСР, совокупно истратившие на эти цели 55 млн крон. Таким образом, в общей сложности на проведение Русской вспомогательной акции было израсходовано 616 млн чехословацких крон [4]. Это были немалые деньги. Благодаря им только в 20-е годы в Праге получили высшее образование около 11 тыс. русских студентов, что составляет почти половину из общего числа всех эмигрантов, окончивших тогда высшую школу за рубежом. При поддержке властей в Праге функционировали три русских института (юридический, педагогический, сельскохозяйственный) и Русский народный университет, где обучались не только русские, но и чехи. Кроме того, многие молодые эмигранты оканчивали чешские высшие учебные заведения.

Благосклонность правительства ЧСР и финансовая поддержка создавали более благоприятные, нежели в других странах, условия для жизни и деятельности русской эмиграции. Поэтому совсем не случайно в 20-е годы Прага стала одним из самых значительных и крупных культурных центров не только для живших в ней эмигрантов, но и для всей тогдашней русской диаспоры. Вероятно, не было другой такой страны, где бы в 20-е годы были столь же благоприятные условия для самой разнообразной культурной работы русской эмиграции как Чехословакия, даже если иметь в виду Югославию и Болгарию, где она тоже проводилась достаточно интенсивно.

Необычайно активная и многообразная общественная и культурная деятельность русских в ЧСР, особенно в Праге, обусловливалаас не только благосклонным отношением к ним официальных кругов (прежде всего к интеллигенции и студенчеству), не только тем, что Масарик и Бенеш видели свой долг в подготовке кадров для будущей демократической России. Доброжелательность и симпатии по отношению к русским изгнанникам в Праге питала и восходящая к началу XIX в. русофильская традиция в Чехии. Тому, что русских ученых, писателей, артистов и т. д. хорошо принимали в Праге, немало способствовали и существовавшие между многими деятелями русской и чешской культуры еще с дореволюционных времен дружеские связи, а также доброе отношение к военно-пленным чехам и словакам в России в годы первой мировой войны.

О многоликой и очень интенсивной общественной работе российской эмиграции в Чехословакии свидетельствует множество созданных в 20-е годы организаций. Вот только некоторые из них: Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике (Земгор); Административная комиссия русских земледельцев; Союз русских педагогов средней и низшей школ в Чехословакии; Общество русских врачей в ЧСР; Общество русских инженеров и техников в ЧСР; Русский торгово-промышленный комитет в ЧСР; Союз русских агрономов; Общеказачий сельскохозяйственный союз в ЧСР; Союз кубанцев в ЧСР; Ссудо-сберегательная акса «Славянская взаимность» в Праге; Строительное товарищество; Комитет по борьбе с туберкулезом; Здравница пражского Земгора; Русская юридическая консультация Земгора в Праге и т. д. Наиболее значительным и влиятельным среди них был пражский Земгор, в задачу которого входило «оказание помощи во всех ее видах российским гражданам, находящимся в Чехословацкой республике» [5].

Если же говорить о собственно культурных русских учреждениях в ЧСР, в основном находившихся в Праге, то их также было множество. Наиболее раннее и крупное из них — Чешско-русская еднота (единство — Л. К.). Оно было об-

Рис. 1. Е. А. Ляцкий. Фотография, 1926 г.

разовано 28 апреля 1919 г. и в ее задачи входило: развитие чехословацко-русской взаимности, изучение русской жизни и знакомство с нею общественности Чехословакии, распространение знаний о жизни чехов и словаков среди русских. В деятельности Едноты принимали участие как русские, так и чехи. Ее долголетним председателем являлся профессор Ю. И. Поливка, заместителями председателя — доктор А. О. Курц и профессор Е. А. Ляцкий (рис. 1). Почетными членами Едноты были избраны Т. Г. Масарик, покровительствовавший ей, а также Вас. И. Немирович-Данченко и Е. Н. Чириков, за их вклад в осуществление ее целей и содействие сближению славянских народов. Еднотой было проведено более шестисот вечеров, лекций, докладов и диспутов. Литературные вечера посвящались как чешским (П. Безруч, Я. Врхлицкий, И. С. Махар, Я. Неруда, А. Сова, Й. Голечек и др.), так и русским (Пушкин, Чехов, Достоевский, Блок, Андреев, Есенин, Немирович-Данченко, Чириков и др.) писателям. Еженедельно проходили музыкальные вечера. С лекциями по литературе, философии, истории, филологии, искусству и на другие темы с русской стороны выступали Е. В. Аничков, А. Л. Бем, В. Ф. Булгаков, С. В. Завадский, П. И. Новгородцев, С. К. Маковский, А. А. Кизеветтер, И. И. Лапшин, С. И. Гессен, Н. О. Лосский, П. А. Сорокин, Г. А. Флоровский и многие другие. Еднота имела для своих членов клуб и библиотеку.

Второй по значимости культурной организацией эмигрантов в Праге являлся Русский очаг, начавший свое существование с ноября 1924 г. По мысли его организаторов, Алисы Масарик и Джона Крейна, Русский очаг должен был

Рис. 2. М. Н. Германова. Фотография, 1921 г.

удовлетворять духовные и культурные потребности русской колонии в Праге, русской учащейся молодежи в частности. Заведующей Очагом и его непосредственной руководительницей стала графиня С. В. Панина. В ее распоряжении было два больших помещения. В одном находилась бесплатная библиотека-читальня, которая работала ежедневно с 8 часов утра до 19 часов 30 минут вечера. Другое помещение использовалось различными русскими культурными объединениями и обществами для учебных занятий, съездов, выставок, собраний и т. д. Только за два первых года существования в Очаге прошло 367 собраний разных обществ и организаций. Одно из них было посвящено учреждению комитета «Дня русской культуры».

В 1925 г. несколько русских эмигрантских организаций внесли предложение: всем оказавшимся за рубежом русским ежегодно и повсеместно праздновать «День русской культуры», приурочив его ко дню рождения А. С. Пушкина. Русские пражане живо откликнулись на это предложение и создали комитет «Дня русской культуры». Уже в 1925 г. по случаю этого праздника 6 июня в Праге состоялось торжественное заседание, на котором выступили с речами о Пушкине и русской культуре председатель комитета графиня С. В. Панина, профессора А. А. Кизеветтер и С. В. Завадский, а также детское праздничное гуляние и концерт. В праздничную программу последующих «Дней русской

культуры» включались разнообразные темы, связанные с достижениями русской культуры, историей старинных городов России и т. д. В 1926 г. главной темой праздника стала Москва. А. А. Кизеветтер выступил с докладом «Москва и Россия», а Н. М. Астров — с докладом «Москва в образах и картинах», который сопровождался световыми иллюстрациями. В 1927 г. основу праздничной программы составило сообщение С. В. Завадского о Новгороде и Пскове, затем прозвучали отрывки из опер «Садко» и «Псковитянка». В празднованиях «Дня русской культуры» участвовали Чешская опера и Чешский драматический театр в Праге, оркестр чешской филармонии, Общественческий хор имени А. Д. Архангельского, артистка МХТ М. Н. Германова (рис. 2), солист Мариинской оперы А. Д. Александрович.

Комитет «Дня русской культуры» готовил и выпускал книги о русской литературе, искусстве, музыке, науке как на русском, так и на чешском языках. Их авторами выступали Е. Ф. Шмурло, А. А. Кизеветтер, И. И. Лапшин, М. М. Новиков, И. И. Лаппо, А. В. Флоровский, Б. А. Евреинов и др. В 1929 г. силами эмигрантов был выпущен «Пушкинский сборник», в который вошли статьи В. А. Францева, Е. А. Ляцкого, С. В. Завадского. В том же году в Праге вышла книга Е. Ф. Шмурло «Этюды о Пушкине». А в 1932 г. при содействии русских эмигрантов в Праге была организована выставка «Пушкин и его эпоха». Самое активное участие приняли эмигранты и в проведении пушкинской годовщины в 1937 г., которая отмечалась в Чехии очень широко. С многочисленными статьями о Пушкине выступили тогда Е. А. Ляцкий, И. И. Лапшин, А. Л. Бем и др. Многие из русских принимали участие в организации пушкинских вечеров в Праге и других чешских городах, выступали на них. Н. А. Раевский, например, неоднократно в разных городах делал доклады на тему «Пушкин и война».

Особенность культурной жизни русских пражан состояла в их ревностном стремлении сберечь национальные духовные ценности. В этом отношении показательно создание ими на чужбине ряда больших и малых библиотек. К числу больших относилась, например, библиотека Земгора в Праге. Она была основана в ноябре 1921 г. и первоначально насчитывала всего 120 книг. Благодаря неустанным трудам ее организаторов и сотрудников (ею заведовал В. Г. Архангельский) в 1927 г. фонды библиотеки составляли уже 21 404 тома, ее посещали около 200 человек в день, а число посетителей за год приближалось к 60 тыс. Книги выдавались бесплатно. Библиотека обслуживала не только живших в Праге, но и многих русских эмигрантов в других городах Чехословакии. У библиотеки Земгора имелись филиалы в Ричанах, Брно, Братиславе, Кошице.

Нельзя не сказать и о Славянской библиотеке, которая в рамках «Русской вспомогательной акции» была образована МИД ЧСР 4 декабря 1924 г. (ее открытие для читателей состоялось в марте 1925 г.). Первоначально она именовалась Русской библиотекой. При основании ее фонды насчитывали 12 тыс. книг, затем они пополнялись книжными собраниями русских ученых и книгами из других источников. Эта библиотека сыграла важную роль в жизни русских эмигрантов и как большое средоточение русской литературы, утолявшее их духовную жажду, и как место приложения сил для многих из них. Первым директором ее являлся В. Н. Тукалевский. В 1927 г. устроители решили пополнить книжные фонды библиотеки украинской и белорусской литературой; с этого года она стала называться Славянской библиотекой, а В. Н. Тукалевский возглавил ее русский отдел, где и работал до своей кончины (1936). При нем в начале 30-х годов русские фонды библиотеки пополнились собранием книг (более 10 тыс. томов) из Библиотеки для чтения А. Ф. Смирдина, которые были закуплены в Риге. Помимо Тукалевского, в Славянской библиотеке работали византолог М. М. Андреева, искусствовед Н. Л. Окунев и др., с нею сотрудничали В. А. Францев, П. Г. Богатырев, Р. О. Якобсон. Согласно библиотечной статистике, главными читателями Славянской библиотеки в 20-е годы были русские. В настоящее время фонды Славянской библиотеки насчитывают свыше 600 тыс. изданий. Она является одним из крупнейших в Европе специализированным хранилищем славянских книг.

Кроме относительно больших библиотек, было множество меньших (они имелись почти при всех эмигрантских обществах и учебных заведениях). Все это были окна в русский духовный мир, оберегавшие от деэтнизации, что хорошо понимала эмигрантская интеллигенция. Понимала она и то, как трудно сохранить историческую память без архивных и музейных собраний.

Самым крупным эмигрантским архивом в Праге являлся Русский заграничный исторический архив. Он был основан в 1923 г. как один из отделов библиотеки Земгора, где хранились разного рода рукописи и документы, и вначале назывался Архивом русской эмиграции. Управлял им. В. И. Гуревич. Очень скоро средств на содержание быстро растущего архива у Земгора оказалось недостаточно и тогда его стало финансировать Министерство иностранных дел, в чье подчинение уже под новым названием он в конце концов и перешел в 1923 г. Главные усилия сотрудников архива (Ф. И. Изюмова, Л. Ф. Магеровского, С. П. Постникова) были направлены на то, чтобы собрать и сохранить всевозможные исторические документы о революционных событиях и гражданской войне в России, о судьбе рассеянной по всему миру русской эмиграции. В годы немецкой оккупации Чехии деятельность архива была приостановлена. После окончания второй мировой войны документальная часть архива переместилась в Москву, а газеты, журналы и книги были переданы Славянской библиотеке.

Уже в 20-е годы у многих культурных деятелей эмиграции вызревали мысли о создании в Праге культурно-исторического музея, экспонаты которого позволяли бы оторванным от родины русским чувствовать свою связь с ней не только умозрительно, через книги, но и посредством знакомства с материальными предметами, дающими представление о русской истории и культуре. Такой музей по инициативе В. Ф. Булгакова (бывшего секретаря Л. Н. Толстого) был создан, чему немало способствовали многие эмигранты из всех стран мира. Торжественное открытие Культурно-исторического музея в Праге, или как его еще называли Музея русской эмиграции, состоялось в сентябре 1935 г. Он размещался в находящемся неподалеку от чешской столицы Зbraslavском замке. За первые три года его посетили 6 тыс. человек. В 1938 г. в предисловии к каталогу музея Н. К. Рерих писал: «„Русский Культурно-исторический музей в Праге“ есть явление глубочайшего смысла. Это первый русский музей в Европе, маяк русского искусства и науки за рубежом» [6]. В музее экспонировалось 396 картин художников-эмигрантов: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибина, Н. П. Богданова-Бельского, А. С. Головина, Н. С. Gonчаровой, Б. Д. Григорьева, М. В. Добужинского, К. А. Коровина, Г. А. Мусатова, И. Е. Репина, Н. К. Рериха и многих других. Все это по большей части были дары, которые собирали для музея В. Ф. Булгаков, А. И. Юпатов и А. И. Владовский. Особенно щедрым дарителем являлся Н. К. Рерих, пятнадцать полотен которого и три работы его сына Святослава были размещены в особом зале. Кроме картин, посетители музея могли видеть проекты зарубежных русских зодчих, портреты русских писателей, ученых, артистов, вещи и ордена В. И. Немировича-Данченко, перья Бунина, Гиппиус, Зайцева и другие предметы.

До открытия постоянной экспозиции русской живописи в какой-то мере эмигрантам ее возмешали Художественная галерея Иржи Карасека, в которой находился большой раздел русской живописи и графики, а также многочисленные выставки русских художников в Праге (И. Е. Репина, Б. Д. Григорьева, И. Я. Билибина, Ф. А. Малышкина, К. А. Коровина, Г. А. Мусатова, Н. П. Богданова-Бельского и др.). Надо заметить, что среди эмигрантов было немало поклонников русского искусства и увлеченных собирателей живописи, таких, как академик Н. П. Кондаков, профессор Н. Л. Окунев или донской казак врач Н. А. Келин.

Виды культурной деятельности россиян в Праге и ее организационные формы были весьма многообразны и порой несколько необычны. Их диктовали сами условия жизни. Своеобразно проходили «Зbraslavские пятницы». В 1923—1925 гг. неподалеку от Праги в красивом старинном городке Зbraslavе каждую пятницу летом и в две недели раз зимой собиралась для встреч и бесед осевшая в Праге русская интеллигенция. Вначале это были несколько человек, потом число

приезжавших доходило до сотни и более. Начинались встречи обычно с коллективного чаепития, затем обязательно следовал доклад или лекция на любую, кроме политики, культурно-историческую или научную тему. Устроителями пятниц являлись А. Л. Бем, В. Ф. Булгаков, М. В. Васнецов (сын художника), Н. О. Лосский и др. Наряду с ними в пятницах участвовали Е. В. Аничков, Г. В. Вернадский, В. В. Водовозов, С. В. Завадский, А. А. Кизеветтер, И. И. Лапшин, А. В. Флоровский, Е. Н. Чириков и др. За два с лишним года состоялось 82 пятницы. Они имели большое значение в жизни эмигрантской интеллигенции. Иногда на них звучала музыка, иногда устраивались самодеятельные спектакли, конкурсы поэтов, художественные чтения.

В известной мере подобны «Зbraslavским пятницам» по типу деятельности были кружки русской интеллигенции в расположенных близ Праги местечках Черношице, Ржевнице, Вшено́рско-Мокропсинский русский клуб, получивший наименование от названия двух находящихся недалеко от Праги деревень — Вшено́ры и Горни Мокропсы, где, как и в Черношице и Ржевнице, жило много русских. Во Вшено́рах, в частности, жили Цветаева и Эфрон, Чириковы, семья Л. Андреева. Кстати, во Вшено́рах у Цветаевой родился сын Георгий (Мур).

Еще одним средоточием культурных сил русских пражан являлась образованная в 1921 г. Артистическо-литературно-музыкально-художественная федерация, объединявшая 93 артиста, 26 литераторов, 18 музыкантов и 16 художников. Председателем правления федерации являлся Е. Н. Чириков, его заместителем артист В. Х. Владимиров. Федерация занималась проводившимися русскими в Праге и других городах культурными мероприятиями (концерты, всевозможные художественные выступления, выставки), следила за их профессиональным уровнем.

Большим событием в жизни эмигрантов были приезды в Прагу с лекциями и выступлениями Деникина и Милюкова, писателей Бунина, Шмелева, Зайцева, Бальмонта и др. Сохранились воспоминания об этих лекциях. Так, например, В. В. Морковин, представитель молодого поколения эмигрантов, запомнил две фразы Деникина, произнесенные им в Праге в конце 30-х годов: «Вот многие говорят, что в грядущей войне Красная Армия побежит. А я думаю, что не побежит» [7]. Эти слова были встречены громом рукоплесканий. Свое впечатление о пражском выступлении Бунина оставил Д. Н. Мейснер: «Мне не пришлось слышать более искусного рассказчика. Достаточно было нескольких минут, чтобы в обширном зале, заполненном аудиторией во много сотен человек, забывалось окружающее и слушатель переносился в мир, о котором говорил стоящий на трибуне Бунин. Он не только говорил, он при этом удивительно тонко играл» [8]. Доклад Бунина о Л. Н. Толстом и толстовстве показался Мейснеру проникновенным, правдивым и глубоким.

С восторгом встречали в Праге гастроли А. Павловой, Т. Карсавиной, дягилевского балета, вечера О. В. Гзовской. С аншлагами шли спектакли оказавшейся в Праге группы артистов МХТ, среди которых большой популярностью в середине 20-х годов пользовалась М. Н. Германова.

В 1928 г. Прагу посетил Шаляпин. Многим слушателям были близки и созвучны сказанные им тогда слова: «Музыкант любит искусство своей родины и молится Богу, чтобы народ сохранил свою музыкальную душу. Это всегда было моим самым заветным желанием, чтобы каждый народ сохранил свою музыкальную душу» [9]. Во время пребывания в одном из пражских ресторанов с Шаляпиным произошел забавный случай. Поужинав, он в ожидании расчета рисовал на скатерти. Увидев рисунок, по воспоминаниям очевидцев совсем неплохой, хозяйка потребовала за испорченную скатерть 10 крон. Шаляпин согласился и взял скатерть с собой. Когда он вышел, хозяйке объяснили, кто у нее был гостем и какой рекламы она лишилась. Догнав Шаляпина, она извинилась, протянула ему 10 крон и попросила вернуть ей скатерть. Певец галантно ответил, что скатерть куплена и принадлежит ему, но если мадам угодно, он уступит ей ее за 50 крон. Хозяйка безмолвно заплатила ему эту сумму. Еще раз Шаляпин по просьбе русской колонии посетил Прагу в год столетия со дня смерти Пушкина.

26 января 1937 г. он дал в одном из лучших пражских залов «Люцерна» посвященный юбилейной дате концерт, на котором в сопровождении пианистики М. Каламкарнян исполнил романсы и песни на стихи Пушкина («Погасло дневное светило», «Пророк», «Анчар», «Узник» и др.), а также арии из русских и западных опер.

Весьма интенсивной являлась издательская деятельность русских эмигрантов. Достаточно сказать, что в Праге в 20-е годы существовали русские издательства: «Наша речь», «Пламя», «Кремль», «Воля России», «Крестьянская Россия». Самым мощным из них было «Пламя». Этим и другими издательствами выпускались тысячи книг, которые расходились по всему миру. Это были издания русских классиков, учебники, научные труды и т. д. Немало в Праге было и русских периодических изданий. Если говорить о тех из них, которые посвящали свои страницы вопросам культуры, то это еженедельники «Огни» и «Неделя», толстые журналы «Воля России», «Студенческие годы», «Своими путями». Кроме них, чешское издательство «Орбис» выпускало на русском языке журнал «Центральная Европа».

Все эти издания создавали необходимые условия для работы находившихся в Праге русских литераторов, у которых имелось несколько организаций. Оказавшихся в изгнании писателей и журналистов объединял Союз русских писателей и журналистов, который, с согласия правительства ЧСР, был основан в 1922 г. Председателем его правления при основании являлся П. А. Сорокин, товарищами председателя — Е. А. Ляцкий и С. К. Маковский. Впоследствии в состав правления в разные годы входили: С. В. Завадский, А. А. Аргунов, А. А. Кизеветтер, В. Ф. Булгаков, С. Я. Эфрон, Е. Д. Кускова, Н. П. Савицкий, В. А. Мякотин и др. Союз отмечал юбилеи многих русских и чешских писателей, как умерших, так и живых, устраивал авторские вечера, в частности Д. М. Ратгауз, М. И. Цветаевой, Е. Н. Чирикова, проводил экскурсии, поддерживал контакты с другими культурными организациями, осуществлял издательскую деятельность. Результатом последней явился вышедший под редакцией В. Ф. Булгакова, С. В. Завадского и М. И. Цветаевой литературный сборник «Ковчег» (Прага, 1926).

Молодое поколение русских литераторов, начавших писать лишь в Праге, главным образом поэтов, собиралось в кружке, называвшемся «Скит поэтов». Вход на собрания кружка был свободный. Вначале эти собрания напоминали учебные занятия. На них выступали с лекциями о поэтике и стихосложении руководитель «Скита» А. Л. Бем, профессора Е. Е. Осипов, И. И. Лапшин и др. Но постепенно члены кружка все больше уделяли времени чтению и обсуждению собственных стихов. Участники «Скита поэтов» активно печатались во многих пражских русских журналах, выпустили четыре коллективных сборника стихов под общим названием «Скит», а также ряд индивидуальных поэтических книг, авторами которых являлись Вячеслав Лебедев, Алла Головина, Эмилия Чегринцева и Вадим Морковин. Помимо них наиболее часто печатавшимися в периодике поэтами-«скитниками» были Николай Болесци, Сергей Рафольский, Александр Туринцев. В состав «Скита» входили и несколько прозаиков: И. И. Тидеман, М. Д. Иванников и С. Л. Долинский.

Были в Праге и другие литературные объединения. Наряду со «Сkitом поэтов» существовал еще кружок «Далиборка», основали который в 1924 г. С. К. Маковский, Д. Н. Крачковский, В. А. Амфитеатров-Кадашев и П. А. Кожевников. Его участники поначалу собирались в пражской кофейне «Далиборка». Организаторы собраний этого кружка стремились помочь общению русских и чешских писателей. Они устраивали совместные чтения и обсуждения оригинальных произведений, докладов на литературные темы, стремились поддержать молодых литераторов, рекомендуя их сочинения прессе. Помимо множества людей молодого и среднего возраста, в собраниях «Далиборки» участвовали Г. Н. Гарин-Михайловский, Вас. И. Немирович-Данченко, Д. М. Ратгауз, Е. Н. Чириков и др. Кружок сотрудничал с «Чешско-русской единотой». Существовали в Праге также «Вторники „Воли России“». В редакции журнала «Воля России» регулярно собирались молодые русские поэты, прозаики, авторы журнала. Ор-

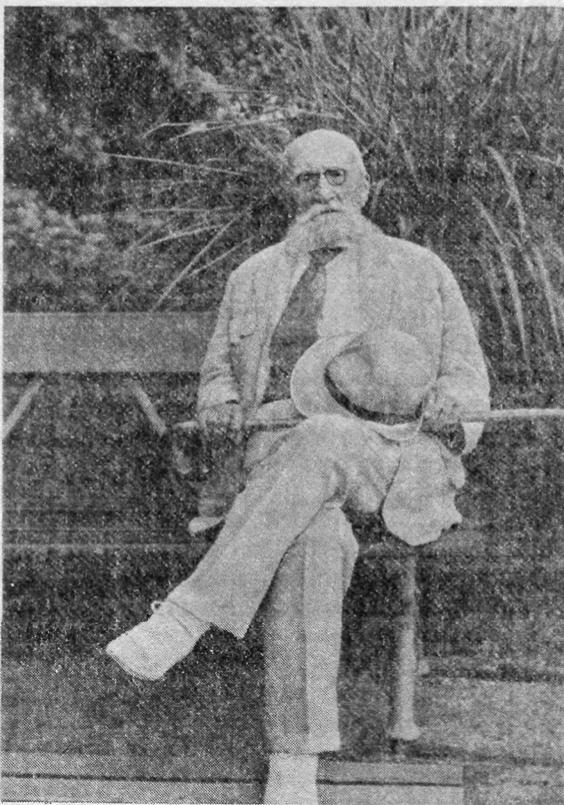

Рис. 3. Вас. И. Немирович-Данченко. Фотография, 1934 г.

ганизаторами проходивших в редакции вечеров, посвященных творчеству Цветаевой, Бабеля, Леонова и других писателей, были М. Л. Слоним, С. П. Постников, Н. Ф. Мельникова-Попошкова, В. И. Лебедев.

С деятельностью эмигрантских литературных объединений в какой-то мере соприкасались руководимый П. В. Азанчевской «Русский теософический кружок в Праге», члены которого прокламировали терпимость к любым убеждениям и верованиям, и Клуб «Крестьянской России» (так называлось одно из русских издательств в Праге), где в зимнее время проходили обсуждения внутренней и внешней политики России, её экономической жизни, положения русских за пределами Советской России.

Особо следует остановиться на собственно творческой жизни русских писателей в Праге. Волею судьбы здесь оказались и постоянно жили А. Т. Аверченко, С. Н. Чириков, Д. М. Ратгауз, Вас. И. Немирович-Данченко, М. И. Цветаева, В. Ф. Булгаков. Некоторые писатели-эмигранты (Ходасевич, Амфитеатров, Бунин, Зайцев, Шмелев, Бальмонт, Степун) бывали в Праге временно. Все они активно печатались в Праге. А многие (Куприн, Ремизов, Мережковский, Гиппиус, А. Черный и др.) сотрудничали с пражскими издательствами и журналами, живя во Франции. Вместе с обильным изданием в Праге русских классиков, старые и новые произведения этих писателей давали читателям-эмigrantам так необходимую им в отрыве от родной земли духовную пищу. Нет возможности охарактеризовать всю выхodившую в Праге художественную литературу. Скажем только, что там, в частности, были созданы многие произведения Вас. И. Немировича-Данченко, Е. Н. Чирикова, А. Т. Аверченко, М. И. Цветаевой.

Уже пожилой Немирович-Данченко (рис. 3) написал в Праге романы «Вольная

душа», «Она», «Святой грех», «На бабых хлебах», множество повестей и рассказов, в частности «Большевика», «Молодой человек на хорошей дороге», «Папочка с улицы», «Две ночи перед казнью». В Чехословакии в 20—30-е годы вышло 62 его книги. На пражский период творчества Чирикова приходятся романы «Семья», «Любовь Муравьева», «Зверь из бездны», «Юность», «Отчий дом», повести «Исповедь» и «Именинница», книга рассказов «Во младости». Особо известен стал роман «Зверь из бездны» (1926), отмеченный чертами мемуарности. Писатель посвятил его чешскому народу. Изданные в Праге в переводе на чешский язык произведения Чирикова составили 13 томов.

К числу книг Аверченко, появившихся в Праге, относятся юмористический роман «Шутка мецената», сборники рассказов «Кипящий котел», «Рассказ циника» и «Двенадцать портретов знаменитых людей в России». Последняя книга содержит очерки: «Мадам Ленина», «Мадам Троцкая», «Феликс Дзержинский», «Петэрс», «Максим Горький». Отдельные рассказы Аверченко появлялись в сборниках, например в «Ковчеге». Много написала и опубликовала, будучи в Праге, Цветаева. Это, в частности, «Поэма конца», «Поэма горы», «Крысолов», пьеса «Феникс», сказка «Молодец» и ряд лирических стихов.

Многим произведениям этих и других писателей-эмигрантов только еще предстоит попасть в руки отечественных читателей.

Говоря о культурной деятельности россиян в Праге, надо отметить, что одним из ее общих целеустремлений было сближение русской и чешской культур. В этом отношении эмигранты продолжали традицию, которую успешно развивали Срезневский, Погодин, Пыпин, Хомяков, Тютчев, А. К. Толстой, Балакирев, Чайковский, Верещагин, Репин и другие деятели русской культуры. Эмигранты не противопоставляли себя принявшему их чешскому народу, напротив, стремились познать его жизнь, историю, литературу, всю культуру в целом, делясь с ним своими духовными ценностями.

Апогеем активности и многообразия культурной деятельности русских эмигрантов явились 20-е годы. К началу следующего десятилетия она пошла на убыль. Старшее поколение постепенно уходило, а значительная часть младшего после завершения образования уезжала из Чехословакии в поисках работы в Америку, крупные европейские страны, даже в Африку. А кто-то и возвращался на родину.

В кратком обзоре культурной жизни российской интеллигенции в Праге мы смогли сказать далеко не все и не обо всем. Остались в стороне организация образования и книжного дела, работа живших в Праге выдающихся ученых (академиков Н. И. Андрусова, Н. П. Кондакова, П. Б. Струве, В. А. Францева, известных философов Н. О. Лосского, С. Н. Булгакова и многих других), талантливых инженеров и архитекторов, музыкальная и театральная жизнь эмигрантов, некоторые другие стороны их культурного бытия. Все это еще ждет своего освещения. Но и то немногое, о чем удалось сказать, думается, позволяет утверждать, что оказавшиеся в 1920—1930-е годы в Праге россияне вписали яркую страницу в историю русской культуры и летопись русско-чешских культурных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дети эмиграции. Прага, 1925. С. 247.
2. Память Т. Г. Масарика. Объединение русских эмигрантских организаций в ЧСР. В. м., б. г. С. 9—10.
3. *Masarik T. J. Cesta demokratie. Praha, 1934. Sv. II. S. 56—57.*
4. *Slovanský přehled. 1993. Č. I. S. 22.*
5. Русские в Праге. Прага, 1928. С. 9.
6. Русское искусство за рубежом. Прага, 1938. С. 11.
7. Кишкун Л. С. О русской эмигрантской молодежи в Праге (1920—1930-е годы) // Славяноведение. 1993. № 4. С. 98.
8. Мейснер Д. Ф. Миражи и действительность. М., 1966. С. 209.
9. *Kubka F. Hlasy od Vychodu. Praha, 1960. S. 32.*

© 1995 г. ГАРДЗОНИО С.

ДВА РУССКИХ ПОЭТА ВО ФЛОРЕНЦИИ (А. Гейнцельман и М. Лопатто)

Растущий на родине интерес к литературе русского зарубежья приводит в последние годы литературоведов и историков русской литературы к новым попыткам типологизации и периодизации литературного наследия на русском языке, к новому анализу истории русской литературы XX в. (в целом, включая «внутреннюю» Россию и эмиграцию). Данное обстоятельство требует все более внимательного изучения произведений всех авторов русской diáspora, в том числе малоизвестных и даже забытых, которые писали и печатались в разных странах. Конечно, Италия как место жительства была выбрана не очень многими русскими литераторами. Все-таки в Италии, наряду со знаменитостями, такими как В. И. Иванов и А. Амфитеатров, оказалась целая группа малоизвестных писателей, главным образом, поэтов, чье творчество не заслуживает полного забвения. Среди них двое, А. Гейнцельман и М. Лопатто, долго жили во Флоренции, при этом, наверное, не зная друг друга. Здесь они умерли и были похоронены. В этой статье я бы хотел привести некоторые данные об их поэзии эмиграционного периода, дополняющие картину литературной истории русской эмиграции в Италии.

Анатолий Гейнцельман (1879—1953) (см. [1]) происходил из швейцарско-швабской колонии Шабо в устье Днестра недалеко от Одессы. Писать начал рано: первые опыты были на немецком языке. После кратковременного увлечения толстовством он в 1904 г. уехал лечиться в Италию (Палермо и Рим), а в следующем году вернулся на родину, в Одессу, где и пережил революционные события и «чудовищный погром», после чего он решил опять уехать в Италию, на Сицилию. Оттуда — что кажется безумием — он дошел пешком до Парижа и от этого выздоровел. В Париже он интересовался «русской партийной жизнью» и познакомился, как он сам говорит, «с „потемкинцами“ и со многими будущими „героями“ революции 1917 года». В Париже он познакомился с Розой Хеллер, своей будущей женой, которая стала для него опорой и на поэтическом поприще.

В 1908 г. Гейнцельман переселился во Флоренцию, где прожил до 1915 г., когда через Швецию вернулся в Петербург и оттуда на юг России. Отсюда он с женой уехал окончательно в 1920 г., во время польского наступления, и вернулся в Италию (Флоренция и Неаполь), где остался как эмигрант, позже получив итальянское подданство. Здесь он жил «почти схимником в пустыне большого города» до самой смерти. Поэт скончался во Флоренции 7 апреля 1953 г.¹.

Автор четырех сборников, изданных в Италии уже после второй мировой

¹ Гардзонио Стефано — профессор Пизанского университета, специалист по русской литературе.

¹ Данные о жизни А. Гейнцельмана взяты, главным образом, из его автобиографии [2. С. 5—9].

войны, Гейнцельман совсем забыт на родине. Еще до революции он издал в Одессе, в 1903 г., единственный сборник стихов, о котором даже не упоминает в автобиографии² — «Сочинения». 1899—1902.

Книга состоит из двух частей: в первую (128 С.) входят «Днепровские сонеты» (1902), «Песнь о жизни», «Лирическое интермеццо» (1900), поэма «Корабль Орлица» (1902); во вторую (160 С.) — прозаическое сочинение в форме дневника с поэтическими вставками «Переживания Алексея Асоргина», которое состоит из очерков «Не быть» (1899—1902), «В толпе» (1900), «Гроза. Мать» (1901) и «Драматической симфонии» «Веточка Шоль» (1901—1903). Поэзия молодого Гейнцельмана глубоко подражательна. Она пронизана сильным влиянием немецкой романтической лирики (Гельдерлин, Новалис, Шиллер)³ и, нося явно ученический характер, входит в общее русло второстепенной эпигонской лирики русского *fin de siècle*.

«Переживания Алексея Асоргина» написаны в форме лирического дневника, патетичны и вычурны. Поэтические вставки, несмотря на неожиданные полуиронические нюансы, еще более усиливают эффект нелепой искусственности и многословия. Вот явный и неуклюжий пример «бальмонтовщины»:

В далеком мире пламенных звучий,
В холодном мире творческих работ —
Я скоронил свой труд в лучах горючих,
Кто смеет взять, без робких слов возьмет...

В том же духе написаны и стихи первой части книги. В неуклюзых и тяжеловесных оборотах ранней поэзии Гейнцельмана нетрудно уловить манеру Надсона и Случевского. Вот два примера из «Днепровских сонетов», в первом звучит тема мечты:

Я шут, я раб своей мечты, родная,
Я горемычный сын тупых отцов.
У них всегда была мечта тупая,
Страдать учила их толпа жрецов [...]
Я раб мечты, но я летать умею,
Я не овца, не раб своих богов;
Свободнее отцов я мыслить смею,
Искать в себе одном могучих слов...

в другом — темы смерти и бессилия:

Была весна, мы встретились впервые;
Ты расцветала, я бессильно гас.
Ненастья жизни и порывы злые
Я хоронил в вечерний, тихий час...

В Италии Гейнцельман писал и переделывал очень много до грани графоманства. Даже авторский экземпляр одесского сборника переполнен вариантами, правкой и вставками. Так же выглядят все рукописные книги, среди которых итоговые сборники: «Книга Розы» (Флоренция — Париж — Одесса — Петербург, 1906. 1907—1915), «Поэмы великого эроса» (1907—1911), «Поэмы великого ужаса» (Флоренция — Петроград, 1914—1916), «Стихотворения. Тетради I—X» (Флоренция, 1930—1943), «Поэмы жизни» (Флоренция — Неаполь, 1933—1946),

² В своей автобиографии Гейнцельман пишет, что сборник «Космические мелодии» (1951) является «первой напечатанной антологией моих стихов» [2. С. 5].

³ Вся книга переполнена эпиграфами из немецких авторов: Гете, Грильпарцера, Новалиса, Гельдерлина, Шиллера, Шопенгауэра, Гейне, Ницше, Ленau.

«Эмалевые скрижали. Духовные стихи» (Флоренция, 1945), «Песни из Хаоса» (Флоренция, 1947), «Песни оборотня» (Флоренция, 1949), «Облачные сонеты. Поэтический дневник» (Флоренция, 1950—1951). Так же выглядят и его рукописные «трагические миниатюры» «Джемито» (Ромны — Флоренция — Неаполь. 1919. 1928—1930), «Иуда» (Неаполь, 1935), «Орлицы» (Флоренция, 1939), «Облаки» (Флоренция, 1948) и т. д.⁴.

Итак, даже беглый, поверхностный анализ рукописного наследия поэта ясно показывает, что его поэтические тексты в большинстве случаев не имеют канонической, окончательной редакции, а существуют в многочисленных вариантах и переделках. Данное обстоятельство связано, конечно, с функцией поэтического творчества в жизни самого поэта. Он был далек от литературных течений или группировок, и поэзия имела для него сугубо личное значение: «Non vedendo nella vita nessun filtro scopo che la poesia, scrivo sempre nuove serie di liriche per avere la sensazione di vivere e di non dissolvermi nel nulla» («Не имея в жизни никакой другой цели, кроме поэзии, я постоянно пишу новые и новые лирические стихотворения, чтобы сохранять ощущение жизни и не раствориться в ничто»). Так сам поэт писал в одной из рукописных автобиографий. В другом месте он заметил: «Мне совершенно безразлична судьба этого моря стихов». Итак, творчество Гейнцельмана сопровождалось постоянным писанием и переписыванием, доходящим чуть ли не до болезненной маниакальности. Поэт издал в Италии лишь один сборник, «Космические мелодии» (Неаполь, 1951), где, кстати, стихи, относящиеся к разным периодам и рукописным книгам, расположены без указаний дат и без разделения на лирические циклы. В этом издании все сложное переплетение циклических линий с их дневниковым, сугубо лирическим характером, стирается. Весь напряженный и тщательный труд над рукописной книгой вдруг рушится.

Уже после его смерти Роза Хеллер, его вдова, опубликовала три сборника: «Священные огни» (Неаполь, 1955), «Стихотворения. 1916—1929; 1941—1953» (Рим, 1959) и «Моя книга. Избранные стихи» (Рим, 1961). Особенno ценен первый из них, где стихи расположены по циклам, как в рукописных сборниках. Здесь, среди прочего, выделяются циклы сонетов: «Флорентийские сонеты» (1949), «Облачные сонеты» (1951) и «Амазонские сонеты» (1949). Этот последний цикл с подзаголовком «Сновидение» является целой поэмой, состоящей из 37-и сонетов, где рассказывается об авиационной катастрофе и о жизни спасшегося человека в новом земном рае.

Последняя книга, 1961 г., как уже указано, содержит краткую автобиографию поэта. В архиве хранятся ее многочисленные варианты. Вдова напечатала также два сборника своих переводов стихов Гейнцельмана на итальянский язык. Другие переводы разбросаны в периодике⁵. Именно итальянские переводы вызвали некоторый интерес к поэту со стороны критики. О Гейнцельмане писали и крупные итальянские литераторы, как, например, поэт Марио Луци, который первым, в 1952 г., представил итальянскому читателю поэзию Гейнцельмана [1. С. 63], и писатель Т. Ландольфи.

Т. Ландольфи уделяет поэту значительное внимание, подчеркивая влияние на Гейнцельмана поэтической линии, идущей от Фета и Тютчева, и решающую структурирующую роль мифов об изгнании из рая и о падшем ангеле [5]⁶. Известный славист В. Джусти, также много писавший о Гейнцельмане, хоть и

⁴ Все рукописные сборники Гейнцельмана вместе с архивом поэта и его жены хранятся в библиотеке Филологического факультета Флорентийского университета. Описание архива Гейнцельмана см. в [1. С. 64—65].

⁵ Переводы стихов Гейнцельмана, сделанные вдовой поэта и известным переводчиком-русистом Р. Кюфферле, собраны в двух сборниках [3—4]. Кроме того в периодике было издано несколько переводов из лирической поэзии. Отдельными брошюрами напечатаны статья Гейнцельмана по-итальянски о Лернардо в России (1953) и перевод трагической миниатюры «Джемито» (1969).

⁶ Об этом впервые написал Василий Сумбатов в предисловии к первому итальянскому изданию стихов Гейнцельмана [3].

признает старомодность поэзии «Anatolio Pontico»⁷ по сравнению с поэзией Блока, Вяч. Иванова, Белого, Брюсова, находит в религиозном и тревожном мире поэта созвучие с русской поэзией начала века — через его общность с великим духовным наследием Достоевского [6]. Рецензент газеты «Il Giorno» отмечает духовное родство Гейнцельмана с поэзией Владимира Соловьева и Брюсова [7] (см. также рецензию в [8]).

На русском языке, насколько мне известно, после упоминания поэта в книге Г. П. Струве [9] были напечатаны рецензия Ю. Трубецкого на сборник 1951 г. [10], две заметки о поэте в «Русской мысли» [11—12] и рецензия Л. С. (наверное, Леонида Страховского) на посмертный сборник «Моя книга» в журнале «Современник» [13]⁸.

Рецензия Ю. Трубецкого напечатана в малоизвестном журнале русской диаспоры в Канаде «Милосердный Самарянин», органе Ассоциации (благотворительного общества) с тем же названием. Трубецкой отмечает у Гейнцельмана влияние «итальянских поэтов, ранних символистов и, в частности, Ш. Бодлера» [10]. Наиболее верной является характеристика, данная Н. Резниковой, которая отмечает, что творчество А. Гейнцельмана «стоит вне каких-либо течений, школ и влияний, как будто бы стихийные ритмы сами сложились в звучные строчки и из этих звуков возникают сны, мысли, образы, видения» [11]. П. Ершов в свою очередь утверждает: «А. Гейнцельман по своей натуре прежде всего мыслитель» [12].

Ко всему этому, как кажется, надо добавить, что в поэзии Анатолия Гейнцельмана — и в пользу этого свидетельствует уже его первый, одесский, сборник — очень жив интерес к итальянской классической поэзии, цитаты из которой встречаются и в эпиграфах, и в стихах.

Его поэзия периода эмиграции красочна и живописна. В ней много экзотики, что и отражается, например, в редкой, семантически значимой рифме. Метр и ритм ее традиционны и особенно не выделяются, за исключением нелепых случаев перебоя ритма силлаботонического размера.

Стихи Гейнцельмана богаты библейскими и античными мотивами, проникнуты глубоко пессимистическим настроением. Италия, ее природа и ее искусство играют в ней весьма значимую роль. Целый ряд стихотворений посвящен Флоренции и Тоскане, Риму, Неаполю, Венеции и другим городам и местам Италии. Особенно внимателен поэт к духовно-религиозным элементам итальянского искусства.

Как пишет Ю. Трубецкой, «Образы Италии владеют поэтом [...] Любовь к образам Италии у автора тесно связана с религиозными чувствованиями...» [10].

Итак, Италия у Гейнцельмана — это прежде всего страна религиозного искусства, и ее пейзажи и памятники входят в общий мистико-космический пафос его поэзии, где царствует тема смерти:

В отчизну мы вернулись Данта
Под мощный купол Брунеллески,
И на предметном Сантросанто
Словесные родились фрески.

Меж кипарисов Импрунеты,
Где средь серебряных олив
Впервые на юдольном свете
Я был поистине счастлив.

(«Грааль любви», 1953⁹)

⁷ Этим псевдонимом (Анатолий Понтийский) и в латинском варианте, Anatolius Ponticus, любил пользоваться сам Гейнцельман.

⁸ Вдова Гейнцельмана поддерживала связи с русской колонией в Канаде через Ф. Голдвина. От него она получила книгу стихов Л. Страховского «Долг жизни» (1953) [1. С. 65].

⁹ Здесь и далее указывается дата окончания конечной редакции. Стихи часто написаны гораздо раньше и подвергались постоянной переделке.

Образную систему его поэзии моделируют принципы живописи: Словесные пишу я фрески/На белой кладбища стене... («Словесные фрески», 1953), и Фра Анджелико ее главный вдохновитель: Как смиренный брат Беато,/Живописец золотой,/Я пишу, что непочато,/Что анахронизм святой... («Покинутый скит», 1946).

Это, конечно, общие места «итальянского текста» русской поэзии, и творчество Гейнцельмана ими изобилует: Как хороши холмы Тосканы/Под сизым кружевом олив... («Апофеоз», 1946), Ряды холмов, как волны в океане,/Застывшие еще во дни творенья... («Тосканы», 1953), Вдали долина дымчатая Арно,/Флоренции священный силузэт./Издалека там все высокопарно,/Духовный там повсюду розлит свет... («Пинета во Фьезоле», 1948), и т. д. Некоторые образы безусловно оригинальны и любопытны как, например, в стихотворении «Колокольня Джотто» (1946):

Нет ни одной свечи пасхальной
Прелестней колокольни Джотто,
Когда она в ночи печальной
Горит таинственней кивота...

Большое количество стихотворений связано с образами повседневной Италии, далекими от шедевров ее искусства и солнечных пейзажей. Так, образы флорентийского квартала на речке Муньоне служат фоном для описания душевного одиночества поэта и его многочисленных метаморфоз:

Последний лист я на платане
В дождливом сером январе...

(«Январская симфония», 1948)¹⁰

Речушка жалкий наш Mugnole
Известный на весь мир однако,
Прославленный в Декамероне
В новелле с хитрым Буфальмако.
На красном мостице стою я,
В зеленую гляжу водицу,
Где тенора поют ликуя,
Чтоб хоть одну признать сестрицу...
Моей души в них многострунность.
Степь черноморскую я вижу
На дне квакушки глаз холодных,
Все, что люблю и ненавижу,
Портреты в платьях старомодных.
И это сонное adagio
Мне грустью наполняет сердце,
И слов загадочная пряжа,
Как восхитительное scherzo,
Звучит из сумерек кровавых,
И превращаюсь я в квартины¹¹
И превращаюсь я в октавы,
И рай встает из вязкой тины.

«Красный мост»¹² (1947)

¹⁰ Здесь имеются в виду платаны Viale Milton, набережной Муньоне (недалеко от русской церкви), где жил сам Гейнцельман. Ср. Дружина молодых платанов/Асфальтированной аллеи... («Алия Мильтона», 1950).

¹¹ Квартины (итал. quartina), т. е. катрены.

¹² Красный мост (Ponte Rosso) — мост над Муньоне во Флоренции в начале Болонской дороги.

Поэт отождествляет себя со своей поэзией, со своей постоянно переписывающейся книгой и переживает те же превращения, что и его стихотворения. Он себя постоянно «переписывает»: Я ветер, хлопающий ставней...;/ Я натюрморт одушевленный/по воле скорбного отца...; Я крестоносец запоздалый,/Я воскрешенный древний грек,/Я слова мученик усталый,/Я одинокий человек...; Я птица Феникс...; Я изменчивый как тучи,/Оборотень я былинный...; Я святитель Анатолий/Из пещеры на Афоне,/Много написавший сколий,/В терниев сухих короне...; А я Креститель дикий Иоанн... до горького восклицания: Я спать хочу без превращений...

Религиозное восприятие Италии и ее образов переплетается у Гейнцельмана с темой ссылки и тоски по родине. Для Гейнцельмана Понт не место ссылки, а родина. Италия — наоборот. Тема отечества и национального самоопределения очень существенна и болезненна: Нет у меня отчизны, нет народа,/Не немец я, не русский, не волошин... Пылинка я космического света... («Сплин», 1950). Что Россия всегда играет решающую роль в его восприятии жизни, горько выявляется из следующего отрывка, где речь идет о смерти, на которую переносятся атрибуты советского режима:

Ты здесь, трагичная Старуха,
С серпом и молотом, ты здесь...

(«Мольба», 1948)

Как видно уже из этих немногих примеров стихи Гейнцельмана перепевают русскую поэзию начала века. Однако трудно сказать, насколько Гейнцельман был знаком с этой поэзией. Его стихи по фактуре и по композиции очень наивны, словесная и образная система далека от настоящего мира поэтической интертекстуальности. Существенно то, что Гейнцельман прекрасно это понимает, строя свою поэзию как документ, как свидетельство.

Как мне кажется, лучшие достижения музы Гейнцельмана связаны с его сонетами. Он сам писал: «Теперь я вернулся к форме сонета, предпочитая сконцентрировать мотив или переживание в 14 строчек, чтобы не расплыться как летние облака».

И действительно, поэзия Гейнцельмана не заслуживает исчезновения и забвения, наоборот, она заслуживает сочувствия и понимания, как частица, хоть и скромная, русской культуры и общечеловеческого сострадания, о котором поэт замечает: «В душе моей совершился перелом, я стал мистически настроенным, постепенно находя Бога в красоте и проникаясь великим состраданием к Нему, как к Художнику, создавшему такой несовершенный мир» [2. С. 8].

Михаил Лопатто (1892—1981), родившийся в Вильно, интересный поэт-лирик и пародист, издатель (петроградско-одесское издательство «Омфалос») и теоретик литературы. О нем в последние годы вышла в России целая серия статей [14—19]. В том числе и в биографическом словаре «Русские писатели 1800—1917» [20]. Он был членом Венгерского семинара, писал о прозе Пушкина, дружил с Ю. Оксманом, С. Бонди, Ю. Тыняновым и др. Его книга «Опыт введения в теорию прозы. Повести Пушкина» (1918) до сих пор остается важным вкладом в отечественную пушкинистику. В России он выпустил два поэтических сборника, «Избыток» (1916) и «Круглый стол» (1919) в своем издательстве «Омфалос», которое играло заметную роль в культурной жизни Петрограда и потом Одессы в 1916—1919 гг.¹³. Вокруг издательства создался кружок поэтов-пародистов (В. С. Бабаджан, Н. Бахтин и сам Лопатто) под названием «Омфалический Олимп». С деятельностью кружка связаны коллективный сборник «Омфалический Олимп. Забытые поэты» и книга Клементия Бутковского

¹³ В Одессе в «Омфалосе» печатались, между прочим, Б. Варнеке, Л. Гроссман, М. Волошин (переводы из Верхарна) и Г. Шенгели (переводы из Эредиа) [14. С. 33—34].

(В. Бабаджана) «Кавалерийские победы», Петроград, 1917 [17]. В военные и революционные годы в Петербурге Лопатто был знаком со многими русскими поэтами, в частности, с О. Мандельштамом, Н. Гумилевым и М. Кузминым. Именно с поэзией акмеизма и, в частности, с творчеством М. Кузмина [16] связана лирическая поэзия молодого Лопатто и его неизданные или утраченные опыты в прозе [17. С. 227]. О ранней поэзии Лопатто писали, в частности, Г. Иванов и К. В. Мочульский [20]. Контакты Лопатто с Волошиным в Одессе не вполне выяснены, но очень вероятно, что его неизданные переводы из де Ренье связаны с переводческими опытами Волошина. В 1920 г. Лопатто эмигрировал в Италию, где стал успешно заниматься продажей пушнины. На чужбине Лопатто отошел от русской литературной жизни (как в России, так и за границей), но все-таки уже на склоне лет выпустил сборник стихов («Стихи», Париж, 1959) и роман, сохранившийся только в итальянском переводе» («Il figlio del diavolo, Russia: 1904—1928», Firenze, 1977). Жил и умер Лопатто во Флоренции.

В единственный изданный в эмиграции сборник стихов Михаила Лопатто вошли стихи разных лет, в том числе из его поэтических книг, изданных еще в России (в частности, стихотворения из второго сборника «Круглый стол»). Однако композиция сборника и организация лирических циклов здесь иные (см. [21]).

Поэт перепечатал старые тексты, комбинируя их с новыми, написанными в течение более чем тридцатилетнего пребывания за рубежом. Старые тексты в общем не подвергались радикальной переделке. Разнотечения малочисленны и носят, за некоторыми исключениями¹⁴, явный стилистический характер.

Оригинальное соположение старых стихотворений с новыми в лирических циклах, наверное, стоило бы изучить глубже и в сравнении с циклической организацией ранних сборников; это помогло бы определить эволюцию поэтического творчества Лопатто в годы эмиграции.

Можно отметить, что в общем поэт остался верным своей прежней манере. Как известно, на поэзию молодого Лопатто оказала влияние поэтика русского акмеизма. В сборнике «Круглый стол» критика отметила большую, чуть ли не барочную насыщенность стиха, излишнюю утонченность, некую хрупкость образной системы [22]. Лопатто применяет сложные строфические формы, твердые формы, вроде восточной газеллы или двойной гlossenны [23].

С другой стороны, Лопатто в «Омфалитическом кружке» писал пародийные стихи, в которых отвергал поэтику акмеизма, почти издеваясь над ней. Ирония свойственна и его лирической поэзии.

В своем письме В. Я. Брюсову (январь 1916 г.) по поводу выдвинутого Ю. Тыняновым обвинения в пустоте и вульгарности («Речь», 28 декабря) Лопатто пишет: «Об искусстве я имею самые высокие представления, и если это мало отразилось в моих стихах, то потому что в большинстве они ироничны.

Вот что я имею сказать в свое оправдание. Я согласен, что направление моей иронии может измениться, если я найду более возвышенную среду» [24].

Отношение Лопатто к поэзии своего времени носит явный «иронический характер». Уже отмечались программное отстаивание «пушкинской краткости и ясности» и антитеза «возрождение-вырождение», которая станет центральной в его понимании искусства и обусловит последующее его отрицательное отношение к русской литературе XX в. Вместе со своим другом Н. М. Бахтиным, братом М. Бахтина, Лопатто мечтает о Возрождении, «несвоевременно, явно ощущая близкое уничтожение всех духовных ценностей». Е. Тодес пишет, что и потеряв к концу жизни культурную ориентацию, Лопатто все же остается «и филологом и поэтом, адресующимся непосредственно к Пушкину и вспоминающим «покойную русскую литературу, как вспоминают давно умершего родственника» [18].

¹⁴ Например, в следующем случае, явно связанном с новыми достижениями науки: стих «Все разложивший, неделимый атом» стал «Все разложивший, вновь делимый атом» («Косметика космоса», 1917).

С. 242]. Свое предпоследнее письмо к В. Эджертону Лопатто заключает так: «Если бы я остался в Петербурге, то закончил мою теорию поэзии, принимая за основание критерии наследственности и связи поколений от Псалмов и Сафо до Пушкина и Тютчева в противовес декадентству последних ста лет» [17. С. 230].

Итак, поэтика Лопатто двойственна: лирический принцип совмещается с пародийным, скепсис и горькая ирония пронизывают все его стихотворения. В зарубежном сборнике эти черты усугубляются и мотивируются тяжким настроением одиночества и тоски по родине. Давняя идея о «возрождении-вырождении» становится теперь идеей о гибели русской поэзии. В то же время и вопреки всему, старый поэт не перестает писать. Публикация сборника 1959 г.— явное свидетельство этого противоречивого чувства. Опыты в прозе последних лет приобретают характер своеобразного поиска утраченного времени. Об этом свидетельствует переписка Лопатто с Эджертоном. В другом интересном документе — в письме от 12 февраля 1977 г. Дине Роффэ-Лопатто¹⁵ — М. Лопатто коротко излагает свою литературную позицию:

«Твое письмо принесло мне много радости. Спасибо, дорогая. Было бы столько слов, сколько не высказанного и сердечного, но ты с твоей чуткостью все сама поймешь. Теперь я должен бороться с отъединением не только старости, но и с новым недобрым миром, с его спешкой и мелким эгоизмом. По-моему, мы переживаем период истории упадка духа. Вот и поэзия: уже в мои юные годы я не сходился с эпигонами поэтического ремесла, писавшими скорее дурачества в стихах, чем послания живых душ живым душам [...] Жаль, что не могу послать мою книгу, вышедшую в 1958 г. [sic! — С. Г.] в Париже. После этого я не писал стихов, но только прозу. Три книги написаны, четвертую готовлю. Одна переведена на итальянский и напечатана в прошлом году. Но у меня впечатление, что и читателя больше нет. Те кто смотрят в книгу, читают глазами безотчетно, словно в телевизии, испортившей много мозгов. Настоящий читатель не должен быть пассивным приемником, не должен стать в личную позицию против читаемого. Нужна и культурная подготовка, что стало мало. Я посещал в Петербурге «цех поэтов» и дружился с некоторыми корифеями нашего упадка, но ни с кем не соглашался. Вместо вырождения меня и Бахтина манило новое Возрождение, живая душа, сильная личность. Я любил и славил жизнь, они уходили в ничто. Их на земле давно нет.

У наших упадочников и маньеристов культ слова, требование музыкального было велико. Я не пренебрегал формой, напротив, я искал совершенства в построении, ясности и простоте. Музыкальность не должна господствовать, но только внутренне сопровождать тему и мысль. Но, по существу, мое творчество уничтожало упадочников и мне пришлось стать одним против всех. Видно, что я не в духе времени. Но сколько надо мужества и терпения, чтобы работать в прозе!»¹⁶.

Из прозаического наследия Лопатто сохранились только повесть 1921 г. «Тангейзер» и итальянский перевод романа «Чертов сын» (см. [25—26]). Несмотря на их противоречивый эстетический характер (особенно трудно прийти к однозначной оценке переводного романа), повесть свидетельствует о подлинном и глубоком понимании тенденций русской прозы в пореволюционные годы, в то время как роман оказывается его запоздалым и анахроническим доказательством.

Среди новых стихов стоит выделить цикл «Чичероне», связанный с образами Франции и Италии. Как и предыдущая его поэзия, итальянские стихи Лопатто не традиционны. Образы Италии часто далеки от уже установившихся клише поэтических дневников русских лириков начала века. Стихотворения Лопатто проникнуты иронией и бытовыми автобиографическими реалиями:

¹⁵ Дина Семеновна Роффэ-Лопатто (1897—1990), жена Константина Лопатто, двоюродного брата поэта. Автор книги «Сборник стихов. Восточные легенды». Вильнюс, 1969 г. (рукопись).

¹⁶ Письмо хранится в семейном архиве племянника поэта Э. Г. Лопатто.

Теперь я больше не поэт,
Забыл печать, молчу в салоне,
Живу на скромной Пьер Капони.
Я не совсем бродяга, нет,
Я с позволенья чичероне...

(«Николаю Бахтину», 1924).

Его стихотворение «Порто Венере» (1923) написано шутливо и беспечно, в нем еще жива некоторая кузминская игривость:

Тот полдень в памяти не стерт,
Когда оставил пальмы парка
И съесту Спации нежаркой
Мы плыли на Венерин порт...

И далее нетрадиционное изображение достопримечательностей маленького морского поселка, его знаменитых «байроновских мест»:

Ты помнишь гладких скал откос,
Развалин плиты и площадки,
Гrott неуютный, отдых сладкий
И на кладбище рыжих коз...

Ср., напротив, возвышенный тон в стихотворении другого поэта-эмигранта, Василия Сумбатова, на ту же тему: *Пристань с названием старинным, как миф, / Смотрит в прозрачный залив. // Пристань Венеры!* — не здесь ли она? / В пене была рождена? // Волны не помнят, но верный гранит / Имя Венеры хранит. // Что-то манило в былье года / Славных поэтов сюда. // Может, их ждали богини следы / Здесь на песке у воды! // Может быть, в пене являлась им вновь / Та, чье дыханье — любовь? // Все может быть, но кто вспомнит о том / В этом заливе глухом? // Бухта Поэтов и Байронов гrott, — / Кто здесь теперь их найдет?.. («Порт Венеры») [27. С. 32]¹⁷.

То же сочетание лиризма и иронии мы находим и в стихах Лопатто о Флоренции и Венеции. Близость к итальянским стихам Кузмина очевидна:

Куда мы денемся с тобой?
В твоей петлице вянет роза
И ослепляет синевой
Осененная Вальомброза...¹⁸

(«Лунгарно», 1920)

или

Окно раскрыто на каналы,
Дрожит бродячий гондол свет
И баркароле запоздалой
Гитары вторит жаркий бред...

(«Венеция», 1920).

¹⁷ Среди прочих Порто Венере посвятил лирическое стихотворение под названием «Над морем» (1912), Саша Черный.

¹⁸ Валломброза — горная местность недалеко от Флоренции, где находится знаменитая обитель. Ср. ту же рифмовку у Гейнцельмана, у которого, наоборот, образ приобретает мистическое значение: *За Monte Pilli Валломброза/Блестящий снежный горностай, У водопада Арно Роза/Глядит на возвращенный рай* (имеется в виду набережная Лунгарно Santa Rosa, что и приводит к заключительным стихам: *Мистическая будет Роза/На нем и я Евангелист* [стих. «Апофеоз»].

Особняком стоит стихотворение «Флоренция» (1920), посвященное Беато Анджелико, где Лопатто неожиданно присоединяется к традиции религиозного восприятия образов Италии:

Молитв Беато, трепетных икон,
И рук и крыльев онемевших свято
Пыланьем вечер золотой сожжен
И в огненной пыли полотн заката
Дрожит и рдеет серебристый звон...

Далее идут стихи о Риме. Цикл строится как своеобразное туристическое путешествие по Италии, где гид, чичероне,— сам Лопатто. Заключается оно явно программным стихотворением «Бред галлерей» (так!— С. Г.) (1923), призывом к уединению и возвращению к истинному духу возрождения, который вдохновляет и лирическое умонастроение поэта и его горько-иронические выпады. Стихотворение полно усталости и раздражения против общества, вырывающегося у туристов. Массовая цивилизация опошляет великих художников, даже любимого Анджелико:

О перебой тревожных излучений.
Неутоленных теней пестрый гам!
Со всех сторон назойливо из рам
Здесь гения оспаривает гений.
Здесь пьяный Рубенс рядом с фра Беато,
Легчайший Липпи, темный Тициан.
Зевак приплывших из далеких стран
Стада всегда спешащие куда-то.

Как и герой его повести «Тангейзер», Лопатто призывает к бегству от общества и к приобретению новой, подлинной духовности:

Уйдем скорей! есть храмы и часовни
Лепящихся по кручам деревень.
Послушаем орган, присевши в тень.
Мадонна кротче, отрок здесь любовней...

Среди новых стихов, помещенных в старых циклах, выделяется стихотворение «Тоска по родине» (1943), написанное во время войны. Образы-воспоминания о молодости представлены с элегантной легкостью; Ю. Терапиано заметил у Лопатто тенденцию «оттенить радость жизни, а не трагизм ее» [21]: «*Vспомню те вёсны и талый/Ветер и тающий снег./Только заслыши шарманку/Вольность пропнется моя./В путь я уйду спозаранку/Хлеба краюху жуя*».

В последние годы отмечается растущий интерес к творчеству Михаила Лопатто на его старой и новой родине (см. [20], там же основная библиография; в последнее время см. [19, 23, 26, 28], в [23, 28] — переиздания стихов Лопатто), который поэт вряд ли мог предвидеть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гардзонио С. Об Анатолии Гейнцельмане, его архиве и библиотеке//De visu 11(12) 1993. С. 62—65.
2. Гейнцельман А. Моя книга. Избранные стихи. Рим, 1961.
3. Heinzelmann A. Melodie cosiche. Padova, 1955.
4. Heinzelmann A. Poesi. Firenze, 1957.
5. Landolfi T. Il poeta in fuga//Il Mondo. IX. № 36. 1957. 3 XI.
6. Giusti W. Anatolio Pontico. Il poeta solitario//Il giornale d'Italia/1957. 11 XIII. С. 3.
7. B. D. F./Il Giorno. 1957. 31 VI.

8. L'osservatore romano. 1958. 8 VI.
9. Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 399.
10. Трубецкой Ю. Анатолий Гейнцельман//Милосердный Самарянин. № 2—3. Б. д. С. 9.
11. Резникова Н. Поэт романтик. А. Гейнцельман//Новая мысль. 1956. 3 VIII. № 920. С. 5.
12. Ериков П. Размыщение над лирической книгой//Новая мысль. 1959. 31 X. № 1441. С. 5.
13. Современник. Журнал русской культуры и национальной мысли. Торонто. 1962. № 5.
14. Лущик С. З. Библиофильское издательство «Омфалос»//Актуальные проблемы теории и истории библиофильтва. Л., 1982. С. 32—34.
15. Тименчик Р. Д. Поззия И. Анненского в читательской среде 1910-х годов//Блок и его окружение. Блоковский сб. Тарту, 1985. Вып. 6. С. 113.
16. Богомолов Н. А. К изучению поэзии второй половины 1910-х годов//Третья Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 179—181.
17. Эджертон В. Ю. Г. Оксман, М. И. Лопатто, Н. М. Бахтин и вопрос о книгоиздательстве «Омфалос» (Переписка и встреча с М. Лопатто)//Пятые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 211—237.
18. Тоддес Е., Чудакова М. Несколько цитат, библиографических заметок и мемуарная реплика на полях публикации В. Эджертона//Пятые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 238—244.
19. Гардзонио С. Разыскания о флорентийском архиве М. И. Лопатто//Шестые Тыняновские чтения. Рига — Москва, 1992. С. 250—254.
20. Зленко Г. Д., Лущик С. З. М. Лопатто//Русские писатели (1800—1917). Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 391—392.
21. Терапашю Ю. Рец. на: М. Лопатто. Стихи. Париж, 1959//Русская мысль. 1960, 6 II. С. 7.
22. Мочульский К. Рец. на: М. Лопатто. Круглый стол//Одесский листок. 1919. 16 III.
23. Гаспаров М. Л. Русский стих 1890-х — 1925-го годов в комментариях. М., 1993. С. 197—199; 264.
24. ОР РГБ. Ф. 386.92.32.
25. Гардзонио С. Новое о М. Лопатто//Тыняновские чтения (в печати).
26. Гардзонио С. Михаил Лопатто прозаик и исследователь пушкинской прозы (в печати).
27. Сумбатов В. Прозрачная тьма. Стихи разных лет. Ливорно, 1969.
28. Русская поэтическая миниатюра. Антология. Рудня, 1957. С. 80.

© 1995 г. ЦИВЬЯН Т. В.

ЮРИЙ ОДАРЧЕНКО: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОЗЫ¹

Юрий Одарченко написал немного стихов и немного прозы; у нас он почти неизвестен, хотя публикации его стихов [1] уже появились [2] (в этом издании указана неверная дата рождения — 1890 вместо 1903 г.— Т. Ц.). В словаре В. Казака об Одарченко написано следующее [3]: «Одарченко Юрий Павлович, поэт (1903—1960 Paris).

Орос на Украине, в эмиграции жил в Париже [...] находился вне круга парижских литераторов-эмигрантов 30-х годов. Дружил с Владимиром Смоленским. В 1947 г. он издал альманах «Орион» [...]. Он опубликовал единственный тонкий сборник «Денек», состоящий из 46 стихотворений [Paris, 1949]. Одарченко по своей воле ушел из жизни. В. Бетаки собрал и в 1983 г. издал его стихи (около 70.— Т. Ц.) и некоторое количество его прозы [4] (по утверждению составителя — всю). Кирилл Померанцев свидетельствует [5. С. 52; см. также 6]: «Куда делись его картины, рисунки, рукописи,— никогда не смог узнать».— Т. Ц.) [...] Его высказывания, смысл которых усиливается часто за счет неожиданных концовок, указывают на бездны, заключенные в человеческом существе. При этом его творчество пронизано также предчувствием своего рода божественного правосудия [...]. Близость О. к миру демонического особенно сильно сказывается в его прозаических фрагментах [...]. Г. Струве в своей книге о русской литературе в изгнании отозвался о его стихах весьма прохладно, хотя и отметил их влияние на позднего Георгия Иванова [7. С. 391—392]. Прозу его он вообще не упомянул.

Той прозы действительно очень мало: неоконченная, вернее, существующая в отрывках повесть «Детские страхи», рассказ «Ночное свидание», эссе «Истоки смеха» и очерк «Дикий виноград».

«Дикий виноград» — классический «путевой очерк», посвященный Кавказу, столь же реальному, сколь и литературному, с пушкинскими холмами Грузии, лермонтовскими Кавказом, Арагвой и Курай (в описание которых неожиданно вклинивается Брента, рыжая речонка Ходасевича), с кавказскими народами, терскими казаками и т. д.

Эссе «Истоки смеха» посвящено явно захватившей автора идеи, что человек стал человеком в тот момент, когда впервые и неожиданно для себя рассмеялся, победив смехом страх — проявление инстинкта, противоположного разуму. Не просматривается ли здесь мандельштамовский Ламарк «в обратном направлении»:

Цивьян Татьяна Владимировна — д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ Сокращенный вариант. Полный текст публикуется в сборнике материалов конференции «Вторая проза» (изд. Университета Тренто).

от жалкой мыши через обезьяну к человеку разумному, способному засмеяться? Можно было бы видеть здесь и классический эволюционизм, если бы не было завершения: «*Многовековые усилия неба пришли к концу и венцом их явилось происшедшее на земле. В небесах великий Бог почил от трудов своих. И был день седьмой*» [4. С. 215]. Проще всего было бы свести это завершение к обычному приему Одарченко — неожиданные, часто парадоксальные концовки. Нам, однако, кажется, что это (может быть, несколько эллиптичный) способ выражения цельности мира, «холизм» Одарченко.

«Ночное свидание» — единственный законченный рассказ: к автору имеют обыкновение приходить друзья-писатели. Один из них — любимый друг Владимир (предполагается, что в нем отразились черты Владимира Смоленского, умершего годом позже Одарченко), который каждый вечер летучей мышью, легко влетает в комнату (создается впечатление, что комната находится не на первом этаже, и тогда эти приходы через окно напоминают визиты нечистой силы). В один из вечеров в Володя появляется нечто неприятное («А между прочим нынче Володя чем-то страшноват [...]. Я не боюсь его, но он самоуверенно страшен!» [4. С. 102]), разговор особенно несвязен, раздается стук в окно, и автору сообщают, что Владимир час назад умер: «Я взглянул в угол: туманное пятно расплывалось, сливаясь с полусветом комнаты» [4. С. 105].

Сюжеты такого рода, с «домашней мистикой» и тревожащей неопределенностью не новы; на них, в частности, построена проза Георгия Иванова (ср. хотя бы рассказы 30-х годов). Здесь же более примечательными кажутся не имеющие непосредственного отношения к развитию действия детали, которые формируют мир Одарченко — главную загадку его творчества и его личности. Рассказ начинается с описания огненно-красных человечков, которые карабкаются по отвесным утесам; это — черти: «А приглядышься к ним — вовсе не черти. Черти всегда зеленые, когда на земле; а в аду, конечно, красные. Потому и семафоры от Симферополя до Севастополя — один красный, другой зеленый. Вот как устроено!» [4. С. 97]. Симферополь и Севастополь звуковой формой притягивают Мефистофель, но тут дьявольская тема отходит в сторону, уступая место детским воспоминаниям, где те же красные человечки оказываются «опоэтизованными» клопами, скалы — серым карнизом в случайной комнате вблизи харьковского вокзала; на карнизе проступает крест.

От этого законченного рассказа легче перейти к «незаконченной» повести «Детские страхи», хотя два из четырех ее фрагментов были опубликованы ранее, в 1947 и 1948 гг. (два последних — в 1958 г.); хронологически она была первой. Жанр и характер этого произведения трудно определить. Первый фрагмент, «Псел», был опубликован в 1947 г. в альманахе «Орион». Там в подзаголовке значится «Повесть», а в конце — «продолжение следует». В «Возрождении» № 2, 1948 г. появился фрагмент «Папоротник»: «Хотя это и не указано в журнале, рассказ представляет собой одну из глав повести „Детские страхи“» [4. С. 257], — по мнению публикатора, который о двух последних фрагментах («Рыжики» и «Оборотень»), опубликованных только через десять лет, в № 83 «Возрождения» за 1958 г., говорит соответственно так: «Это даже не глава, а часть главы из повести, так же, как и следующий отрывок [...], по-видимому, последний из отрывков повести, так и не законченной. Судя по подзаголовку „отрывки“, Ю. Одарченко намеревался публиковать и другие главы» [4. С. 257].

Само по себе обозначение «отрывки» еще не свидетельствует, как представляется, ни о продолжении, ни, тем более, о требовании цельности и единства произведения (понимаемых в традиционном смысле); и в самом названии «Детские страхи» можно видеть указание не столько на сюжет, сколько на нанизывание разных эпизодов (детских воспоминаний? впечатлений?), на возможность как бесконечного продолжения, так и неожиданного обрыва.

Эти четыре отрывка объединены персонажами — их много, они разбиваются

на группы по разным признакам — возраст², пол (*дамы и кавалеры*), социальное и семейное положение, образование³, внешность⁴ и какие-то случайные признаки, которые обычно возникают в компании и прилепляются почти как прозвища⁵. Персонажи объединяются еще и тем, что все они — мы («Сегодня мы идем к реке веселой толпой. Нас много» [4. С. 109]). В мы укрывается я, как самостоятельный персонаж отсутствующее.

Все и вся группируется вокруг «главного героя», сначала одиннадцати-, потом тринадцатилетнего *Коленьки* (имя любимого сына Одарченко), обладающего особыми свойствами. Обычный, на первый взгляд, мальчик⁶, с обычными переживаниями переходного возраста (смысл жизни, вера и искушение, правда и ложь, первая любовь, и т. п.), он единственный способен выйти за пределы данного в непосредственных ощущениях этого мира в иной мир и объединить миры, классифицируемые обычным человеком как *разные*, противоположные и враждебные друг другу, в *единое* целое. И он же, самый младший, проходит все *детские страхи*, начиная от боязни прыгнуть с высокого крыльца до преодоления искушения, как *Он*⁷.

Длинный путь вперед в пространстве = обратный путь во времени — это, пожалуй, основной стержень «Детских страхов» как прозы-воспоминания. «Псел», «Папоротник», «Рыжики» объединены мотивом пути в буквальном, но в той же степени и в «проповеском» смысле, когда передвижения героев являются сюжетообразующими. Собственно говоря, это описание прогулок, каждая из которых имеет цель, отчасти прочитываемую в заглавии: на *Псел* идут ловить рыбу, в «Папоротнике» в ночь под Ивана Купала, прочитав соответствующую страницу безумного Гоголя, собираются на заброшенную могилу за цветком папоротника, в «Рыжиках» отправляются за грибами. Это путь «на природе», «по природе», и описывается он чрезвычайно подробно, с массой мельчайших деталей, следуя поэту: *Но жизнь, как тишина/Осенняя, подробна*⁸. Это путь в Божьем мире, ярком, многоцветном, звучащем, благоухающем, управляемом небесным воинством.

Почти тривиально (и во всяком случае ожиданно), что в эту идиллию врывается нечто сверхъестественное, мрачное, потустороннее, что на фоне блаженной *тягучести*, беззаботности и безоблачности ощущается присутствие зла, напоминание о смерти. Это ощущение подготавливается на фоне ожидания *чего-то*, что произойдет внезапно (как вдруг у Достоевского). Вдруг заставляет

² «Самый старший Дмитрий Сафонович, сорока восьми лет. Самый младший Коленька, одиннадцати лет» [4. С. 112].

³ «Аксюта, дочь кухарки»; Антонина Николаевна, «уже замужняя»; студент Демка; Сережка, математик, будущий инженер; Константин, оперный певец, и, наконец, «Дмитрий Сафонович» — толстый господин [4. С. 111].

⁴ Ляся-красавица; Вася курчавый блондин; Демка лохматый, как леший и т. д.

⁵ «Милица сердцата, та, которой бабушка всегда приносит вязаную кофточку, как только заходит солнце, Сима, которая быстрее всех бегает. Гриня, умница превеликая, Борис, самый храбрый» и т. п. [4. С. 110, 112].

⁶ «Был с нами еще Коленька. Неизвестно было, что он такое, этот Коленька. Но говорили, что у него доброе сердце» [4. С. 112].

⁷ И есть один фрагмент, который заставляет подозревать, что я укрывается не только в мы, но и в Коленьке — это напряженно-личные воспоминания о Москве: «Коля не сразу поднял голову. Свежий запах прутников заставил его в одно мгновение проделать длинный обратный путь в шумную мартовскую Москву, где на Красной площади, там, где сейчас придушил всякое дыхание тяжелый гроб из литого стекла, продавали в Вербное воскресенье и тещин язык, и морских жителей в стеклянных трубочках [...] Коля уже тогда подозревал, что все эти тещины языки и черти ожиут когда-нибудь и воцарятся на площади у подножия московских церквей. А воздушные шары, синие, красные, зеленые, улетят в голубое небо и взглянувши оттуда вниз, в ужасе полопаются и посыпятся на землю разноцветными, но мертвыми тряпочками» [4. С. 182].

⁸ «Непонятный речной запах. То ли от влажного песку, то ли от бесконечных хрустящих под ногами раковин, то ли ракита тонкая, стройная, гибкая дышит этой свежестью [...] Тонкие прутики ее, зеленые, красные, синие, наперебой тянутся к солнцу своими однообразными длинными листьями [...] А когда придержишь рукой синий прутик и присмотришься к нему, то увидишь, что весь он покрыт нежной пыльцою, как крылья бабочки. Если отпустишь его, останется на нем блестящий след от пальцев и станет не то стыдно, не то неловко, потому что нарушил безукоризненность природы» [4. С. 115—116].

вернуться в начало, и обнаружить, что увиденная в обратной перспективе идиллия исходно была основана на чем-то неопределенного-тревожном.

В «Папоротнике» Коленька «по Гоголю» идет на заброшенную могилу за цветком папоротника: «Уже давно взошедшая луна, беседующая с человеком лишь о напоминании смерти, осветила две крест-накрест дороги и бугорок забытой могилы» [4. С. 175]. На бугорке сидит мальчик, которого Коленька принимает за пастушка. Мальчик предлагает поиграть в косточки: «Если выиграешь — цветок твой, проиграешь — твоя судьба — моя» [4. С. 177]. Зовут мальчика *Иваном*. Игра начинается. Коленька присматривается к своему партнеру и постепенно начинает замечать зловещие признаки (ср. тот же ход в «Ночном свидании»): черные впалые глаза, зеленоватость лица, ледяную желатиновую ручку и наконец — перерезанное горло. Поет петух, мертвец медленно погружается в прозрачную землю: «Листья простых папоротников сомкнулись над ним и вдруг „маленькая цветочная почка стала будто краснеть [...] и цветок папоротника развернулся, словно пламя“» [4. С. 179] — ночное происшествие, начавшееся чтением *безумного Гоголя* [4. С. 173], продолженное сюжетной цитатой (мертвый мальчик — зарезанный Ивась), кончается прямой словесной цитатой из Гоголя. Общая тональность отрывка оставляет некоторую неопределенность: сон или не сон произшедшее с Коленькой?

«Рыжики» — самый «страшный» фрагмент прозы Одарченко, где все невероятное происходит как раз «на самом деле». Троє из компании — Дмитрий Сафонович, Гриня и Коленька — отправляются за грибами и попадают в странные и страшные ситуации, идущие по нарастающей. Сначала Дмитрий Сафонович принимает громадную гадюку за ужа; Коленька в последнюю минуту спасает своего друга и убивает змею; это вызывает разговор об оправданности убийства вообще; тема смерти в дальнейшем звучит постоянно. Смеркается, и старшие, не послушав Колю, который, обладая особым чутьем, ориентируется и во времени, и в пространстве, выбирают неправильный путь и оказываются в болотах, в которых утонул восьмилетний Ванюша (уже знакомое нам имя безвинно погибшего мальчика). Попав в трясину, он просил метавшуюся рядом сестру «Пашенька. Пашенька, помоги!» [4. С. 191]. Сестра убежала, а позже ее нашли повесившейся на осине. С тех пор в сумерках из тумана слышится голос «Пашенька, помоги!». Тут путники замечают на краю леса сторожку и решают заночевать в ней, несмотря на протесты Коленьки, предчувствующего неладное. И действительно: в сторожке «вдоль стены на широкой лавке, высоко подняв бороду к потолку и свесив до полу обе руки, лежал мертвый» [4. С. 193]. По неожиданному решению Грини, покойника выносят на улицу, на дождь («мертвому и под дождем хорошо»), сами же путники, заперевшись изнутри, укладываются на печь спать. Пробуждение — кульминация сюжета; развязка его читателю остается неизвестной: проснувшись солнечным утром, путники увидели, что «дубовая дверь была по-прежнему наглухо закрыта, и чугунный засов лежал на своем месте. Вдоль стенки на широкой лавке лежал мертвый, и вода каплями стекала с его одежды на земляной пол» [4. С. 196].

«Оборотень», обозначенный как «отрывок» (из повести или из главы повести?), подчеркнуто статичен: компания располагается на ступеньках террасы, чтобы слушать соловьев. Это звучащий сюжет. Потом соловьи замолкают, наступает зтишье, сумерки, бесшумным зигзагом пролетает первая летучая мышь. «И вот, в эту минуту, от аллеи Владимирской вишни отделилась какая-то тень. Коленька первым заметил ее. Он протянул руку, чтобы указать на нее, но, осмотревшись, увидел, что все уже смотрят в сторону аллеи...» [4. С. 204].

Это — последние строки «Детских страхов». Тень оборотня? Тень-оборотень? Тень как воплощение иного? Тень как часть самого слова/обозначения оборотень? Важно, что это видят все: тема зрения/видения, как всегда подчеркнута.

Со странным ощущением мы расстаемся с повестью Одарченко, и естественно снова возникает вопрос, не был ли в нее изначально заложен замысел неоконченности. Принципиальная неоконченность, содержащаяся в самой идее произ-

ведения, конечно, может быть просто реальной незаконченностью текста, вызванной не известными нам причинами. Однако даже если верно второе, мы имеем право на прочтение этих четырех фрагментов как цельного и самодостаточного текста, обладающего свойством открытости (ср. ставшую уже общим местом «открытость» ахматовской «Поэмы без героя»).

Название повести — «Детские страхи» — кажется особенно глубоким. Существенно и то, что в экзистенциальный мир сверхъестественного вовлекаются *старшие*, и то, каким образом они в него вовлекаются: *старшие* безусловно доверяют Коленьке, признавая за ним интуицию, некое имманентное, им недоступное знание, *иное зрение/прозрение*, вообще особость. Привычное клише «взрослые объясняют ребенку, что его страхи не имеют реального основания» оказывается (вполне в духе Одарченко) опровергнутым — ср. ситуацию гетевского «Лесного царя», когда *ребенок* прозревает правду, видит мир, недоступный взрослым: кажущееся оказывается реальностью.

Померанцев говорит, что «Одарченко был изумительным рассказчиком, в особенности всевозможных фантастических приключений, которые зачастую сам же — во время рассказа — не только придумывал, но и переживал [...] это было одновременно и рассказом и творчеством, вы присутствовали при рождении настоящего произведения искусства в его полноте: воображении художника и облечении его в словесно-звуковую форму» [4. С. XII, XIV]. И способ создания («исполнения») произведений, и сама их сюжетная и формальная структура уводят от «художественной литературы» к фольклору, где Одарченко предстает как своего рода *singer of tale* (в терминологии Лорда и Пэрри): каждый текст и создается *ad hoc*, и является воплощением некоего архи-текста, построенного по жестким правилам. Если признавать «фольклорный прототип» творчества Одарченко, то, пожалуй, наиболее близки ему будут былички. Действительно, сама форма рассказа больше всего совпадает с этим жанром, где сверхъестественное событие подается в *свидетельской форме* и как любое свидетельское показание сохраняет возможность выбора разных толкований. Значимое многоточие, которым оканчивается повесть Одарченко, пожалуй, не столько обрыв, сколько дополнительное указание на этот выбор.

Цель былички — создать «ощущение присутствия» чего-либо таинственного, потустороннего, принадлежащего к *иному* миру. Вымысел, предстающий как реальность, мифология, врывающаяся в повседневность, нередко вводимая с помощью вдруг (уже упомянутое здесь вдруг Достоевского) — вот обычная конструкция былички. Зыбкость границ между реальным и сверхъестественным подчеркивается тем, что в быличках сообщение вводится в ауре неопределенности. Рассказчик, а вслед за ним и слушатели не могут определить ту грань, за которой реальное переходит в мифологическое, более того, не могут понять, произошло ли нечто в действительности или только *почудилось, показалось*, наконец, *приснилось*. *Быличка*, самим названием как бы приземляющая свое собственное содержание, на деле помещена в мифологический хронотоп. Она принадлежит космическому уровню, когда реальное готово в любую минуту перелиться в иные формы. Одарченко улавливал этот «потусторонний миг, Когда ты слышишь зов далекий,/Летящий из миров иных» [4. С. 57], но эти *иные миры* не существовали для него вне главного мира — христианского:

Буду я покоиться в гробу
С христианской грамоткой на лбу...
В ней написано все то, о чем мечтал
И чего я в жизни не сказал.

[4. С. 78]

— и это сочетание «языческого» (демонологии) и христианства также в полной степени соответствует «двоеверию» народного сознания и народной традиции.

Наиболее важная черта «фольклоризма» Одарченко — связь его прозы с детством. Дело не только в том, что главный герой — мальчик, который, собственно говоря, и провоцирует все эти странные события. Дело еще и в том, что во всех этих событиях он *превосходит* старших: он лучше всех плетет корзины и ищет грибы, выше всех прыгает, отлично играет в кремешки, ориентируется в лесу; как «чудесный помощник» он бесстрашен и изобретателен — спасает от змеи, выполняет «трудные задания» (достать лодку, сорвать подсолнух, прыгнуть через костер, пойти ночью на могилу за цветком папоротника) и т. п., не говоря уже об особой связи со *сверхъестественным*, которое в конце концов основано на игре с оппозицией *жизнь/смерть* и связано со *страхом*. Вспоминаются и «страшилки» как типичные образцы детского фольклора, вообще отвечающего внутренней потребности человека увидеть, испытать *страшное* (об этом свойстве прозы Одарченко пишет Бетаки: здесь «заметен искренний ужас перед всем потусторонним, и столь же искренняя тяга к нему» [4. С. 240]). Современный исследователь детского фольклора и специально страшных историй подчеркивает: «одним из наиболее существенных структурообразующих принципов детского фольклора является принцип инверсии ролей взрослого и ребенка (взрослый оказывается беспомощным перед воздействием враждебных сил, а ребенок их побеждает)» [8. С. 3—4].

Можно допустить (хотя бы в качестве инструмента для анализа), что *вживание* в детскую аудиторию обернулось для Одарченко тем, что и свою прозу он ориентировал не просто на фольклорно-мифологические образцы, но на *детскую специфику* этих образцов. В определенном смысле «Детские страхи» — это страшные истории-былички, рассказанные (а следовательно и *пережитые*) ребенком, воспоминания, воссоздающие *детское восприятие* мира, восприятие *тогдашнего* автора, — что не сразу замечается, а будучи замеченным остается на уровне предположения, т. е. той же неопределенности⁹.

Мы не будем говорить здесь о «литературных» истоках-источниках Одарченко, достаточно легко узнаваемых¹⁰. Об образцах, на которые ориентируется Одарченко, пишет Бетаки: «[...] автора привлекали таинственные явления, которые находятся на грани между гоголевской фантастикой и тайнами непознанного (а может, и непознаваемого), но не отрицаемого наукой [...] Одарченко [...] прозу свою создававший в пятидесятых, оказался запоздальным, но самым верным последователем автора „Пропавшей грамоты“ и „Страшной мести“ [...] гоголевская чертовщина и гоголевская сочность в наш век опять вышли на сцену» [4. С. 240, 241]. Тем самым определена *сигнатура* Одарченко — Гоголь, и сходство бросается в глаза.

Кирилл Померанцев в своих воспоминаниях, с доброжелательностью и теплотой постарался донести до нас *образ Одарченко*, освободив его от клише «эпатирующего maudit». Упоминая среди истоков-источников Одарченко Гоголя, Достоевского, Гойю, Померанцев видит «объяснение феномена Одарченко» в «двойном зрении»: «У нормальных людей или, точнее, у тех, которых принято считать нормальными, сознание от подсознания отделено настоящим „железным занавесом“ [...]. Но существуют люди, у которых этот занавес уже с рождения более или менее проницаем. Такими, например, были Гоголь и Гойя [...]. Я бы сказал об Одарченко, что ему „искалечил жизнь обман двойного зрения“. Он с таким „зрением“ родился и как поэт искал способа (т. е. словосочетаний) описать увиденное таковым [...]. Все это отлично знал Достоевский, рассказывавший, как Свидригайлов объяснял Раскольникову, что, „если привидения являются

⁹ Ср. тот же прием у Добычина в «Городе Эн»: далеко не сразу становится понятным, что описание ведется от лица ребенка.

¹⁰ Если идти по протертенному пути «цитат и реминисценций» — почти обязательному приему русской (в частности) литературы XX в., то этот слой увеличится: Одарченко цитирует Пушкина, Лермонтова, Мандельштама, Ходасевича и т. д., в мертвом мальчике, играющем «на судьбу» с живым, ощущаются солонгубовские мотивы, а «Вечер накануне Ивана Купала» в контексте Одарченко среди прочего может быть связан с ремизовским «Басаврюком» и т. п.

только больным», это не значит, что привидений нет, но лишь то, что „привидения могут видеть только больные“ [...]. За чьи же „грехи“ платил Одарченко, что родился с „двойным зрением“, оказавшимся для него роковым бременем [...]» [5. С. 46, 47, 50]. Действительно, именно это *рековое бремя* привело, по всей вероятности, Одарченко к самоубийству, недопустимому для него как для верующего: он на себе испытал то, о чем писал в «Детских страхах»: если удастся обмануть бесов, надо помнить, что они не прощают обмана.

Но мы упускаем из виду, что «двойное зрение» может быть просто зрением более объемным, более острым и проницающим (таким острым — в буквальном смысле — зрением, как известно, обладал Флоренский, который *видел* больше, чем обычные люди; трудно отвлечься от мысли, что это не было связано и с его внутренним зрением), и оно охватывает не только демоническое, сатанинское, вообще *страшное*.— Это «двойное зрение» позволяет с особой остротой ощущать и противоположное — Божий мир в его красоте и совершенстве. Мучителен, очевидно, не сам факт видения «всего сразу», а осознание трагичности контраста. «Да, Гоголь — поэт мрачных, подземных глубин, демонических сил и неразгаданной, потусторонней мистики! Но Гоголь — и поэт радостной юности, чистой красоты, поэт природы и родной земли» [9. С. 56] — это очевидно, но мы об этом часто забываем. То же самое относится и к Одарченко, столь же живо чувствовавшему космическую красоту и гармонию мира: «В такие минуты полной тишины вдруг понимаешь, что нет мира иного потустороннего, а есть один мир таинственный и чудный, в котором живут люди, и только изредка ощущают все чудесное основание его» [4. С. 204].

И в стихах и в прозе Одарченко связывал эту красоту с детством и с детьми (*блаженны чистые духом...*). Такими чистыми строками мы и заканчиваем его представление:

Все звезды созданы для маленькой земли
Сплетаются в созвездия они,
И с неба падают — для маленькой земли.
Лишь только для того, чтобы малое дитя
С душою чистой, на небо глядя,
Могло сказать: как это хорошо!
Уже во сне: как это хорошо!

[4. С. 53].

«Коля в белой рубахе с завернутыми выше колен штанами стоял поодаль, войдя в воду по песчаному отлогому берегу. Его стройная фигурка на фоне быстрой реки казалась бесконечно родной, такой радостной и нежной. Если есть это — то был когда-то рай или когда-нибудь будет» [4. С. 128].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Родник. 1989. № 11; Литературное обозрение. 1990. № 7; Огонек. 1990. № 36.
2. Литература русского зарубежья возвращается на родину. Выборочный указатель публикаций. М., 1993. Вып. 1. Ч. 1. Одарченко Юрий Павлович, № 3267-3273 (№ 3271-3273 — литература об авторе).
3. Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 г. London, 1988.
4. Юрий Одарченко. Стихи и проза/Вступ. статья К. П. Померанцева. Подг. текста и прим. В. Бетаки. Paris, 1983.
5. Померанцев К. Сквозь смерть. Воспоминания. London, 1986.
6. Померанцев К. Оправдание поражения: Г. Иванов, В. Смоленский, Ю. Одарченко//Литературное обозрение. 1990. № 7.
7. Струев Г. П. Русская литература в изгнании. Paris, 1984.
8. Топорков А. Л. Пиковая дама в детском фольклоре начала 1980-х гг./Школьный быт и фольклор. Таллинн, 1992. Т. II.
9. Высоцкий С. К. Демонологический элемент в творчестве Гоголя//Возрождение. 1971. № 30.

© 1995 г. РИЦЦИ Д.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА П. П. МУРАТОВА

Перефразируя давние слова Эйхенбаума о прозе Кузмина, можно сказать, что «проза Муратова еще не вошла в обиход, тем интереснее говорить о ней» [1. С. 196]. По отношению к Кузмину это, к счастью, утратило актуальность, а по отношению к Муратову — нет, и в исследованиях по русскому модернизму она по существу остается белым пятном. Муратовские «Образы Италии» сейчас переживают едва ли не второе рождение — судя хотя бы по количеству переизданий, но проза его выпала из истории литературы своего времени¹. Между тем, она представляет собой достаточно значимое явление сама по себе; кроме того, без художественной прозы нельзя составить целостное представление о Муратове — все многообразные проявления его творческой натуры должны быть рассмотрены в единстве. Иными словами, Муратову можно приписать единую «культурную стратегию», развивающую по самым разным и в то же время тесно переплетающимся направлениям и обнимающую всю его деятельность прозаика, драматурга, эссеиста, переводчика и искусствоведа. Нам кажется, что недооценена и его роль как *теоретика* искусства и что эта недооцененность связана среди прочего с недостаточным знакомством с его художественной прозой.

Ранее мы попытались показать «когерентность» творчества Муратова на материале его статей об изобразительном искусстве [11]. В данном случае наша цель — выяснить, какими европейскими образцами «мирового поэтического текста» вдохновлялся Муратов в своей прозе, как это определило ее структуру, а впоследствии, может быть, и ее место в русской прозе 20-х годов.

Художественная проза Муратова состоит из двух сборников новелл («Герои и героини» и «Магические рассказы»²), трех пьес («Кофейня», «Приключения

Рицци Даниэла — доктор филологии, преподаватель русского языка и литературы Университета Тренто (Италия).

¹ Библиографию о художественной прозе Муратова можно свести к нескольким рецензиям [2. С. 47; 3. С. 11—12; 4. С. 232—233; 5. С. 13; 6. 7. С. 3; 8. С. 3].

«Герои и героини» были изданы дважды [12; 13]. В первое издание вошли следующие рассказы: «Леросский змей»; «Мортада Фельтере»; «Конквистадоры»; «Поэт в изгнании»; «Осада Левеллина»; «Приключение Казановы, нерассказанное им самим»; «Карьера Руска»; «Энкарнасьон»; «Смерть Рудина»; «Лонский»; «Мод Кемрон»; «Вера Морелли». Из парижского издания были изъяты новеллы «Леросский змей», «Карьера Руска», «Мод Кемрон» и «Вера Морелли», но включены четыре — «Морали», «Нищий рыцарь», «Тираноубийцы», «Валькирри», — уже вышедшие до этого отдельно [14]. «Конквистадоры», «Осада Левеллина» и «Мод Кемрон» были переизданы отдельной книжкой [15].

Дважды были напечатаны и «Магические рассказы» [16; 17]. Первое, московское издание («Вергилий в корзине»; «Эзебий и Флорестан»; «Ложа в театре»; «Менипп»; «Венецианское зеркало»; «Собеседник»; «Новый год»; «Развязка»; «Лепорелло»; «Остров молчания»; «Imbroglio», «Богиня») по составу значительно отличается от второго. Из второго, парижского сборника были исключены «Вергилий в корзине», «Ложа в театре», «Развязка» и «Imbroglio»; туда вошли «Кирх первый и Кирх второй», «Мэри», «Проспериды», «Августеум», «Император», «Посланник», «Шехеразада» и «Последний рассказ».

Дафниса и Хлои» и «Мавритания» [18; 19; 20] и романа «Эгерия» [21]. Мы остановимся только на новеллах, сделав акцент на итальянских темах (хотя ими новеллы Муратова далеко не исчерпываются).

Ретроспективность, пессимизм, выраженное неприятие современности, ориентация на культурное прошлое — эти черты муратовской новеллистики бросаются в глаза и могут навести на мысль о том, что перед нами пережиток, если можно так сказать, «декадентского романтизма» в эпоху исторического авангарда. Нам, однако, в прозе Муратова видится оригинальное преломление той так хорошо известной «тоски по мировой культуре», которая, по недавнему определению М. Л. Гаспарова, «была общей чертой всего модернизма» [22. С. 12]. Открытость текста реминисценциям и влияниям, и черпание из общего литературного храмилища — при этом без открытых, «прямолинейных» цитирования, заимствования и тем более имитации, а затем введение почерпнутого в новый семантический контекст — вот те свойства новелл Муратова, которые позволяют включить ее в круг обсуждения природы и свойств современной модернистской прозы. На наш взгляд, было бы упрощением трактовать прозу Муратова как стилизацию и ставить ее в один ряд с многочисленными стилизациями, расцветшими в России в начале века³.

Теперь несколько слов о том, что явилось фоном или фондом муратовских новелл. Между 1908 и 1915 годами наряду с художественной критикой Муратов активно занимается и другой литературной деятельностью: публикует перевод «Воображаемых портретов» Уолтера Патера [26; 27], обширную комментированную антологию итальянской новеллы XIV—XVI вв. [28], перевод «Сильвии, Октавии, Изиды, Аврелии» Нервала (с предисловием) [29], пишет предисловие к «Батеку» Уильяма Бекфорда в переводе Бориса Зайцева [30], переводит избранные рассказы Мериме [31]. Кроме того, под его редакцией и с его кратким предисловием выходят два тома книги Вернон Ли «Италия. Избранные страницы» [32]. Это, по нашему мнению, составляет литературную генеалогию муратовских новелл.

Главное место в ней занимает, пожалуй, Уолтер Патер. Переведенные Муратовым его рассказы представляют собой образец того гибридного жанра «воображаемого портрета», который особенно хорошо привился в английской декадентской культуре (Уайльд, Артур Саймонс, Доусон и др.). Отличительная черта патеровского письма — что в полной мере относится и к «Очеркам по истории Ренессанса», ставшим в Англии конца века настольной книгой, — соединение эссеистической формы с художественным повествованием, при том, что решается это крайне скучными языковыми средствами. Да и в «Воображаемых портретах» нелегко определить грань между эссе и художественной прозой, поскольку в них идет речь о, так сказать, «исторически-вымышенных» персонажах. Таким образом — это мысль Муратова — в центре повествования у Патера оказывается не реальность, но в то же время и не фантазия, а своего рода «вторичная реальность», опосредованная мифом, историей, искусством, реминисценциями давно ушедшей культуры.

К этому образцу (использованному Муратовым уже в «Образах Италии») присоединяются «Ренессанс в Италии» и «Очерки и заметки об Италии» Дж. Э. Симондса и многочисленные произведения Вернон Ли. Можно говорить о выработанной программе, почти формуле, по которым строятся эти произведения: это своего рода *Kulturgeschichte*, в которой сплавлены искусство, история, литература, путевые впечатления, переводы, критические эссе, художественные наброски. Упомянем хотя бы Вернон Ли, кеторая свободно перемежает эссе о комедии масок и об итальянской музыкальной жизни XVIII в. с пьесами и новеллами, действие которых происходит во времена Ренессанса. Причем речь идет не только об эклектизме, сколько о выраженной концепции литературного

³ Как это делают, например, И. Аксенов и Г. Раевский: см. [4] и [8]. Муратову, думается, скорее подходит определение «мышление стилями» (см. [23. С. 309—310]). С стилизацией в русской литературе начала века см. также [24. С. 84 и сл.; 25. С. 389—402].

творчества, где анализ и синтез (собственное творчество) объединяются в единой духовной деятельности, где стираются границы между эссе и сюжетным произведением, между исследованием культуры и созданием собственных текстов на языке этой культуры.

Все это подводит к известному положению о том, что весь корпус текстов одного автора должен рассматриваться как *единый текст*. В отношении Муратова это представляется очевидным.

Тема фона, скрытых цитат и реминисценций в названных сборниках Муратова может быть продолжена — здесь и Гофман, и Стендаль, и По; здесь и многие «классические декадентские» темы — безумие, визионерство, прекрасная жестокая дама, раздвоение реальности (в новелле с характерным названием «Венецианское зеркало») и т. д. Список имен и мотивов можно продолжить, но нам хочется остановиться на одном, при том, что Муратов прямо на него не ссылается: это Марсель Швоб, близкий к символистским кругам французский прозаик конца века⁴.

Между сборниками Муратова (содержащими среди прочего многочисленные воображаемые биографии вроде «Мениппа», «Приключения Казановы», «Смерти Рудина» и др.) и «Воображаемыми жизнями» Швоба [33], так же как и сборниками его рассказов «Двойное сердце» [34] и «Король в золотой маске» [35] существует очевидное сходство, которое основано прежде всего на роли авторской эрудиции, т. е. в конце концов на знании текста мировой культуры, что позволяет строить повествование, отталкиваясь от исторического факта или конструируя исторически правдоподобный факт («вторичную реальность»). К тому же единственная литературоведческая статья Муратова — «Искусство прозы» [36] — перекликается с основоположными идеями Швоба из предисловия к «Дальному сердцу».

Это идеи о кризисе прозы, вызванном, по мнению Муратова, прежде всего утратой прочных формальных основ: ни языковой и стилистический эксперимент Белого и Ремизова, ни «лирическое бытописание» Бунина и Зайцева, ни «превалившиеся» попытки Бабеля и Пильняка объединить и то, и другое не способны, по мнению Муратова, привести прозу к тому, чтобы она стала искусством, т. е. соединением «воображения», «воплощения», «вымысла», «жизненности» с ясным и точным литературным языком. Муратов считает (это подразумевается), что у искусства прозы есть лишь одна перспектива: возврат к классическим формам повествования, сплав реализма и вымысла, изображение жизни в историческом или внеисторическом, откровенно вымыщенном контексте.

Свою «теорию» Муратов воплощает на практике — в новеллах. Задумывая термин В. Н. Топорова, можно сказать, что муратовские рассказы оказываются в двойном жанровом «резонантном» пространстве, на пересечении новеллы и эссе английского декадентства. Приемы и элементы, взятые из обоих жанров, разнообразно сочетаясь, рождают прозу по видимости очень простую, а на глубинном уровне сложную, искусно выстроенную на многослойной литературной и внелiterатурной основе. Задача читателя — обнаружить степень резонантности каждого текста, расшифровав к тому же реминисценции, параллели, цитаты и автоцитаты. В этом смысле муратовская проза имеет еще одно общее свойство с поэтикой русского модернизма: она «рассчитана на активное соучастие читателя: искусство чтения становится не менее важным, чем искусство писания» [22. С. 42].

Проведем краткий «резонантный» анализ трех отсылающих к ренессансным адресам муратовских новелл. Первая — «Вергилий в корзине», пример той «книжности», «литературности», которая является ключом к прозе Муратова. Сюжетная канва — известный средневековый сюжет о Вергилии-маге: он тайно посещает колдунью Мелибию, которая поднимает его к себе на веревке в корзине; желая отомстить ему за «личные обиды», она оставляет корзину на полпути, и Вергилий на посмешище всему городу, висит в ней весь день. В свою очередь, и он мстит Мелибее, гася в Риме огонь и распуская слух, что огонь можно достать только

⁴ Марсель Швоб (Marcel Schwob, 1867—1905), близкий к символическим кругам французский прозаик. На родственность прозы Муратова и Швоба бегло указывает А. Бахрах [5].

у Мелибси, но где и как? В этом соль сюжета, и соль новеллы — в заключительной реплике жреца: «Мелибя, стыд мешает мне сказать, где у тебя могли бы мы зажечь оного».

Но эта сюжетная канва — только первый слой новеллы. По всей вероятности, есть еще один посредник, ренессансный новеллист Джованни Серкамби (1347—1424), первым объединивший распространенный мотив корзины с именем Вергилия [37. С. 115]. Не вызывает сомнения, что этот текст был хорошо известен Муратову (он включил несколько новелл Серкамби в свою антологию): отметим, что в отличие от Муратова, его ренессансный предшественник менее скромен и — вполне в духе своей эпохи — не делает тайны из того способа, каким римляне вернули себе огонь⁵.

Рассказ держится на свободной игре с классическим сюжетом, на разных (в том числе и по времени) его воплощениях, каждое из которых имеет свой адрес (а читатель должен это открыть). К этому — отточенная повествовательная техника, напряженный ритм, выразительная сжатость, экономия стилистических средств.

Это достаточно простой пример, так сказать, обнажающий прием. Более сложный и потому более интересный — новелла «Тираноубийцы»: история неудавшегося покушения двух юношей — Ламбертуччо и Чирроне — на жестокого герцога Арриго Мария. Сюжет не имеет точной привязки ни во времени, ни в пространстве. Некоторые топонимы и имена персонажей могут указывать на Центральную Италию эпохи Возрождения, но не более того. Не удается обнаружить точного источника ни самого сюжета, ни отдельных его элементов. Ключ — в «Образах Италии», оттуда и начинается распутывание. В главе о Флоренции XVI в. Муратов уделяет большое место новеллистике, в особенности творчеству Антон Франческо Граццини-Ласка. Этот фрагмент (как и экскурсы в итальянскую литературу XV в. Симондса, о чем уже говорилось) на самом деле преследует не историко-литературные цели, а попытку проникнуть в дух эпохи и донести его до читателя.

Дух эпохи предстает перед нами не «вообще», а в прочтении Муратова. Так, в том, что действие новелл Граццини часто происходит зимой, Муратов видит символ упадка дантовской эпохи, эпохи Лоренцо Великолепного и Савонаролы, символ девальвации гуманистических идеалов и появления жестокости и распущенности. Не случайно «свет, которым освещены лица на портретах Бронзино», кажется Муратову «светом короткого зимнего дня» [39. С. 256].

Это отправная точка для расшифровки сюжета муратовской новеллы. Зимнее морозное утро в начале — скрытый указатель на временную отнесенность; развратность герцога и аскетизм Ламбертуччо, его отношения с наставником сером Кола Ванни в свою очередь указывают на переходный период, датируемый серединой XVI в. период утраты гуманистических идеалов. Причем перед нами никак не стилизация, а переработка элементов, извлеченных из новеллистического канона и пропущенных через декадентское мироощущение. Как и у Патера в «Воображаемых портретах», явственно ощущается исторический элемент, но, не имея реальной подоплеки, он должен быть интерпретирован, скорее, в символическом плане. И персонажи принадлежат переходному периоду: замахиваются на то, что оказывается им не по плечу (убийство тирана не удается, заговорщики обречены, а их духовный наставник на смертном одре принимает колокольный звон, сопровождающий смертный приговор его любимому ученику Ламбертуччо, за возвращение успеха). И, наконец, нетрадиционный финал: Ламбертуччо в темнице, ожидая смерти, горюет не о неудаче покушения, а о тех радостях жизни, которых он лишился, увлекшись суровым идеалом свободы. Этот пси-

⁵ Некоторые детали отличают муратовский текст от версии Серкамби (см. [38. С. 217—219]). Например, у Серкамби Вергилий пытает любовью не к колдунице, а к дочери императора, и т. д. Имя же Мелибя, видимо, отсылает к Мелибею, герою первой «Буколики» Вергилия. Кроме того, в то время как Серкамби сжато и лаконично излагает сюжет, не разбавляя его деталями, Муратов мастерски создает живописную картину повседневной жизни Древнего Рима.

хологический штрих гораздо ближе к декадентскому миоощущению, чем к настоящей итальянской ренессансной новелле.

Можно сказать, что в построении новеллы Муратов следует такой технике подделывания картин, когда в изображение сознательно вкрапляются элементы, являющиеся доказательством ее неподлинности, но эту неподлинность может обнаружить только искушенный зритель или — как здесь — читатель.

И, наконец, следующий уровень сложности: новелла «Морто да Фельтре» («Мертвец из Фельтре»), еще одна иллюстрация эрудиции Муратова, на этот раз в области живописи. В основе — малоизвестный эпизод, почти не оставивший следа в итальянском искусствоведении: атрибуция найденной в венецианской церкви Сан Джорджо Маджоре картины, приписываемой Лоренцо Луццо, прозванному Морто да Фельтре, второстепенному художнику школы Джорджоне. Автор выстраивает череду вымышленных приключений художника, подключая классический прием романтизма — мистификацию. Исторические источники новеллы — анонимная тревизская хроника XVI в. и рассказ одного забытого венецианского новеллиста, имени которого Муратов предусмотрительно не указывает. Насколько нам удалось выяснить, оба источника вымышлены (хотя, конечно, некоторое сомнение остается; такого рода неопределенность — еще один способ создания «вторичной реальности», когда вымышленное верифицируется вымышленным).

Муратов использует новеллу Боккаччо об Андреуччо из Перуджи (героя замуровывают в склепе, который вскрывают воры; приняв его за ожившего мертвеца, воры в страхе убегают, а герой выбирается на свободу). Этот эпизод нужен для объяснения прозвища художника *морт*, т. е. «мертвец»⁶. На сомнительной атрибуции (сейчас отвергнутой), при помощи тонкого иконографического анализа картины (не имеющего, как, возможно, и сама картина, отношения к реальности) Муратов выстраивает столь же фантастическую реконструкцию отношений между Морто и Джорджоне (соперничество из-за женщины). Грань между исторически подтверждаемыми фактами и вымыслом установить очень трудно, на этом идет игра — вольная игра ума, свободное творчество, отправной точкой для которого явился некий трудно проверяемый эпизод из истории живописи.

В заключение вновь повторим, что муратовское восприятие литературы отмечено решительным отталкиванием от современной прозы, в которой царит то, что он называет «анти-искусством» (см. [36. С. 258] и [41]). Но где тогда место его прозы, столь явно и прочно пропитанной его собственными теоретическими установками?

Нам кажется, как раз там, где он сам (в статье «Искусство прозы») усмотрел пробел в русской литературе. Муратов делает упор на литературную технику, оттачивает композицию и внутреннюю структуру текста; он ориентируется на европейскую традицию. Казалось бы, в этом проявляется стремление к классичности. Однако проза Муратова, с ее пассажизмом, ориентацией на чужой текст и в связи с этим с ее пронизанностью цитатами, аллюзиями и реминисценциями, вполне вписывается в прозу русского XX в., точнее, в тот ее фрагмент, который представляет собой весьма тонкий вариант «сюжетной тенденции» развития. Именно там проза Муратова находит надлежащее ей место.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу. Л., 1924.
2. Лернер Н. (Рец. на кн. «Герои и героини»)//Книга и революция. 1921. № 12.
3. Ветлугин А. (Рец. на кн. «Три рассказа»)//Новая русская книга. 1922. № 4.
4. Аксенов И. (Рец. на кн. «Магические рассказы»)//Печать и революция. 1923. Кн. 2.

⁶ На самом деле те немногие данные, которые содержатся в жизнеописании Марто де Фельтре у Вазари, позволяют дать совершенно другое объяснение его необычному прозвищу, которое Вазари объясняет следующим образом: он, будучи по характеру нелюдимым, предавался изучению древностей и не упустил ничего из того, что можно было увидеть под бесконечными сводами римских подземелий [40. С. 703—705].

5. *Бахрах А.* (Рец. на кн. «Морали»)//Дни. 1923. 17 VI.
6. *Осогрин М.* (Рец. на кн. «Магические рассказы»)//Дни. 1928. № 1379.
7. *Ходасевич В.* (Рец. на кн. «Магические рассказы»)//Возрождение. 1928. 15 III.
8. *Раевский Г.* (Рец. на кн. «Герои и героини»)//Возрождение. 1929. 28 III.
9. *Garett E.* Materiali sull'emigrazione russa dall'archivio di Olga Resnevic Signorelli//Europa Orientalis/1991. X.
10. Из истории сотрудничества П. П. Муратова с издательством К. Ф. Некрасова. Вступительная статья, публикация и комментарии И. В. Вагановой//Лица. Биографический альманах. М.-СПб., 1993. С. 3.
11. *Рицци Д.* П. Муратов о современном искусстве//Русской авангард в кругу европейской культуры. М., 1994 (препринг). С. 89—102.
12. *Муратов П. П.* Герои и героини. М., 1918.
13. *Муратов П. П.* Герои и героини. Париж, 1929.
14. *Муратов П. П.* Морали. Рассказы. Берлин, 1923.
15. *Муратов П. П.* Три рассказа. М.-Берлин, 1922.
16. *Муратов П. П.* Магические рассказы. М., 1922.
17. *Муратов П. П.* Магические рассказы. Париж, 1928.
18. *Муратов П. П.* Кофейня. Комедия в 4-х действиях. М., 1922.
19. *Муратов П. П.* Приключения Дафниса и Хлои//Современные записки. 1926. № XXVIII.
20. *Муратов П. П.* Мавритания//Современные записки. 1927. № XXIII.
21. *Муратов П. П.* Эгерия, Исторический роман. Берлин-Пб.-М., 1922.
22. *Гаспаров М. Л.* Поэтика «серебряного века»//Русская поэзия серебряного века: 1890—1917. Антология. М., 1993.
23. *Гинзбург Л. Я.* О лирике. Л., 1974.
24. *Шубин Э. А.* Художественная проза в годы реакции//Судьба русского реализма начала XX в. Л., 1972.
25. Зеллхайн-Деак Ж. К проблеме стилизации в русской прозе начала XX в.//Hungaro-Slavica 1978. Budapest, 1978.
26. *Патер У.* Воображаемые портреты. Ребенок в доме/Пер. с англ. и вступительная статья П. Муратова. М., 1908.
27. *Патер У.* Воображаемые портреты/Пер. с англ. и вступительная статья П. Муратова. Изд. 2-е исправленное и значительно дополненное. М., 1916.
28. Новеллы итальянского Возрождения. Ч. 1. Новеллисты Треченто; Ч. 2. Новеллисты Кватроценто/Пер. с ит., ред. и вступительная статья П. Муратова. М., 1912. Новеллы итальянского Возрождения. Ч. 3. Новеллисты Чинквеченто/Пер. с ит., ред. и вступительная статья П. Муратова. М., 1913.
29. *Нerval de Ж. Сильвия, Октавия Изида, Аврелия*/Пер. с франц., ред. и вступительная статья П. Муратова. М., 1912.
30. *Бекфорд У. Ватек. Арабская сказка*/Пер. Б. Зайцева; вступительная статья П. Муратова. М., 1912 (2-е изд. М., 1916).
31. *Мериме П.* Избранные рассказы/Пер. Е. Урениус. Под ред. и с вступительной статьей П. Муратова. М., 1913.
32. *Вернон Ли. Италия. Избранные страницы*. Ч. 1. *Genius loci*/Пер. Е. Урениус. Под ред. и с пред. П. Муратова. М., 1914. *Вернон Ли. Италия. Избранные страницы*. Ч. 2. Театр и музыка/Пер. Е. Урениус. Под ред. и с пред. П. Муратова. М., 1915.
33. *Schwob M.* Vies imaginaires. Paris, 1896.
34. *Schwob M.* Coeur double. Paris, 1891.
35. *Schwob M.* Le Roi au masque d'or. Paris, 1892.
36. *Муратов П. П.* Искусство прозы//Современные записки. 1926. № XXIX.
37. *Comparetti D.* Virgilio nel Medioevo. Firenze, 1941 (1-е изд. 1872). Т. II.
38. *Sercambi G.* Novelle/A cura di G. Siniacopri. Bari, 1972. Т. I; новелла 49 (De recto amore et justa vindicta).
39. *Муратов П. П.* Образцы Италии. Берлин, 1924. Т. I.
40. *Vasari G.* Le vite de'piu' eccellenti architetti, pittori, et scultori italiani; da Cimabue iusino a' tempi nostri [nell' edizione per i tipi di Lorenzo Torrentino, Firenze 1550]. A cura di L. Bellosi e A. Rossi. Torino, 1991 (4 rist.).
41. *Муратов П. П.* Анти-искусство//Современные записки. 1924. Т. XIX. С. 250—276.

© 1995 г. ЛАБЫНЦЕВ Ю. А.

ПРОТОПРЕСВИТЕР ТЕРЕНТИЙ ТЕОДОРОВИЧ КАК ЦЕРКОВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ¹

Правду нужно знать — для того, чтобы преклониться перед героическими личностями борцов за правду (в первую очередь, например, перед мужественной, мудрой и христиански просветленной личностью о. протопресвитера Терентия Теодоровича)...

Николай Арсеньев [38]

Истории религиозной жизни русского зарубежья посвящено немного работ. В современных исследованиях встречаются и совсем странные утверждения, будто православие не играло сколь-либо заметной роли в судьбах русской эмиграции. Относительно же православного печатного слова вывод некоторых ученых еще более категоричен: «Влияние Церкви шло через храм и пастырство, а не через печать» [36. С. 45]. На самом деле все обстояло далеко не так. Была и страна Польша, где православная литература, получив большое развитие, оказала огромное влияние на весь православный мир. В Польше сложилась уникальная этноконфессиональная и культурная ситуация, понять которую лучше всего на примере отдельной человеческой судьбы (рис. 1).

29 июня 1939 г. настоятель митрополичьей Марие-Магдалинской церкви в Варшаве о. Терентий Теодорович в последний раз совершил Божественную литургию. Уходящий на покой священник, известный не только в Польше, но и во всей православной Европе, по окончании литургии говорил в своем завещании пастве об апостольском служении, соборности исповедания, собственном пути служения Церкви. Проводы о. протопресвитера стали одним из самых замятых событий в жизни православной Варшавы в тот год. Был совершен торжественный молебен о здравии и благополучии о. Терентия, произнесено много речей, ему были поднесены дары и адреса от Митрополии, причта храма, прихожан и русских общественных организаций Варшавы: Главного правления Русского bla-

Лабынцев Юрий Андреевич — д-р филол. наук, директор Центра белорусоведческих исследований Института славяноведения и балканстики РАН.

¹ Исследование осуществлено благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

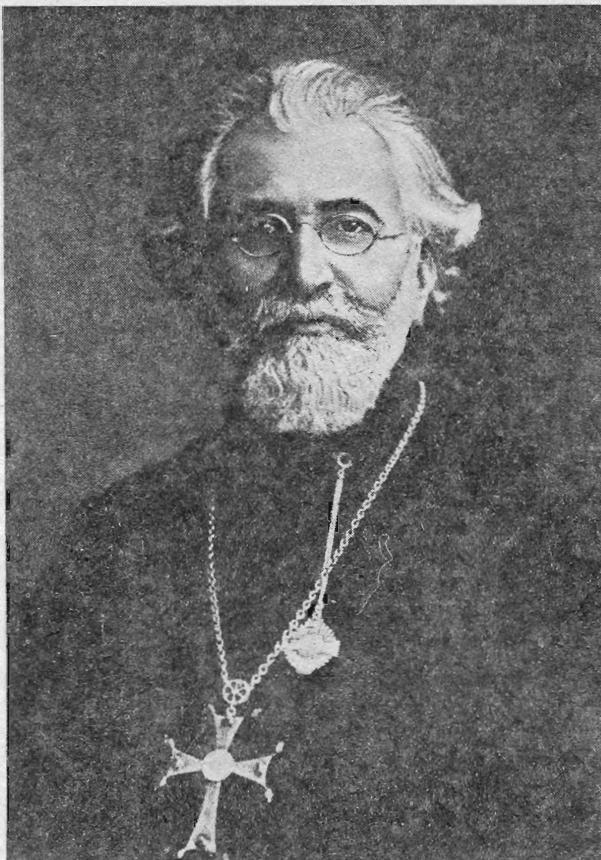

Рис. 1. Протопресвитер Терентий Теодорович

готорительного общества, Русского попечительского комитета над эмигрантами в Польше, русских молодежных организаций, Русской гимназии и др.

25 сентября того же года семидесятичелетнего пастыря не стало — он погиб во время бомбардировки Варшавы немецкими войсками. Одновременно со смертью о. Терентия исчезла целая эпоха в жизни русской Варшавы, православной Польши, выразителем чаяний и олицетворением которых он был.

Уроженец Волыни, о. Терентий считал себя русским, поясняя, что «русский человек» тот, «кто связан с народом всей территории сов. России — по национальности ли, вере, даже еще шире — просто по человечеству» [1]. Свою жизнь он посвятил этому народу и за него незадолго перед смертью возносил молитвы: дабы он утверждался в «служении Богу и людям и в верности своей Матери — Православной Церкви» [2].

Возвратившись летом 1921 г. из Петрограда в Варшаву, о. Терентий стал участником сложных событий организации Православной Церкви в Польше, которой, согласно томоса константинопольского патриарха Григория VII, подписанного 13 ноября 1924 г., была дарована формальная автокефалия, фактически принятая лишь после второй мировой войны.

Ко времени возвращения о. Терентия Польша, ставшая независимым государством в конце 1918 г., включала и обширные «восточные земли»: значительную часть современной Литвы с Вильнюсом (Вильней), Украины и около половины Белоруссии. Новая, или межвоенная, Польша (1918—1939), именуемая Второй Речью Посполитой, была многонациональной страной. На долю национальных меньшинств приходилось более одной трети населения, общая численность ко-

торого составляла около 30 млн человек. По данным государственной переписи 1931 г., православными были около 12% всех жителей Польши [3], причем основу православного населения составляли крестьяне, искони населявшие земли восточных воеводств — около 93% всех православных [4]. В 1939 г., согласно официальной церковной статистике, Православная Церковь в Польше имела пять епархий с более чем 4 млн верующих, 2500 церквей и часовен, около 3000 духовных лиц [5], 17 монастырей и скитов, в том числе Почаевскую Свято-Успенскую лавру [6], Православный Богословский лицей в Варшаве, духовные семинарии в Вильне и Кременце, Православный Богословский отдел при Варшавском университете им. Иосифа Пилсудского, Митрополитальный Семинарий иконографии, Псаломщицкую школу, Синодальную типографию, различные периодические издания, архив².

По национальному составу православные делились на несколько не равных по количественному составу групп, среди которых доминировало украинское и белорусское аборигенное население; русские, а численность их значительно менялась в различные периоды истории межвоенной Польши (от нескольких сот тысяч до ста тысяч человек), были представлены не столько старожильческим населением городов, городков и местечек, сколько эмигрантами, покинувшими Россию в результате революции и гражданской войны. Русскими называли себя и представители местной православной интеллигенции, в том числе и многие священники. Особую группу составляли «тутейшие», что было связано с незавершенностью процесса национального самоопределения, который кое-где даже и не начинался, особенно в Полесье и самом центре польско-восточнославянского пограничья. Православные люди говорили о себе, что они «тутейшие» — здешние, а язык их «тутейший», «простый» или «русский». В официальных документах той поры было узаконено определение «тутейший», каковых по различным данным насчитывалось около 1 млн человек. Согласно переписи 1931 г., более 1 млн православных считали родным языком украинский, почти 1 млн — белорусский, 0,5 млн — польский, 100 тыс. — русский, почти 22 тыс. — чешский.

Самую высокую социальную активность среди всех групп православных проявляли русские. Они не были едины, в их среде существовало несколько различных лагерей, а отдельные русские эмигрантские группировки образовали нечто вроде небольших политических партий и нередко разрабатывали собственные программы [7]. Такой группировкой была, например, республиканско-демократическая, издававшая в Варшаве одну из крупнейших газет всего Русского Зарубежья — «За Свободу», с которой активно сотрудничал о. Терентий Теодорович. Газета имела специальный отдел церковной жизни, в ней постоянно публиковались такие известные литераторы, как А. В. Амфитеатров, «русские варшавяне» М. П. Арцыбашев и Д. В. Философов, редактировавшие газету³, К. Д. Бальмонт, И. Северянин и многие другие, в том числе и те, кого мы только сейчас начинаем по-настоящему открывать, среди них — «полесский петербуржец» А. А. Кондратьев [8].

Русская община в Варшаве насчитывала в среднем около 10 тыс. человек, в значительной своей доле — людей интеллигентских профессий. В начальный период истории «первой волны» русской эмиграции она стала центром деятельности «савинковцев», которые под девизом «За Родину и свободу» стали издавать здесь с лета 1920 г. газету «Свобода», позднее получившую название «За Свободу». Девиз этот читается и на надгробии М. П. Арцыбашева, установленном на Вольском православном кладбище в Варшаве, где он погребен⁴.

Наряду с Вильной, Варшава была центром русской культурной жизни и

² Долгое время при Священном Синоде работала Ученая археологическая и археографическая комиссия, председателем которой был митрополит Дионисий, а секретарем — известный знаток древностей Н. Г. Пиотровский.

³ М. П. Арцыбашев был первым председателем редакционной коллегии газеты, Д. В. Философов — ее главным редактором.

⁴ Надпись гласит: «Михаил Петрович Арцыбашев. Борцу за Родину и Свободу. Родился 25 октября 1878 г. Скончался 3 марта 1927 г.»

главным центром многочисленных русских эмигрантских организаций Польши. Здесь располагались Союз объединенных русских эмигрантских организаций в Польше, Российский комитет, Русский дом, Общество помощи русским эмигрантам, Русская академическая группа, Общество русских юристов, Союз русских писателей и журналистов, Союз русских студентов, Русское телеграфное агентство «Русспресс», русские издательства, книжные магазины, библиотеки, учебные заведения, редакции периодических изданий и т. д.

Русская жизнь в межвоенной Польше была весьма насыщенной, многообразной, порой бурливой, но обо всем этом ныне известно мало. Недавнее прошлое «русской Варшавы» и «русской Польши», без знания которого невозможно понять и последние сочинения многих русских литераторов того времени, забыто. Нам ничего не говорят имена представителей русского населения в польском Сенате и Сейме — сенатора М. М. Касперовича, депутата Н. С. Серебренникова и многих других из окружения Д. В. Философова, А. А. Кондратьева, М. П. Арцыбашева, в память которого друзьями сразу же был издан литературный сборник [9]. По-настоящему нам неизвестно и все творчество этих писателей эмигрантского периода. Еще менее знаем мы о таких литераторах как о. Терентий Теодорович. Имя его, писателя церковного, даже не упоминается в специальных пособиях, в том числе в известном «Словаре» В. Ф. Булгакова, который начал составляться в межвоенной Польше силами русских эмигрантов [10].

Литературное наследие о. Терентия Теодоровича не только значительно (он автор книг, статей, очерков; в 1935 г. вышел в свет трехтомник его избранных работ [11–13]), но и особенно (церковный писатель, публицист). Эпиграфом к его пастирской и писательской судьбе могли бы быть слова апостола Павла из Первого послания к Тимофею: «Образ буди верным словом, житием, любовию, духом, верою, чистотою» (1 Тимоф. 4, 12), которые о. Терентий поместил на титульном листе своего трехтомника — итога многолетних раздумий, исканий; священнического откровения перед миром.

Родился Терентий Теодорович 10 апреля 1867 г. в с. Вербичне Ковельского уезда в семье потомственного сельского священника Павла Теодоровича. «Сына Волыни», как называл себя будущий протопресвитер, с детства «окружала высоко религиозная» атмосфера [12. С. 7]. Он рано знакомится с церковнославянской грамотой, «читает в церкви»; после домашней подготовки поступает в 1876 г. в расположение неподалеку Мелецкое духовное училище, а затем, в 1881 г., в Волынскую духовную семинарию, находившуюся в г. Кременце. «Хотелось учиться дальше» — в 1887 г., сразу же после окончания семинарии, Т. Теодорович «поступает волонтером» в Московскую духовную академию. «Но вот приближается конец всего Академического курса... Написано кандидатское сочинение... на тему: „Иоанн Вышенский и его время“». Приближается так желанный отъезд на родную Волынь» [12. С. 31].

Годы, проведенные Т. Теодоровичем в академии, дали ему многое. Почти через полвека, в Варшаве, он напишет: «Я не знал России, живя на окраине ее. Не знал великорусского народа, соприкасаясь с ним лишь в литературе и в тех отдельных, немногих его представителях, попадавших на Волынь. За годы академии — я узнал русского человека — лицом к лицу, в лице своих товарищей и, как рекой, плывущего в Святыню Лавры русского Паломника; я узнал сердцевину страны — Москву. И тогда-то я духом полюбил русский народ, его душу, высоко взлетающую и падающую в дебри, благочестивую и способную топтать все святое, всепрощающую, но при случае мстящую без пощады; народ и страну всяких возможностей; и все же в конце концов — страну, народ лучших надежд и упований — даже теперь во дни ее страшного падения...» [12. С. 32].

После нескольких лет работы преподавателем женского епархиального училища в Кременце, в сентябре 1895 г. Т. Теодорович был рукоположен в диакона, а затем и в иерея. Посвящение происходило в Почаевской лавре, как о том просил сам о. Терентий. Тогда же молодой священник с семьей отправляется «к месту первого своего пастирского служения — с. Дратов Любартовского уезда Люблин-

ской губернии» [12. С. 44]. «Для села приезд нового батюшки — это большое событие. По пути крестьяне выходили из домов и ласково приветствовали нас... Всенощная. Церковь полна народу. Псаломщика на клиросе окружает молодежь. И вот в ответ на мой первый возглас вся церковь — хором ответила мне. И так — всю службу. Я был восхищен, и уже в первые моменты своего молитвенного сближения со своей паствой я почувствовал, что здесь я буду пастырски счастлив, и в посвящении себя этому воспевающему Бога народу — будет моя высшая радость и услаждение... Я реально почувствовал там впервые и высоту, и значение, и радость пастырского служения людям» [12. С. 45—46]. Дратовские прихожане — «народ благочестивый, честный, язык „подляшский“, смесь украинского с польским, еще больше с русским» [12. С. 47] — расстались со своим священником осенью 1902 г., когда о. Терентий был переведен в Варшаву.

Четвертый священник варшавского кафедрального Свято-Троицкого собора на ул. Долгой, о. Терентий застал при своем «поступлении в Варшаву еще „старое“, заслуженное, сановитое, с высшим богословским образованием священство». «Они не были фанатиками, оскорбляющими религиозные чувства окружающего их инославного населения, но умудренные опытом, твердые, непоколебимые хранители своего Православия, пользовавшиеся уважением у представителей инославного духовенства» [12. С. 58]. Эти слова можно было бы отнести и к самому молодому о. Терентию, снискавшему симпатии католического населения еще в период столь дорогого и памятного ему сельского пастырства, чему в немалой степени способствовало дружественное общение православного священника с католическим духовенством.

В Варшаве о. Терентий постепенно начинает литературную работу: в «Холмско-Варшавском епархиальном вестнике» появляются его первые статьи [14. №№8, 44, 47], а в 1907 г. выходит из печати небольшая книга о приходской жизни [15], материалом для которой послужил в основном «церковно-приходской опыт... служения в Дратове» [12. С. 57]. О. Терентий становится активным исповедником идеи соборности Церкви — «основного принципа Православия», — в чем его поддерживает и варшавский иерарх — архиепископ Николай (Зиоров). В 1909 г. издается небольшая работа о. Терентия о религиозности Н. В. Гоголя [16], которую он определял так: «Религия была, можно сказать, жизненной стихией Гоголя — ею душа писателя питалась во все возрасты жизни и ею же Гоголь больше всего был чужд передовым людям русского общества, даже своим друзьям» [18. С. 3].

В 1910 г. о. Терентий становится настоятелем Успенской церкви на ул. Медовой и сразу же пытается испробовать «лучшее средство сплочения приходской общины... —...объединение на почве какого-нибудь доброго дела» [12. С. 89]. Тогда же выходит в свет небольшая брошюра, тому посвященная [17]. О. Терентий начинает все больше внимания уделять проблемам религиозного воспитания и образования, устраивает паломничества варшавской гимназической молодежи в монастыри, организует работу религиозного отдела на выставке образовательных пособий и книг для детей дошкольного и школьного возраста (Варшава, 1913).

В период первой мировой войны православное духовенство западных епархий целиком эвакуировалось вглубь России, куда в значительном количестве вывезли и прихожан, включая жителей сельских местностей. О. Терентий оказался в Петрограде, где вместе с семьей встретил Февральскую революцию. Тогда же на одном из заседаний Религиозно-философского общества состоялось знакомство о. Терентия с Д. В. Философовым, с которым они вместе в тот день «к чести Православия» «дали долгий ответ» «самонадеянному вызову представителей Католичества» [12. С. 129]. На Чрезвычайном Варшавском епархиальном съезде, состоявшемся в Москве в 1917 г., о. Терентий был избран в члены Всероссийского Церковного Собора от своей епархии. Позднее он напишет: «Одно воспоминание о Соборе, об этом единственном светлом событии в эти революционные дни, событии, на которое возлагали столько надежд не только церковного характера,

Доставленное
о. Патриарху

Сергий был благодарен за
подарок памяти и передал
подарок Митрополиту
православию, الذي отозвался
Митрополиту уважением, что
лучше привлечь его к тому,
и вручил ему
бумаже.

Новак Чаптава засомневался
этим пожеланием и спросил
Ржаку, а лучше ли
привлечь, а на момент

Рис. 2. Фрагмент письма патриарха Тихона о. Терентию Теодоровичу

но и общенародного, это воспоминание о Соборе и теперь, через восемнадцать лет, меня сладко волнует. Событие во всех смыслах единственное, уже неповторимое. Какая богатая собранность Иерархических церковных сил! Людей глубокой веры и благочестия, духовных талантов, высокого ума и знания во всех областях человеческого духа, людей всех званий, но всех объединенных в том, что самое важное и святое, что „едино на потребу“,— во Христе и верности Его Святой Церкви» [12. С. 135].

В голодном Петрограде о. Терентию удалось устроить жизнь своего Свято-Преображенского на Аптекарском острове прихода, где он тогда настоятельствовал, на началах соборных постановлений. Прихожане, «без различие звания и положения», выполняли все необходимые хозяйствственные работы, помогали в проведении служб. Несмотря на разрешение Польского комитета, отъезд о. Терентия в Варшаву, на место его прежнего служения, в чем были заинтересованы и он сам и православные верующие Варшавской епархии, постоянно откладывался из-за сложностей военного времени. Летом 1919 г. он тяжело переживал утрату сына — морского офицера, расстрелянного большевиками в Кронштадте за участие в восстании «на форту Красная Горка» (рис. 2).

Не просто было с организацией церковной жизни в Варшаве. Архиепископ Серафим мечтал вернуться в Польшу в сане митрополита и требовал соответствующих архиерейских помещений, отчего «верующие смущались, и выражали желание, чтобы пока вернулся священник...» [12. С. 174]. Патриарх Тихон, благословивший о. Терентия на возвращение в Польшу, писал ему в этой связи:

«Новая Варшава захотела жить по-новому — широкому, а лучше бы скромнее, и на месте виднее будет, что нужно. Господь да поможет Вам потрудиться во благо Св. Церкви и да устроит Ваш путь в благополучии» [12. С. 175].

Отъезд из Петрограда затянулся надолго и был мучителен. О. Терентий встречал на улицах российской столицы тех, кто мечтал вырваться из объятий «великой бескровной» — ученых, литераторов, художников. Профессор Н. Н. Глубоковский, известный богослов, просил о. Терентия: «Возьмите меня с собою в качестве писаломщика...» [12. С. 182]. 14 августа 1921 г. Теодоровичи прибыли в Варшаву и поселились на правобережье Вислы, на Праге, где о. Терентий стал служить в митрополичьей Марие-Магдалинской церкви.

Особенностью прихода было не только его центральное положение среди других приходов православной Польши, но и то, что основу его прихожан составляли русские, в значительной доле — эмигранты. О. Терентию выпало приходское служение именно среди этой части православного населения Второй Речи Посполитой, благодаря же писательству, границы его священнического дела значительно раздвигались — слово пастыря доходило до самых разных читателей не только в Европе, но и на других континентах. Избранные им формы и язык литературного изложения позволяли вести диалог и с крестьянином из полесской глупши, и с варшавским профессором, и с коренным волынским мещанином, и с православным священником из Америки. Часто он обращается к инославному миру, в основном католикам и протестантам. Однако едва ли не главными своими читателями о. Терентий считал православное священство Польши. Именно им он посвятил первую часть трехтомника своих избранных работ: «Сопастырям Св. Православной Автокефальной Церкви в Польше» [11. С. 9].

Интересовавшийся более всего внутренней жизнью церкви, о. Терентий был верен принципу или, вернее, началу соборности, которое всячески обосновывал и проповедовал. Можно сказать, что он был, и до сих пор остается, одним из самых заметных ее проповедников в нынешнем столетии. О. Терентий оказался и практическим исповедником этого начала в разных условиях до конца своих дней. Как писателю, опиравшемуся прежде всего на собственный пастырский опыт, ему приходилось довольно часто обращаться к недавнему прошлому, свидетелем и отчасти творцом которого был и он сам. Священник Русской Православной Церкви, выросший в ее лоне и верно служивший ей, о. Терентий попадает в межвоенной Польше в совершенно новые условия, которые заставляют во многом иначе строить церковную жизнь, особенно, если речь идет о приходской общине. Тем не менее, идея соборности видится ему единственной правильной, претворяется им неукоснительно, проповедуется постоянно. О. Терентий считал, что «не соборный строй» — не лучшее устроение церкви. «Этому началу соборности, в действительном понимании ее, а не в демагогически-демократическом, т. е. голосу лучших людей — верующих и духовно-просвещенных» [11. С. 11] он посвятил большое число своих работ. Идея соборности кажется о. Терентию спасительной для церкви, основой ее возрождения.

Примечательно, что о. Терентий нередко обращался к прошлому Русской Православной Церкви. При этом вставал вопрос об общерусском церковном наследии, автокефалии Православной Церкви в Польше, которую о. Терентий, видимо, считал вынужденной, а саму проблему — чрезвычайно болезненной. «Ведь, несмотря на административно-церковную независимость нашу от Российской Церкви, нашу автокефалию, мы верой, обрядом, традициями связаны с церковной жизнью многострадального русского народа. Связанность необходимо-вселенская, особенно если вспомнить, что православный народ в теперешней Советской России составляет 3/4 всего православного мира. Мы получили все церковное наследие Востока через Российскую Церковь...» [11. С. 11].

Возрождение православной церковной жизни в Польше на началах соборности — одна из главных тем о. Терентия-писателя наряду, а быть может и в связи, с темой прихода и его устроения. Вопросы катехизации, законоучительства, паломничества, благотворительности и многое другое, о чем писал о. Терентий,

так или иначе всегда были связаны с ними. «В Православии все эти три понятия — Церковь, Соборность и Приход — тесно соединены и в жизни неразрывно связаны. Церковь — Тело Христово, Христов организм, правильная жизнь которого поддерживается и укрепляется только соборностью членов его — живой и деятельной собранностью сил всего церковного организма. А Приход — начальная и основная клеточка церковного организма, из соединения которых и создается вся Церковь — Тело Христово. Но эта же церковная ячейка — Приход — является как бы микрокосмом всей Церкви. Состояние Прихода, его строй дают понятие о внутреннем строе и состоянии всей Церкви» [11. С. 351].

Роли священника, его образованию, самообразованию, служению о. Терентий посвятил ряд статей. Церковь нуждалась «в созидательных творческих силах» и потому в вопросах пастырства о. протопресвитер был особенно строг. Он писал: «Приходское дело — не легкое, оно требует посвящения и подвига... В далекую старину, не будь в Западно-Русской Церкви приходской соборности, от Православия не осталось бы и следа. Конечно, при соборном устроении жизни священника в приходе беспокойнее, труднее, но если священник будет не титулованным лицом только, а настоящим, то в приходской общине он найдет поддержку, защиту и содействие в своей деятельности; но та же приходская община, по разуму своему, может осудить и отвергнуть Пастыря, если найдет его недостойным» [11. С. 352].

О. Терентий постоянно выступал как апологет православия — то была его миссия, миссионерство в инославном мире. В этих целях он активно пользуется не только трибуной, но еще более своим пером — публикует большое число религиозно-философских, культурологических и теологических работ. Ему же принадлежат едва ли не лучшие по тому времени изложения сокровенных мыслей таких знаменитых ученых русской эмиграции как Л. П. Карсавин [18], Н. А. Бердяев [19], П. Н. Новгородцев [20] и др. О. Терентий постоянно подчеркивал, что его работы «писаны не для ученых людей..., а есть выражение внутренней пастырской потребности — не ограничиться лишь церковной кафедрой, не для всех доступной и не всех привлекающей, а нести свою „церковную правду“ и на страницы печати, особенно светской, более доступной и привлекательной для „мира“» [11. С. 12]. Последним объясняется факт его необычайно активного сотрудничества в различных русских эмигрантских и русскоязычных периодических изданиях межвоенной Польши. Пожалуй наиболее «любимы» о. Терентием были варшавские газета «За Свободу» и еженедельный «церковно-народный иллюстрированный журнал» «Воскресное чтение», а позднее газеты «Слово» и «Молва» (рис. 3).

Апологетические писания о. Терентия интересно сопоставить с его высказываниями на экumenическую тему. «Стремление христианского мира к единению», как он называл одну из своих статей, претерпело немало изменений за межвоенный период. С момента его доклада об этом в варшавском Русском Доме в 1924 г. и до конца 1930-х годов значительно трансформировались и взгляды самого о. Терентия.

Очень значительные темы в творчестве протопресвитера Терентия Теодоровича — «Русская культура и Православие», «Молодежь и Церковь», «Всероссийский Церковный Собор 1917—1918 гг.»⁵, «Православное богослужение»⁶, «Святые места Польши»⁷, «Русская эмиграция». Он много писал о патриархе Тихоне, которому специально посвятил серию статей ([24—29] и др.). О. Терентий пророчески считал, что патриарх Тихон «с годами, по мере возрождения Русской Православной Церкви, все ярче будет блестать на православном горизонте как путеводная звезда — и пребудет Он в светлой памяти Православной Церкви не только „Святейшим“, но — дай Бог — и Святым» [11. С. 119].

⁵ Показательно выступление о. Терентия против негативного видения действий Собора со стороны высоких церковных авторитетов [23].

⁶ О. Терентий — автор нескольких значительных трудов по литургике [21, 22].

⁷ Помимо статей и очерков о. Терентием была издана небольшая книга о Почаевской лавре [30].

Смиренний Діонисій,

Митрополитъ Варшавскій и Всехъ Польши,
Почаевскія Св.-Успенскія Лавры Священно-Архимандритъ.

ВАШЕ ВЫСОКО ПРЕПОДОБІЕ,
ВСЕЧЕСТНЫЙ И ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ ОТЕЦЪ ПРОТОПРЕСВІТЕРЫ

Милосердый Господь, управляющій судьбами міра и всѣхъ чено-
вкъ, удостоиъ Тебя безпорочно и многополезно свершити длитель-
ный и полный труда, радостей и скорбей путь сорокалѣтнаго служе-
нія Церкви Христовой.

Начавъ стояніе на Божественнѣй Стражѣ въ скромной, но от-
вѣтственной должности сельского пастыря, Ты, благодаря Твоему вы-
сокимъ качествамъ и исключительному усердію въ дѣланіи на Нивѣ
Христовой, трудолюбно возвращая и пріумножая дарованный Тебѣ свы-
ше талантъ, восходилъ отъ силы въ силу и достигъ почетнѣйшаго
звания Протопресвитера Нашея Митрополичія Каведры.

Пламенный благовѣстникъ и учитель Вселенныя, Апостолъ язы-
ковъ Павелъ, въ наставленіи духовному сыну своему Тимофею, пи-
шетъ: „Не неради о своемъ даровании, живущемъ въ тебѣ, еже дано
тебѣ бысть пророчествомъ съ возложеніемъ рукъ священническихъ. Въ
сихъ поучайся, въ сихъ пребывай, (въ сихъ разумѣй): да преспѣяніе
твое явлено будеть во всѣхъ. Внимай себѣ, и учению: и пребывай въ нихъ,
сія бо творя, и самъ спасешся и по-лучшающи тебѣ“ (1 Тим. 4, 14-16).

Обозрѣвая нынѣ пройденный Тобою подвигъ ревностнаго служе-
нія Богу и Церкви въ теченіе четырехъ десятковъ лѣтъ, Мы съ Ар-
хипастырскимъ удовлетвореніемъ отмѣчаемъ, что сіи проникновенные
глаголы Апостола были особенно близки Твоему сердцу и пастырско-
му разумѣнію. Ты, воистину, бережно хранила и возгрѣвалъ полу-
ченную Тобою благодать священства, являя себя благоговѣйнѣйшимъ
строителемъ Святѣйшихъ Таинъ, неутомимымъ проповѣдникомъ Сло-
ва Божія, наставникомъ дѣтей и юношества—въ школѣ, и взрослыхъ
—съ амвона, утѣшителемъ болѣющихъ, скорбящихъ, нуждающихся, ча-
ющихъ христіанскія помощи и заступленія. Свою всестороннюю и мно-
гообразную пастырскую дѣятельность Ты неизмѣнно соединяла съ при-
зываами къ православно церковной благотворительности, самъ неуто-
мимо работая, съ великою пользою, на семъ благодарномъ поприщѣ.
Ни житейскія невзгоды и скорби, которыми Господь и Тебя посыпалъ,
ни пѣтченыи лѣта и связанные съ ними недомоганія не угасли и не
ослабили въ Тебѣ крѣпкаго духа и пастырского горѣнія, которые по
прежнему сильны и дѣйственны. Сей крѣпкій духъ и пастырское горѣ-
ніе осияваютъ Твоихъ чадъ духовныхъ и возбуждаютъ ихъ къ вѣрѣ
и любви христіанской и благочестному житію.

Въ нынѣшній знаменательный день сорокалѣтія Твоєя іерейскія
хиротоніи, сердечно и съ Архипастырскою любовію привѣтствуя Тебя,
усердно молимъ Всевышнаго, да сохранитъ Тебя здрава, цѣла и бла-
годенствующа на многа лѣта.

Сія Наша грамота, рукою Нашею подписанная и Нашею Митро-
поличею печатию скрѣпленная, дана Всечестному и Возлюбленному
Отцу Протопресвитеру Терентію Теодоровичу, въ столичномъ градѣ Вар-
шавѣ, въ лѣто отъ Воплощенія Бога Слова 1935, мѣс. сентября, 30 днія.

Рис. 3. Текст грамоты митрополита Дионисия, архиепарха Православной Церкви в Польше, протопресвитеру Терентию Теодоровичу в связи с сорокалетием его священнического служения

После возвращения в 1921 г. в Варшаву о. Терентий постоянно обращает свой взор в сторону России, старается, как может, помочь своим братьям, находящимся под бременем «бездожной власти». Он организует продовольственную и материальную помощь гражданам СССР. Постоянно звучит его голос в защиту уничтожаемой Русской Православной Церкви, ее иерархов, священников, верующих. На весь христианский мир слышны его слова о том, что «новая история Русской Православной Церкви, возглавляемой первым Патриархом ее Тихоном, началась мученичеством, превосходящим, по-видимому, мученичество первохристианства...» [11. С. 127]. О. Терентий верит в духовное возрождение России, верит в ее будущее величие. «Придут „свои сроки“ и Светость Христа и

окружающей Его святыни освободится в грешном человечестве от излишних исторических человеческих наслоений, и Православие, своею широтой и углубленностью, больше всего способно к такому просветлению. И кто знает, не начнется ли оно — это просветление оттуда, где сейчас мрак, где сейчас духовная ночь. „Солнце догорает на Западе, а восходит на Востоке...“ [11. С. 279].

За несколько лет до смерти о. Терентий признается, что, «исполняя свое непосредственное Божие дело как первое, я все же искал всегда досуга, часто даже в ночное время, чтобы удовлетворить, без какой-либо корысти..., создавшуюся у меня потребность говорить, „проповедовать“ через посредство печатного слова» [11. С. 12]. Проповедничество — исток творческого импульса, писательства о. Терентия, который чувствовал потребность писать по долгу, зову сердца, умению. В писаниях своих он — пастырь, проповедник, миссионер, апологет православия, защитник русской духовной культуры ([31] и др.), борец за возрождение величия падшей России ([11. С. 320—329] и др.), помощник и благотворитель в пользу страдающего русского народа, как в СССР, так и в эмиграции ([32—35] и др.).

В богатой, многообразной, насчитывающей множество авторов и самых различных произведений православной литературе Польши 1918—1939 гг.⁸ о. Терентий занял место, достойное его высокого церковного звания протопресвитера. Он жил с миром и для мира, служа ему как духовный писатель, как священник и христианин (рис. 4).

В качестве приложения к статье помещаем полностью одно из слов-молений о. Терентия в защиту «страдальцев Советской России», написанное им осенью 1933 г.

«Упокой, Господи, души усопших раб Твоих,
за веру и правду Божию умученных и убиенных!»

Уже объявлено, что 1 ноября по постановлению Высшей Церковной Власти, во всех церквях Митрополии в Польше будет совершено заупокойное моление о пострадавших в сов. России за веру и правду Божию. В этот, нарочито теперь установленный, День для памяти Российских мучеников и исповедников перед сознанием каждого русского человека — следовало бы — человека вообще — встает во всех неописуемых ужасах Голгофа Российской, звучащая предсмертными воплями миллионов жертв, залитая морем человеческой крови — родных, друзей, знаемых и незнаемых, но братий по вере и крови...

Это будет день христианского, народного траура для Зарубежной России, день мучительных воспоминаний, день скорби, слез, растворенных горячей молитвой о погибших и состраданием к живущим «там» и страдающим от голодной недоли. Только для несознательных людей, для людей, забывших свою родину, свой родной народ, изменивших заветам своих отцов День 1 ноября — посвященный памяти страдальцев несчастной страны — может пройти незамеченным, рядовым. Но это будет знаменовать, что эти люди забыли свою духовную и народную природу, что они перестали быть русскими, что они ушли «оттуда»,

⁸ До самого последнего времени и у нас, и в Польше эта тема не могла быть даже поставлена, являясь по сути запретной. Только сейчас она начинает изучаться должным образом. На это направлен специальный проект «Православная литература Польши: 1918—1939», поддержанный Российским гуманитарным научным фондом. Большую трудность в работе создает отсутствие соответствующего источникового материала в государственных хранилищах и необходимость его собирания экспедиционным путем у православного населения, в епархиальных и приходских архивах и библиотеках на местах. Проводившийся нами в течение ряда лет сбор источников, а также результаты двух предварительных рекогносцировочных экспедиций 1994 г. впервые позволили с достаточной точностью определить репертуар крупнейшего православного издательства межвоенной Польши — при православной Митрополии в Варшаве, — общее количество книжных изданий которого в действительности во много раз превышает цифру, недавно названную в исследовании «Православная Церковь в Польше в древности и сегодня» [37. С. 150], опубликованном совместно Центральным статистическим управлением Польши и Варшавской Православной Митрополией.

Рис. 4. Портрет протопресвитера Терентия Теодоровича работы его дочери Елены

чтобы все забыть, ничего уже не ждать. Но этого не должно быть и, конечно, не будет. Мы духовно — по вере и крови связанные с русским народом несчастной великой страны, в этот отныне памятный День 1 ноября соединимся в соборной молитве, в общей скорби о почивших и нераздельном сострадании к живущим, терпеливо несущим свой жизненный крест в неугасимой нашей надежде, что страдания — народные — откроют в определенные Богом сроки пути к величию гонимой Церкви и всего русского народа.

Как священник Бога Вышняго, я предложил бы этот скорбный День молитвы о почивших священномучениках, мучениках, исповедниках и всех за веру и правду Божию убиенных — соединить со строгим постом в этот день как данью памяти и чести почивших. Вечернее молитвенное собрание в Митрополичьем

храме сегодня (29 октября) связало себя вместе со мной обещанием молитву в День 1 ноября соединить со строгим постом и возможной жертвенностью для голодающих в сов. России.

О, если бы этот скорбный день стал днем молитвенной памяти о страдальцах советской России для всего Русского Зарубежья!

(Молва.. 1933. № 230.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Протопресвитер Т. Теодорович. Все так ясно и так повелительно//Москва. 1933. № 225.
2. Протопресвитер Т. Теодорович. Прощальное литургийное слово пастыря в день Первоверховых Апостолов Петра и Павла//Воскресное чтение. 1939. № 29. С. 456.
3. Papierzyńska-Turek M. Między tradycją a rzeczywistością: Państwo wobec prawosławia: 1918—1939. Warszawa, 1989. S. 6.
4. Drugi Powszechny Spis ludności z dnia 9.XII.1931//Statystyka Polski. Ser. D. Warszawa, 1939. Tabl. 34.
5. Ks. Grzegorz Sosna. Polskie Prawosławie//Materiały problemowe. 1988. № 6. S. 55—56.
6. Церковный календарь на 1939 год. Варшава, [1938]. С. 55—58.
7. Belcikowski J. Charakterystyki i programy stronnictw politycznych na terenie Rzeczypospolitej Polskiej. Wyd. 2. Warszawa, 1923.
8. Топоров В. Н. Неомифологизм в русской литературе начала XX в.: Роман А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни». Тренто, 1990.
9. Неугасимая лампада: Сборник статей памяти М. П. Арцыбашева. Варшава, 1928.
10. Булгаков В. Ф. Словарь русских зарубежных писателей. Нью-Йорк, 1993.
11. Протопресвитер Т. П. Теодорович. К сорокалетию пастырства: 1895. 17(30).IX.1935. Ч. 1. Сборник статей по церковным вопросам, напечатанных (есть и непечатавшиеся) в русских изданиях с 1923 по 1935 годы. Варшава, 1935.
12. [Протопресвитер Т. П. Теодорович. К сорокалетию пастырства: 1895. 17(30).IX.1935]. Ч. 2. Автобиографические воспоминания в связи с церковными событиями и переживаниями моей прошедшей жизни — школьной и служебной — до возвращения моего в Варшаву в 1921 году. [Варшава, 1935].
13. [Протопресвитер Т. П. Теодорович.] К сорокалетию пастырства: 1895. 17(30) IX.1935. Ч. 3. Приложение. [Варшава, 1935].
14. Холмско-Варшавский епархиальный вестник. 1905.
15. О. Терентий Теодорович. Современные задачи церковного прихода. Варшава, 1907.
16. О. Терентий Теодорович. Религия в жизни Гоголя. Варшава, 1909.
17. О. Терентий Теодорович. Благотворительность в церковном приходе. Варшава, 1910.
18. О. Терентий Теодорович. Путь Православия//Воскресное чтение. 1924. № 26—29.
19. О. Терентий Теодорович. «Живая Церковь» и религиозное возрождение России//Воскресное чтение. 1924. № 37—40.
20. О. Терентий Теодорович. Существо русского православного сознания//Воскресное чтение. 1924. № 9—11.
21. Протопресвитер Терентий Теодорович. Страстная неделя. Варшава, 1932.
22. Протопресвитер Терентий Теодорович. Пасха: Светлая седмица. Варшава, 1933.
23. О. Терентий Теодорович. В защиту Московского Всероссийского Церковного Собора//Воскресное чтение. 1927. № 11.
24. О. Терентий Теодорович. Памяти Святейшего Патриарха Тихона//Свет Истины. 1927. № 1.
25. О. Терентий Теодорович. После панихиды во вторую годовщину смерти Патриарха Тихона//За Свободу. 1927. № 84.
26. О. Терентий Теодорович. Патриарх Тихон и жизнь Церкви//За Свободу. 1927. № 265.
27. Протопресвитер Терентий Теодорович. Третья горестная годовщина//За Свободу. 1928. № 82.
28. Протопресвитер Терентий Теодорович. Памяти Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона//За Свободу. 1929. № 91.
29. Протопресвитер Терентий Теодорович. Незабываемая скорбная годовщина//За Свободу. 1931. № 9.
30. Протопресвитер Терентий Теодорович. Почаевская Успенская Лавра и ее святыни. Варшава, 1930.
31. Протопресвитер Терентий Теодорович. Голос «иной немирской» о «Дне Русской культуры»//Молва. 1933. № 126.
32. Протопресвитер Терентий Теодорович. Конечно — «постыдное молчание»//Молва. 1933. № 163.
33. Протопресвитер Терентий Теодорович. Все так ясно и так повелительно//Молва. 1933. № 225.
34. Протопресвитер Терентий Теодорович. Братский призыв. Варшава, 1933.
35. Протопресвитер Терентий Теодорович. Ко дню Рождества Христова//Меч. 1935. № 1.
36. Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т. 1.
37. Kościół Prawosławny w Polsce dawniej i dzisiaj. Warszawa, 1993. [Cz. 1].
38. Арсеньев Н. Предисловие//Свитич А. Православная церковь в Польше и ее автокефалия. Бэнос-Айрес, 1959. С. II.

© 1995 г. МАРОЕВИЧ Р.

К ТИПОЛОГИИ РУССКОГО И СЕРБСКОГО ЯЗЫКОВ

В лингвистических исследованиях по русскому и сербскому языкам до сих пор применялись, как правило, два метода: сравнительно-исторический и сопоставительный. Сравнительно-исторический метод использовался, как правило, для реконструкции праславянских языковых явлений, но не для сравнительно-исторического исследования двух славянских языков, в частности, русского и сербского: сравнительной грамматики русского и сербского языков пока не существует — ни как отдельного труда, ни как особой области лингвистики. В отличие от сравнительно-исторического метода, метод сопоставительного анализа (этому термину в югославской русистике соответствует термин *конфронтационный анализ* или менее удачный — *контрастивный анализ* [1]) применяется обычно к синхронному исследованию двух языковых систем, и здесь имеются немалые достижения.

Вместе с тем сопоставительные исследования сводятся обычно к описанию совпадающих, сходных и несовпадающих явлений в исследуемых языках, а причины возникновения различий, как правило, не анализируются. Таким образом, сравнительно-исторический и сопоставительный методы лингвистического исследования не только не взаимодействуют, но практически даже не соприкасаются. В то же время еще один из известных методов сравнительного изучения языков — метод типологического анализа — стал прерогативой исследователей генетически далеких языков: в славянском языкоznании этот метод не получил пока заметного распространения.

Мы исходим из того, что существенные типологические различия между русским и сербским языком, рассматриваемые на современном синхронном срезе, могут быть адекватно описаны и истолкованы, если принять за основу понятие типологического расхождения с привлечением всех трех названных выше методов: сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического. В самом деле: современный уровень развития лингвистики позволяет все увереннее говорить о едином комплексном методе лингвистического анализа близкородственных языков — о методе сравнительно-исторического сопоставительно-типологического анализа.

Введение в лингвистическое исследование понятия типологического расхождения предполагает выявление типологических особенностей современного русского и современного сербского языков в сопоставлении с праславянским, играющим роль *«tertium comparationis»*. Иными словами, мы можем выделить две группы типологических различий для двух данных языков: а) типологические

Мароевич Радмило — д-р филол. наук, ординарный профессор Белградского университета, академик МСА.

различия между русским и сербским языками, возникшие в результате инновации (если один из языков развил какую-либо типологическую особенность, которая отсутствовала в праславянском языке и не отмечена для второго исследуемого языка); б) особенности, являющиеся результатом большей архаичности одного языка по сравнению с другим (если в одном языке сохраняется какая-либо типологическая особенность праславянского, утраченная вторым языком). Типологические различия могут быть систематизированы на различных языковых уровнях: фонологическом, грамматическом (включающем морфологию, словообразование и синтаксис), лексическом, стилистическом и лингвострановедческом уровне.

В настоящей работе представлен опыт типологического описания русского и сербского языков в диахроническом и синхроническом аспектах. Основная цель исследования — постановка проблемы и ее теоретическое обоснование, но не окончательный синтез, претендующий на полноту описания установленных типологических различий и на непогрешимость сделанных выводов. Такая установка обусловлена следующими факторами: 1) с теоретической и методологической точки зрения трудно определить, какие именно различия между русским и сербским языком являются типологически релевантными; 2) языковые явления, представляющие существенный интерес для типологии языков, применительно к русскому и сербскому еще не исследованы в сопоставительном аспекте. Если исходить из адекватности задачам типологии, то следует признать неизученными целые пласти языка (словообразование, лексику, стилистику, лингвострановедение); 3) некоторые тенденции языкового развития, наблюдаемые как в русском, так и в сербском языке, не совпадают ни по времени появления, ни по степени распространенности, ни по стилистическому употреблению. В подобных случаях мы придерживаемся рамок синхронного среза и принимаем во внимание стилистически нейтральные, нормативные формы.

I. На фонологическом уровне русский и сербский языки характеризуются некоторыми общими типологическими признаками относительно праславянского: а) в обоих языках произошла утрата носовых /ç/, /g/; б) и в том, и в другом языке имело место падение редуцированных; в сербском языке это произошло значительно позже, чем в русском, о чем свидетельствуют письменные памятники, а также диалектные данные; утрате редуцированных в сербском предшествовало совпадение редуцированных переднего и заднего ряда в одном звуке; в) в обоих языках произошло упрощение системы гласных фонем: утрачена фонема /ě/ (ее следы сохраняются в некоторых сербских говорах); исчезли фонологические различия между /i/ и /y/ (в сербском языке эти звуки совпали также и на фонетическом уровне, в русском же они существуют в виде аллофонов [i], [y]).

Типологические различия между русским и сербским языками обусловлены прежде всего изменениями в системе гласных и согласных русского языка: а) в результате смягчения полумягких согласных в русском языке сформировалась оппозиция по признаку твердости-мягкости согласных; б) переход тонического ударения в экспираторное в русском языке привел к редукции гласных и нейтрализации некоторых фонологических оппозиций в безударном положении.

Остановимся на этих явлениях подробнее.

В результате смягчения палatalизованных (полумягких) согласных в русском языке появились следующие пары: /p/ — /p'/, /b/ — /b'/, /v/ — /v'/, /m/ — /m'/, /t/ — /t'/, /d/ — /d'/, /s/ — /s'/, /z/ — /z'/, /n/ — /n'/, /l/ — /l'/, /r/ — /r'/. В последних пяти парах новые палатальные согласные, возникшие в результате палatalизации полумягких, совпали с древними праславянскими палатальными согласными. С появлением фонемы /f/ в древнерусском языке XIV в. были созданы предпосылки для фонологической оппозиции /f/ — /f'/ [2. С. 41—42]. Приведенный список можно продолжить за счет пар, фонологический статус которых выражен менее отчетливо: /k/ — /k'/, /g/ — /g'/, /h/ — /h'/.

Хронологически смягчение полумягких согласных и возникновение указанной оппозиции приурочивают к середине XI в. [3]. Исследуя особенности орфографии древнерусских памятников, Л. Э. Калнынь пришла к выводу, что, с одной стороны, «обозначение мягкости в памятниках XI—XII вв. ... отражает черту живого языка», а, с другой стороны, в XI—XII вв. «различение исконной мягкости и позиционной полумягкости согласных в значительной степени нарушилось, а в некоторых областях, может быть, исчезло и совсем» [4].

Основываясь на данных деривационной истории, мы предложили иное объяснение, в соответствии с которым фонологическое различие полумягкости и мягкости согласных сохранялось — по крайней мере, в части древнерусских говоров — вплоть до конца XII в. и первых десятилетий XIII в. [2. С. 38—41].

Следует сказать, что в сербском языке также существуют палатальные согласные, но они возникли в результате йотации, и мягкость не является их релевантным фонологическим признаком.

Далее, переход тонического ударения в экспираторное в истории развития русского языка стал причиной возникновения редукции гласных в безударном положении. Признаки редукции можно обнаружить уже в древнерусском языке. Об этом свидетельствуют, в частности, некоторые данные ономастики. Имя собственное *Константънъ* в живой народной речи появляется в адаптированной форме *Къснятина*: во втором предударном слоге произошла дедукция /o/ → /ъ/. В топониме *Тъмуторокань* < **Тъмтогоканъ*, возникшем в качестве притяжательного прилагательного на -*ј* от тюркоязычного титула *taman tаrgap*, в третьем предударном слоге, который после развития полногласия стал четвертым предударным слогом, также произошла редукция /o/ → /ъ/ (подробнее об адаптации указанных ономастических форм см. [5. С. 72]).

Редукция гласных в безударном положении постепенно привела к нейтрализации некоторых оппозиций гласных в безударном положении. В русском литературном языке только гласная фонема /u/ сохраняет стабильность в безударной позиции. Фонемы /a/ и /o/ после твердых согласных нейтрализуются во всех безударных позициях и совпадают в произношении: они произносятся как краткое *a* [ã] в первой степени редукции или как нелабиализованное *o* [ъ] во второй степени редукции. Фонемы /e/ и /a/ после мягких согласных также нейтрализуются во всех безударных позициях и совпадают в произношении: они произносятся как редуцированный гласный, средний между *i* и *e*, но более близкий к *i* [i^ε] в первой степени редукции, или как редуцированный гласный переднего ряда [ъ] во второй степени редукции. Фонема /i/ с ее аллофонами [i] и [y] только на первый взгляд сохраняет стабильность в безударной позиции, поскольку она редуцируется, как и фонема /u/, только в количественном отношении. Произношение фонем /i/ и /e/ в положении после твердых шипящих согласных очень близко и по артикуляции, и по акустическому впечатлению: *широкий* [šy], *шестой* [šy^ε]. Фонемы /e/ и /a/ и фонема /i/ тоже практически не различаются в произношении в положении после мягких согласных: *лесá* [l'i^ε], *плясáть* [l'i^ε], *лисá* [l'i].

Тенденция нейтрализации гласных фонем — еще не завершившийся процесс. Это проявляется не только в отчетливом произношении фонемы /u/ в безударном положении в литературном языке, но и в том, что указанная тенденция в неодинаковой степени выражена в русских диалектах.

Следующий признак характерен для сербского языка.

В праславянском языке существовали слоговой согласный /ѓ/ и слоговой согласный /љ/, с двояким призвуком — палатальным и велярным: /ьѓ/, /ъѓ/, /ьљ/, /ъљ/. В сербском языке сохраняется слоговое /ѓ/, в то время как слоговое /љ/ утратилось (исключение составляют некоторые диалекты), так что в этом отношении сербский язык обнаруживает большую типологическую близость к правславянскому языку, чем русский. Утрата праславянских слоговых /ѓ/ и /љ/, происшедшая еще в древнерусском языке, составляет типологическую особенность русского по сравнению с праславянским и сербским языками.

Типологическая дифференциация русского и сербского языков проявляется также в некоторых чередованиях звуков, появившихся в процессе исторического развития двух языков. Так, различиями в рефлексации редуцированных в сильной позиции объясняется различие в чередовании звуков: /o/ || ø, /e/ || ø в русском языке и /a/ || ø в сербском. В результате перехода л в о в сербском языке возникло специфическое чередование /l/ || /ø/. В результате перехода е в о в русском языке возникло чередование /e/ || /o/ типа *вела* — *вёл*, что обусловило фонологическое противопоставление парных по твердости-мягкости согласных также и в положении перед гласным /o/.

Таким образом, одни звуковые чередования характеризуют только русский язык (мена /e/ — /o/ типа *вёл* — *вела*), другие отмечаются только в сербском (гласно-согласная альтернация /l/ — /o/ типа *читало* — *читала*), в то время как для чередований, возникших вследствие утраты редуцированных гласных, выявляются частичные совпадения: сербской альтернации /a/ — ø соответствуют русские /e/ — ø, /o/ — ø и /o/ < /é/ — ø типа *борец* — *борца*, *сон* — *сна*, *овёс* — *овса*). В этом последнем случае речь идет о функциональном (семантическом) совпадении на фоне формальных расхождений.

II. Типологическая дифференциация русского и сербского языков на морфологическом уровне обусловлена изменениями, которые привели к различной реализации грамматических категорий рода, числа, падежа, одушевленности-неодушевленности, определенности-неопределенности прилагательных, времени, а также к некоторым различиям в системах частей речи.

Категория рода. Русский и сербский языки унаследовали из праславянского три рода — мужской, женский и средний, а также сочетание естественного и грамматического рода. Типологические различия между этими двумя языками состоят в следующем.

1) В ходе исторического развития русского языка отчетливо проявилась тенденция к утрате категории рода во множественном числе. В современном русском языке категория рода нейтрализуется в формах множественного числа всех адъективных слов (прилагательных, местоимений — прилагательных, порядковых числительных, причастий), всех предикативных слов (глагольных форм на -л, кратких прилагательных, кратких причастий), а также личного местоимения третьего лица они. Категория рода у существительных сохраняется, однако во множественном числе она не может быть выражена синтаксическими средствами. В русском языке, в отличие от сербского, существительные pluralia tantum являются нейтральными в отношении категории рода. В именном склонении наблюдается тенденция унификации окончаний во множественном числе. Существительные всех трех родов и всех типов склонения имеют в формах дательного, творительного и предложного падежей множественного числа одинаковые окончания: -ам, -ами, -ах (исключение составляют лишь некоторые существительные третьего склонения, которые имеют или могут иметь в творительном падеже окончание -ми). Окончание -и в именительном падеже распространяется и на существительные среднего рода, окончание -ей в родительном падеже — на все существительные с основой на мягкий согласный. Ср. далее, в современном языке неологизмы на -це (тип *одеяльце*), которые получают в родительском падеже множественного числа окончание -ев, характерное для существительных мужского рода с основой на твердый согласный и /j/ [6. С. 495].

2) В процессе исторического развития русского языка наблюдается тенденция утраты естественного среднего рода. Существительные, означающие детей и детенышей животных типа *ребя́*, *теля́*, не употребляются в современном языке: их заменили в процессе исторического развития языка суффиксальные образования на -ёнок <-ёпъкъ мужского рода типа *ребёнок*, *телёнок*. Древние формы сохраняются лишь в некоторых фразеологических единицах и пословицах; например: *Ласковое т е л я двух маток сосет, а неласковое и последнюю теряет*; *У кошки к от я то же д и т я*. Существительное *дитя* является в современном

языке книжным, устаревшим словом. Это типологическое различие между русским и сербским языком проявляется, в частности, и в употреблении местоимений со значением неопределенных существ: *кто-то с т р а ш н ы й* — *нешто с т р а ш н о*¹. В рамках субстантивного склонения, по сути дела, отсутствуют существительные среднего рода с семантическим признаком одушевленности. Существительное *чудовище* может вести себя и как одушевленное существительное, и как неодушевленное [7]. В русском языке к одушевленным относятся следующие существительные среднего рода: а) существительное *животное*, восходящее к церковнославянскому языку, а также б) некоторые (чаще книжные) слова, означающие разряды животных, типа *насекомое*, *млекопитающее* — т. е. субстантивированные прилагательные и причастия.

3) Типологической особенностью русского языка являются существительные так называемого общего рода, родовая принадлежность которых выясняется из контекста. Ср.: *Он на с т о я щ и й пьяница. Она на с т о я щ а я пьяница*. В сербском языке подобные существительные грамматически маркированы как существительные женского рода, которые могут указывать на лица мужского и женского пола. Ср.: *Он је п р а в а пијаница. Она је п р а в а пијаница*. Или: *Он је п р а в а незналица. Она је п р а в а незналица*. В этом отношении существительные данного типа не отличаются принципиально от существительных типа *директор*, хотя грамматически они маркированы как существительные мужского рода. Ср.: *Она је д о б а р директор. Он је д о б а р директор*.

Здесь необходимо сделать следующую оговорку. В словаре Матицы сербской существительные *незналица* [8. Т. III. С. 691] и *пијаница* [8. Т. IV. С. 416] приводятся как существительные мужского и женского рода. В Словаре Югославянской академии наук и искусств существительное *незналица* подается как существительное мужского рода, так как это слово зафиксировано только в значении лица мужского пола, но с оговоркой: «Вероятно, возможно употребление и в значении лица женского пола (например: *жена му је велика незналица*), однако отсутствуют подтверждающие примеры» [9. Т. VIII. С. 154—155]. Существительное *пијаница* дано как существительное мужского и женского рода [9. Т. IX. С. 837]. На основании этих данных можно было бы заключить, что в сербском языке также существуют существительные общего (мужского и женского) рода, и что в этом отношении русский и сербский языки обнаруживают типологическое сходство. Примеры подтверждают изложенную выше точку зрения: *Мој очух је био д р е в н а пијаница* [8. Т. IV. С. 416]; *Сваки готово, и највећа незналица мисли, да зна управо, као што треба* [9. Т. VIII. С. 154—155]; *Онај старац би јаше... пијаница же стока* [9. Т. IX. С. 837]. Вместе с тем другие примеры показывают возможность семантического согласования по мужскому роду: *И незналица (је) м о г а о разабрати да она има кћер за удају* [8. Т. III. С. 691]; *Чује како још д в а — три пијанице хрчу* [8. Т. IV. С. 416]; *Нити ћемо какоме г од незналици за у бав рушити га и газити* [9. Т. VIII. С. 155]; ... *таковом у пијаници да му се око узме* [9. Т. VIII. С. 837]. Этот материал служит не только показателем диалектной нестабильности указанных существительных в отношении грамматической категории рода, но и иллюстрацией тенденции формирования имен общего рода в сербском языке. Тем не менее можно сказать, что сербские существительные общего рода не сформировались как стабильный грамматический тип, а находятся в процессе становления как стилистический маркированная или регионально маркированная особенность грамматической системы.

¹ При указании на неопределенное существо (которое не идентифицируется с человеческим существом) в сербском языке употребляется местоимение *нешто* в сочетании с определением (и сказуемым), выраженным словами в форме среднего рода. В русском же языке употребляется местоимение *кто-то* с определением (и сказуемым), выраженным словами в форме мужского рода. Ср.: *Кто-то большой, сильныйшел сквозь лес, не разбрься дороги* (Б. Полевой). — *Нешто велико, сажно ишло је кроз шуму, не бирајуши пут*. Или: *Важно је да је нешто живо у близини* (М. Алечкович). — Важно, чтобы рядом был кто-то живой.

Категория числа. Русский и сербский языки в выражении этой категории в основном совпадают — они имеют два грамматически выраженных числа: единственное и множественное, в чем и состоит их типологическое отличие от праславянского языка, в котором имелось еще двойственное число. В результате утраты двойственного числа в процессе исторического развития русского и сербского языков (хронологически это произошло практически одновременно в этих языках [10; 11; 12]) возникли две типологические особенности, одна из которых свойственна и русскому, и сербскому языку, а вторая только русскому.

1) Употребление существительных с числительными *два*, *оба*, *три*, *четыре*, *полтора* в русском языке можно трактовать как особое грамматическое число: «Помимо ед. и мн. чисел признается существование особого „ограниченного” числа, обозначающего ограниченную множественность (от полутора до четырех). Субстантивным сегментом в словосочетании типа *три ряда* (*солдата*, *стены*, *ведра*, *часовых*, *столовых*) приписывается грамматическое значение „И. падеж ограниченного числа”». Констатируя это, сам А. А. Зализняк отдает предпочтение иной трактовке, в соответствии с которой существительные в сочетании с указанными числительными в форме именительного падежа представляют собой особую падежную форму, которую он, ввиду отсутствия оппозиции по числу, называет «счетной формой» [13]. В сербском языке ситуация более сложная, так как некоторые формы нельзя трактовать как формы родительного падежа (в словосочетаниях типа *два лена града*, *два српска града*, *два наша града*), так что можно говорить о третьем грамматическом числе, употребляемом, по определению Микkelсена, «в сочетании с числительными больше одного и меньше пяти». Для обозначения этого числа Микkelсен использует термин Станкевича «паукал» [14]. Существование этого «ограниченного числа» типологически сближает сербский и русский языки и одновременно противопоставляет их праславянскому языку. Следует подчеркнуть, что статус этого третьего числа отличается от статуса единственного и множественного числа, поскольку оно имеет лексически ограниченное употребление и не является синтаксически самостоятельным.

Существование «ограниченного множественного числа» характерно для обоих языков, но и в этом случае нет полного совпадения: а) существует частичное лексическое различие — в русском языке «ограниченное множественное число» употребляется и с числительным *полтора*, в сербском же также с неопределенным местоименным числительным *неколика*; б) существует различие в падежной форме (именительный падеж или родительный); кроме того в русском языке некоторые существительные могут иметь вариантное ударение (тип *два часá*).

2) Типологической особенностью русского языка в сравнении с сербским является существование конструкций типа *мы с тобой*, *наш с тобой*, которые служат семантическим средством выражения двойственного числа [15]. По свидетельству А. М. Иорданского, наиболее древние примеры употребления подобных конструкций восходят к памятникам XVII в. [16]. По нашему мнению, эти конструкции должны были появиться значительно раньше, так как они являются прямым следствием утраты двойственного числа как грамматической категории (процесс утраты двойственного числа в древнерусском языке происходил в XIII — XIV вв. [10])².

² Малоупотребительность конструкций этого типа в древнерусских и более поздних русских памятниках объясняется, с одной стороны, жанровыми особенностями памятников, а с другой стороны, стилистической окрашенностью самих конструкций. Конструкции типа *мы с тобой*, *наш с тобой* характерны для интимного, разговорного стиля. Параллельно с ними применительно к двум лицам употребляются местоимения *мы*, *наш* без социативного дополнения.

Категория падежа. По ряду признаков в рамках этой категории русский и сербский языки противопоставлены праславянскому языку, а по некоторым другим признакам они противостоят друг другу.

1) В праславянском языке после слияния древнего генитива и древнего ablativa существовала система из семи падежей: номинатив, генитив, датив, аккузатив, инструментал, локатив, вокатив. Кроме перечисленных «несогласуемых» падежей, в праславянском языке существовала также особая категория притяжательных прилагательных, которые особым образом входили в парадигму мотивирующего существительного. Для определения их грамматического статуса некоторые исследователи прибегают к термину «производные согласованные генитивы» (см. [17. С. 8] и указанную там литературу), другие используют термин «determiner case» [18]. Хотя в определенной степени и русские, и сербские притяжательные прилагательные сохраняют остатки своей двойственной грамматической природы, можно сказать, что по этому признаку оба языка типологически противостоят праславянскому.

2) В процессе исторического развития русского языка произошла утрата особой формы вокатива: функцию вокатива взял на себя номинатив. Остатки праславянского и древнерусского вокатива *боже!*, *господи!* (восходящие к церковнославянскому) в настоящее время обычно трактуют как междометия. Возникновение новых звательных форм (*мам!*, *пап!*, *Вань!*, *Тань!*, *Наташ!*) отражает тенденцию к изменению той типологической черты русского языка. Вместе с тем новая звательная форма не оказывает принципиального влияния на картину типологического противопоставления русского и сербского языков: а) эта форма является лексически ограниченной, так как образуется только от некоторых одушевленных существительных (означающих лицо); б) эта форма является грамматически ограниченной, так как образуется только от некоторых существительных второго склонения; в) употребление этой формы строго ограничено рамками разговорного стиля речи (литературная норма допускает лишь формы: *мама!*, *пана!*, *Ваня!*, *Таня!*, *Наташа!*).

3) Особенности исторического развития сербского языка (штокавского диалекта) привели к формальному синкрезизму датива и локатива, в связи с чем можно говорить о дативе-локативе как одном падеже [19; 20; 21]. Различие между прежним дативом и прежним локативом проявляется лишь у некоторых существительных в характере ударения: *поклонити грáду* — бити у грáду. Это означает, что процесс стирания различий между дативом и локативом в сербском языке завершился еще не полностью. Формальное совпадение ведет к взаимодействию падежных значений; при этом наблюдается тенденция перехода к локативу предложных значений датива: *шетати по грáду*. Синкрезизм датива и локатива непосредственно связан с тенденциейнейтрализации оппозиции *н аправлени е* — *место* в сербском языке (см. дальше). Поэтому синкрезизм датива и локатива можно интерпретировать как ослабление позиций датива в пользу локатива [20. С. 157]: таким образом, новый локатив (= датив-локатив) вновь становится падежом, употребляющимся и с предлогами, и без предлогов.

Такая интерпретация падежной системы сербского языка в итоге позволяет сделать вывод: типологическая дифференциация русского и сербского языков состоит в том, что в русском языке отсутствует вокатив, а в сербском языке нет самостоятельного датива (который находился бы в оппозиции с локативом); по сравнению с праславянским языком оба современных языка характеризуются известным упрощением падежной системы. Эта концепция допускает возможность формального и акцентуационного варьирования падежей. Формальная вариантность родительного и предложного падежей в русском языке проявляется в таких случаях: Р¹ *урожай ч á я*, Р² *стакан ч á ю*; Г¹ *говорить о с á де*, Г² *сидеть в с а д ý*. Акцентные варианты родительного и предложного падежей выступают также в примерах: Р¹ *в начале первого ч á са*, Р² *два (три, четыре) ч а с á*; Г¹ *подумать о с т é п и*, Г² *город в с т е п ý*. Если согласиться с тем, что в приведенных примерах выступает единый падеж — родительный или предложный,

то придется признать и акцентную варианность сербского локатива (в другой терминологии — датива-локатива) в разных значениях: *Л¹ живети у гра́ду, шетати по гра́ду, Л² поклонити гра́ду.*

Конечно, возможна и иная интерпретация типологических характеристик русской и сербской падежной системы. Наряду с основными шестью падежами А. А. Зализняк выделяет в современном русском языке еще два падежа: «2-й предложный (местный) падеж» и «2-й родительный (количественно-отделительный) падеж», а 9-й падеж, ввиду отсутствия оппозиции единственное — множественное число, называет «счетной формой» [13]. Если согласиться с концепцией Зализняка о существовании восьми падежей в русском языке и исходить из невозможности варьирования падежных форм («счетную форму», как мы видели, можно трактовать и как форму особого грамматического числа), то тогда, с типологической точки зрения, в сербском языке также выделяются датив и локатив как особые падежи. Исходя из такой интерпретации падежной системы в русском и сербском языках, можно было бы сделать следующий вывод: сербский язык типологически совпадает с праславянским языком, в то время как падежная система русского языка в некоторых элементах упростилась (с утратой звательного падежа), а в других — усложнилась (с формированием двух родительных и двух предложных падежей).

Категория одушевленности-неодушевленности. По сравнению с праславянским языком русский и сербский языки отличаются наличием грамматически выраженной оппозиции: одушевленность — неодушевленность. Однако начало формирования этой оппозиции восходит к периоду распада праславянского языка, толчком же к ее развитию послужил формальный синкретизм номинатива и аккузатива единственного числа основ на *о* (а также некоторых других основ), возникший вследствие действия закона открытого слога: номинатив *въ́къос* > *въ́къ*; аккузатив *въ́къоп* > *въ́къ*. Русский и сербский языки отличаются друг от друга широтой распространения этой категории: в сербском языке она морфологически выражена только у существительных мужского рода первого склонения в единственном числе, в русском языке эта категория охватывает, кроме того, еще и формы множественного числа всех родов и склонений.

Категория определенности-неопределенности прилагательных. В отношении этой грамматической категории русский и сербский языки типологически различаются: в сербском все еще сохраняется праславянская категория определенности-неопределенности прилагательных, в русском же она полностью утрачена. В этом отношении сербский язык более архаичен, чем русский. Категория определенности-неопределенности прилагательных была еще живой в древнерусском языке, однако уже в конце древнерусского периода начался процесс ее разрушения. В атрибутивной функции краткие формы прилагательных были вытеснены полными формами еще в XV в. [22], к этому же времени относятся и первые случаи употребления полных форм прилагательных в предикативной функции [23]. Следствием утраты категории определенности-неопределенности прилагательных было формирование кратких прилагательных как особой лексико-грамматической категории слов (см. ниже).

Категория времени глагола. Русский и сербский языки типологически различаются также и в отношении системы глагольных времен, прежде всего — прошедших. Уже в конце XIV в., как указывает В. В. Иванов, в древнерусском языке были утрачены простые прошедшие времена (имперфект и аорист), в большинстве диалектов был утрачен также плюсквамперфект, а перфект утратил глагол-связку, став тем самым единственным прошедшим временем с широкой семантикой [24. С. 124]. Глагольные формы на *-л* в современном русском языке представляют собой простое прошедшее время, выражающее значения перфекта, аориста и плюсквамперфекта, в то время как в сербском языке эти значения выражаются особыми временными формами; кроме того в сербском языке в качестве стилистически маркированного средства функционирует усеченный пер-

фект, а также имеется имперфект, отодвинутый на стилистическую периферию (в современном языке он может служить в качестве средства архаизации текста).

Система частей речи. После утраты категории определенности—неопределенности у прилагательных (см. выше) сфера употребления прежних форм прилагательных, выражавших значение неопределенности (так называемых кратких форм прилагательных), ограничивается рамками предикативной функции. Будучи связанными в употреблении исключительно предикативной функцией, краткие прилагательные все в большей степени сближались с глаголом, в то время как полные прилагательные все больше становились носителями категориальных признаков прилагательного как части речи [25].

В настоящее время можно говорить о существовании в русском языке кратких прилагательных как особой категории предикативных слов с определенными признаками самостоятельной части речи. Кратким прилагательным свойственны те же грамматические категории, что и глагольным формам на -л и кратким причастиям (категория числа и в единственном числе — категория рода), и та же синтаксическая функция; кроме того, они могут указывать на признак, проявление которого ограничено во времени. Вместе с тем оформление кратких прилагательных как особой части речи не является завершенным процессом: на современном этапе развития русского языка они остаются тесно связанными — семантически и грамматически — с категорией прилагательных. Необходимо подчеркнуть, что утрата глагольной связки существенно повлияла на изменение грамматического статуса кратких прилагательных: сохраняя присущее ему лексическое значение, краткое прилагательное взяло на себя грамматическое значение предикативности.

Утрата глагольной связки обусловила еще одно изменение в системе частей речи — формирование лексико-грамматической категории предикативов. С утратой вспомогательного глагола в настоящем времени в процессе исторического развития русского языка существительные и наречия в предикативной функции приобрели подчеркнуто предикативный характер. Если в сербских предложениях *Хладно је*, *Време је* значение предикативности несет форма глагола-связки *је*, а лексическое значение — наречие *хладно* (соответственно, существительное *време*), то в русских предложениях *Холодно*, *Пора* предикативы *холодно* и *пора* совмещают в себе и лексическое значение, и значение предикативности. Этим обусловлено типологическое различие между русским и сербским языками: предикативы (так называемая категория состояния) в русском языке сформировались уже как особая лексико-грамматическая группа с признаками самостоятельной части речи, а в сербском языке они не в такой степени грамматически обособились от существительных и наречий.

Различия между русским и сербским языком проявляются также в системе числительных как части речи. Если в русском языке количественные числительные (так же, как и собирательные и неопределенно-количественные) склоняются, т. е. у них выражена категория падежа, то в сербском языке числительные в значительной степени адвербиализовались и тем самым в какой-то мере утратили признаки особой части речи, превратившись в существительные нулевого склонения. Числительные, начиная с пяти и далее, полностью утратили склонение, числительные *два*, *оба*, *три*, *четири* и собирательные числительные в живой речи склоняются все реже, постепенно утрачивая формы словоизменения; процесс адвербиализации распространяется и на форму винительного падежа существительных количественного значения (*стотину*, *хиљаду*, *милион*, *милијарду*). Числительное *један* и порядковые числительные приобрели уже все свойства адъективных слов. Таким образом, числительные постепенно превращаются в лексико-семантическую группу слов без своих собственных особых грамматических признаков.

Типологические различия между русским и сербским языком касаются также грамматических особенностей сравнительной степени. Простая сравнительная степень в русском языке адвербиализована, она утратила категорию

рода, числа и падежа и стала предикативной формой выражения сравнения всех частей речи, имеющих степени сравнения: полных прилагательных, кратких прилагательных, наречий и предикативов. Формы словоизменения сохранились у отдельных лексикализованных форм типа *большой* и у описательной сравнительной степени. Распространение аналитических форм характерно как для сравнительной степени (*более красивый, менее красивый*), так и для превосходной степени (*самый красивый*). В сербском же языке формы степеней сравнения отличаются синтетической структурой и четким разграничением адъективных и адвебиальных форм.

Типологические различия между двумя генетически близкими языками проявляются также в системе местоименных слов.

1) В сербском языке представлена трехчленная система указательных местоимений (семантически она связана с тремя грамматическими лицами), а в русском языке — двухчленная или одночленная: *овај — тај — онај // этот — том; овако — тако — онако // так*.

2) В русском языке сформировалась специфическая система неопределенных местоимений с постфиксами *-то, -нибудь, -либо*.

3) В русском языке сформировался особый тип отрицательных местоименных слов с приставкой *не-*: *некогда < нет когда < не есть когда*, на базе которых образовалась особая разновидность безличных предложений, причем употребляются они только в предикативной функции.

Сербский язык отчасти отличается от русского грамматической синонимией и инфинитива и конструкции *да + презент*.

Существенные типологические расхождения наблюдаются также в системе причастий русского и сербского языков. Общим для обоих языков является только страдательное причастие прошедшего времени, хотя и здесь совпадение не полное: в сербском языке причастия сохраняют категорию определенности-неопределенности (эта оппозиция реализуется в атрибутивной функции), а в русском языке в атрибутивной и в атрибутивно-предикативной функции употребляются только полные формы причастий. В сербском языке у глагольных форм на *-л* сохраняется функция причастий (действительное причастие), в то время как в русском языке формы на *-л* являются только формами прошедшего времени или служат для образования сослагательного наклонения и не могут употребляться в функции причастий³. И, наконец, в русском языке, в отличие от сербского, существуют страдательное причастие настоящего времени и действительные причастия настоящего и прошедшего времени.

III. Словообразование русского и сербского языков в сопоставительно-типологическом плане не исследовано в такой степени, чтобы можно было нарисовать относительно полную картину типологических различий между этими языками.

Наиболее существенное типологическое различие в системе словообразования проявляется в формировании постфикса как особой разновидности аффиксальных морфем в русском языке. Компонент *-ся, -сь* у возвратных глаголов и компоненты *-то, -нибудь, -либо* у неопределенных местоимений приобрели статус постфиксов потому, что они имеют фиксированное место в структуре слова (обязательно следуют после окончания) и не имеют самостоятельного ударения. Соответствующие компоненты сербских слов обладают признаками аналитизма и не имеют фиксированного места относительно компонента, несущего лексическую нагрузку (ср.: *умива с е — он с е сад умива; ко би ло — би ло ко; какав г од — какав же г од*); элементы *было* и *год* имеют к тому же и самостоятельное ударение. Из этого следует вывод, что в процессе исторического развития в русском сформировались постфикссы в качестве морфем и формантов; соответствующие же сербские компоненты принадлежат скорее синтагматике, нежели морфемике.

К постфиксам обычно причисляют и формообразующую морфему *-те*, ис-

³ Полные формы древних причастий на *-л*-типа *спелый, вялый, отупелый* (простореч.), *одурелый* (простореч.) адъективизировались, полностью утратив связь с лексико-грамматической категорией глагола [24. С. 124. прим.].

пользуемую при образовании повелительного наклонения: *иди-те, режь-те, таи-те* [6. С. 621]. С аналогичных позиций можно было бы подойти и к интерпретации компонентов *-мо*, *-те* сербских форм повелительного наклонения *иди-мо, иди-те*, что означало бы, что сербскому языку тоже известен постфикс. С нашей точки зрения, для того чтобы называть морфемы такого типа постфиксами, нет оснований, потому что, во-первых, они служат не для образования новых слов, а для образования словоформ; во-вторых, они проявляются не во всех формах слова и, в-третьих, имеют реляционное, а не словообразовательное значение. Указанные морфемы мы относим к окончаниям.

Далее, в литературном русском языке (в разговорном стиле) получил довольно широкое распространение такой способ словообразования, как универбизация (*пятилетний план* → *пятилетка*), в то время как в сербском языке универбы можно встретить пока только в жаргоне (*Студентски град* → *Студењак*).

Конкретные случаи расхождений между двумя языками вряд ли можно определить как типологические различия, а различия в распространении универбизации относятся скорее к компетенции стилистики.

С типологической точки зрения больший интерес представляют те случаи, когда словообразовательному средству одного языка соответствуют синтаксические средства другого языка. Таково соотношение родительного принадлежности (посессивного генитива) в русском языке и посессивных суффиксов в сербском.

IV. В области синтаксиса типологические различия между русским и сербским языками, как правило, не являются абсолютными: прежде всего эти различия проявляются в несовпадении основных средств выражения определенного грамматического значения и в неодинаковой степени развития той или иной типологической черты. Различия обнаруживаются и на уровне словосочетания, и на уровне предложения.

В сербском языке наблюдается тенденция к утрате (точнее, стиранию) оппозиции «направление — место»⁴. Эта типологическая особенность сербского языка тесно связана с процессомнейтрализации оппозиции датив-локатив. Наречия *доле* и *горе* указывают на место и на направление ('внизу' и 'вниз', 'наверху' и 'наверх'). Эти два значения совмещает также и наречие *кући* ('дома' и 'домой'), хотя его употребление в значении места не допускается литературной нормой. В отдельном исследовании мы доказали, что форма *кући* в предложениях типа *Он је кући* является остатком беспредложного локатива, сохранившегося в языке Марко Марулича в качестве живой неадвербиализованной формы: *Пилатови кући* (-у Пилатовој кући) *тако ме изране* [26]. Тенденция стирания оппозиции «направление — место» наблюдается также и у местоимений. Местоимения *где, негде, нигде, где, ма где, где было, где год* все чаще употребляются не только при указании на место, но и при указании на направление. Ср.: *Где си пошао? Где е станујеш?* Тенденция стирания оппозиции «направление — место» захватила и обстоятельство со значением совместности. Ср.: *Био сам код сестре. Идем код сестре.* Особенно ярко тенденция стирания этой оппозиции выражена в черногорских говорах, где наблюдается также и нейтрализация противопоставления аккузатив — локатив в местном значении. Ср.: *Идем у град. Био сам у град.*

Типологической особенностью возвратных глаголов в славянских языках является невозможность употребления при них дополнения, выраженного словом в форме винительного падежа (аккузатива) без предлога. В сербском языке это правило действует последовательно, в то время как в русском имеются отступления от него: глаголы *бояться* и *слушаться* в сочетании с одушевленными

⁴ В русском языке также имеются случаи нейтрализации оппозиции «направление — место» (словосочетания с предлогами *над, перед, между* + творительный падеж). Ср.: *Лампа висит над столом. Мать вешает лампу над столом.* Подобные случаи нельзя считать релевантными с типологической точки зрения: они свидетельствуют о сужении синтаксической сочтаемости отдельных предлогов и о закреплении за ними одного падежа, а не о более общей типологической тенденции в развитии русского языка в плане утраты обсуждаемой оппозиции.

существительными могут управлять не только родительным, но и винительным падежом: *Я послушался м а т ь*. *Д я д ю боялись все*. Очевидно, что речь идет об относительно новой тенденции в развитии русского языка.

Существенные типологические различия между русским и сербским языками наблюдаются в способах выражения атрибутивной принадлежности. Если субъект принадлежности выражен существительным без адъективной формы или имени существительного в роли несогласованного определения, то в русском языке указанное значение выражается при помощи синтаксического средства (родительного принадлежности), а в сербском языке — при помощи суффиксального средства (притяжательного прилагательного) [17. С. 7 и далее]. Вместе с тем в сербском языке наблюдается тенденция утраты притяжательных прилагательных, которые заменяют родительным принадлежности.

Типологическая дифференциация русского и сербского языков проявляется также в основных способах выражения атрибутивно-предикативной принадлежности: в сербском языке до сих пор относительно хорошо сохраняется дательный принадлежности (посессивный датив); в русском же это значение в основном перешло к родительному падежу с предлогом *у* [17. С. 153—159, 176—180].

Если в сербском языке значение предикативной принадлежности выражается при помощи посессивных предложений с глаголом *имати*, то в русском языке основным грамматическим средством выражения этого значения является конструкция с глаголом *быть*. Ср.: *У т е б я бы л о время подумать. И м а о с и времена да размислиши*. Сербский язык и в этом отношении более архаичен: он в основном сохраняет праславянское соотношение экзистенциальных и посессивных конструкций (более углубленное исследование, возможно, выявило бы некоторую экспансию посессивных конструкций за счет экзистенциальных). И в этом отношении типологическая дифференциация не является абсолютной: глагол *иметь* употребляется и в русском языке при наличии определенных семантических и стилистических условий, а глагол *бити* и в сербском языке может выражать посессивное значение (например, в народной песне: *У М и л и ц е дуге трепавице,/Покриле јој румен-ј агодище*).

Типологическим отличием русского языка от сербского является широкое употребление страдательной конструкции с субъективным творительным падежом, и вообще употребление творительного субъекта; в сербском в подобных случаях может выступать притяжательное прилагательное: *чтение п о э т о м стихов — п е с н и к о в о рецтовањ е стихова*.

Особенностью русского языка являются также некоторые типы безличных предложений.

1) Предложения типа *Некого спросить* возникли вследствие преобразования предикативной формы *нет* (< не есть) в приставку *нē-*.

2) Предложения типа *Ветром сломало дерево* возникли по аналогии со страдательным оборотом с творительным падежом субъекта [27].

Далее, русские инфинитивные предложения (которые можно рассматривать также как разновидность безличных предложений) представляют собой определенным образом грамматически оформленный стабильный тип односоставных предложений без подлежащего. Они возникли в результате опущения предикатива со значением долженствования, возможности, субъективной оценки и т. п. Ср.: *Нам на до скоро е х а т ь*. → *Нам скоро е х а т ь*. В сербском языке инфинитивные предложения пока находятся на стадии формирования: они относятся к периферии грамматической системы.

Неопределенно-личные предложения типа *Тебя зовут к телефону* выступают в русском языке в качестве основного синтаксического средства при указании на неопределенное лицо с широким значением. В сербском языке подобные предложения относятся к периферии грамматической системы [28].

Обобщенно-личные предложения типа *Причаш му једно те исто десет пута, а он не разуме* существуют и в русском, и в сербском языке. В русском они

являются основным средством выражения обобщенно-личного значения и обнаруживают тенденцию к грамматикализации — превращения в односоставные предложения, в которых употребление личного местоимения *ты* невозможно (ср.: *От тебя кофе не дождешься* — в сербском языке в подобных случаях невозможно употребление обобщенного второго лица). В отличие от русского языка, в сербском языке при указании на обобщенное лицо могут употребляться личные предложения с подлежащим *човек* (типа *С вами човеку не може бити досадно*) [29].

V. Соотношение лексико-семантических систем русского и сербского языков в типологическом аспекте исследовано недостаточно. В то же время уже сейчас можно установить ряд типологически релевантных различий.

1. Типологическую особенность русского языка на уровне лексики представляют собой глаголы движения, у которых выражена оппозиция одностороннее движение (*идти, ехать* и др.) — неодностороннее движение (*ходитъ, ездить* и др.). Внутри этой группы глаголы различаются по признаку 'движение пешком' — 'движение с помощью транспорта'.

2. С нашей точки зрения, к типологически релевантным различиям в лексике русского и сербского языков относятся также глаголы, дифференцированно указывающие на форму перемещения или нахождения предмета в пространстве. Сербскому глаголу *ставити* (несов. *стављати*) в русском языке соответствуют три глагола: *положить* = *ставити* (да лежи) — *поставить* = *ставити* (да стои) — *повесить* = *ставити* (да виси). Ср.: *с т а в и т и к ъи гу на сто* — *п о л о ж и т ь книгу на стол*; *с т а в и т и к ъи ге на полицу* — *п о с т а в и т ь книги на полку*; *с т а в и т и слику на зид* — *п о в е с и т ь картину на стену*. Соответственно сербскому глаголу *стајати* (*бити, налазити се*) в русском языке соответствуют три глагола: *лежать* — *стоять* — *висеть*.

3. С теоретической точки зрения особый интерес представляют случаи, когда лексическому средству одного языка соответствует грамматическое средство другого языка. Таково соотношение между конструкциями типа (*Я*) *не хочу работать* — *Не буду работать*, (*Я*) *не буду работать* — *Не буду работать* [30].

VI. Стилистический уровень лингвистического анализа тесно связан с фонологическим, грамматическим и лексическим уровнями. В плане сопоставления русского и сербского языков в этой области делаются пока еще только первые шаги, так что составить хотя бы даже приблизительную картину типологической дифференциации пока не кажется возможным.

Отметим следующее. В связи с различиями в путях формирования русского и сербского литературных языков церковнославянская лексика имеет различный удельный вес в инвентаре стилистических средств этих языков.

В разговорном и художественно-беллетристическом функциональных стилях русского языка формы субъективной оценки значительно более частотны, чем в соответствующих стилях сербского языка. Кроме того, в русском эти формы имеют более четко выраженную эмоциональную окрашенность, нейтрализующую первичное значение уменьшительности и ласкательности.

Стилистическую функцию могут выполнять различные грамматические средства. В частности, стилистическая архаизация в русском языке может достигаться употреблением притяжательных прилагательных (вместо родительного принадлежности); в сербском языке с этой целью используется имперфект.

VII. Типологическое исследование русского и сербского языков и культуры на лингвострановедческом уровне также является делом будущего; на сегодняшний день конкретные результаты имеются только в области антропонимии. В процессе исторического развития русского и сербского языков прослеживается трансформация старых и развитие новых антропонимических категорий.

Так, в русском и в сербском языке утрачена праславянская категория *и м е н и по мужу*, хотя процесс этот шел различными путями. В сербском языке древние формы типа *Владиславъ* были вытеснены новыми формами типа *Гојковица*, в свою очередь постепенно вышедшими из употребления. В процессе

исторического развития русского языка формы типа *Ярославля* были вытеснены словосочетаниями типа *Ивановская жена*, просуществовавшими, однако, недолго; в современных же диалектах встречаются образования типа *Иваниха* [5. С. 10—32; 31].

В русском языке сохраняется праславянская категория мужских патронимов в качестве обязательного компонента мужских антропонимов [5. С. 32—56; 32. С. 103—111]. В сербском языке патронимы на *-ић* в основном утрачены. Патронимическое значение форм типа *Васовић = Васов син* сохраняется в некоторых островных черногорских говорах. Употребление притяжательных прилагательных при имени собственном в патронимическом значении встречается чаще, однако в литературном языке они не являются обязательным компонентом антропонима.

В ходе исторического развития русского языка сформировалась антропонимическая категория женских патронимов (отчеств) [5. С. 56—63; 32. С. 111—116], которая является типологической особенностью русского языка как по сравнению с праславянским языком, так и по сравнению с сербским языком.

Анализ типологических различий между русским и сербским языком позволяет сделать следующий вывод: генетически близкородственные русский и сербский языки в процессе исторического развития значительно удалились друг от друга в типологическом отношении. Сербский язык обнаруживает значительно большую степень архаичности, типологической близости к праславянскому языку. Древнерусский язык в типологическом отношении более близок современному сербскому языку, нежели современному русскому языку. Типологические инновации в русском и сербском языках имеют различное происхождение. В сербском языке они чаще всего обусловлены утратой некоторых оппозиций и категорий, которые были присущи праславянскому языку. Типологические инновации в русском языке отличаются большей широтой и разнообразием⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мароевич Р. Сопоставительная лингвистика и теория перевода как лингвистические дисциплины//Советское славяноведение. 1992. № 1.
2. Мароевич Р. Историческое словообразование и хронология фонологических изменений (Изменения в системе согласных фонем древнерусского языка)//Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1985. № 5.
3. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. Изд. 3-е. М., 1990. С. 143.
4. Калнынь Л. Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке//Уч. зап. Института славяноведения. М., 1956. Т. XIII. С. 146—147.
5. Мароевич Р. Посесивне изведенице у старорусском језику: Антропонимски систем. Топонимија. «Слово о полку Игореве». Београд, 1985.
6. Русская грамматика/Гл. ред. Шведова Н. Ю. М., 1980. Т. 1.
7. Корбетт Г. Одушевленность в русском и других славянских языках: пример расхождения между синтаксисом и семантикой//Новое в зарубежной лингвистике. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985. С. 406.
8. Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад, 1967—1976. Књ. I—VI.
9. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I—XXIII. Zagreb, 1880—1976.
10. Йорданский А. М. История двойственного числа в русском языке. Владимир, 1960. С. 207.
11. Белић А. Историја српскохрватског језика. Књ. II. св. 1: Речи са деклинацијом. Изд. 5-е. Београд, 1972. С. 55.
12. Белић А. О двоини у словенским језицима. Београд, 1932.
13. Зализяк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 46—48.
14. Mikkelsen Hans Kristian. О неким проблематичним случајевима конгруенције у српскохрватском језику. («Паукал» у српскохрватском језику)//Научни состанак слависта у Вукове дане (15—18 IX 1983). Реферати и саопштења. Београд. 1984. Т. 13/1. С. 75.
15. Marojević R. Specifičan način izražavanja socijativnosti u ruskom jeziku: Subjekatske, objekatske i atributske sintagme tipa «мы (нас, наш) с тобой»//Strani jezici. 1978. № 3—4.
16. Йорданский А. М. Конструкции типа *мы с тобой* и *наши с тобой* в применении к двум лицам в русском языке//Уч. зап. Рязанского пед. ин-та. М., 1967. С. 105.

⁵ Типологические особенности русского языка в сопоставлении с сербским с точки зрения прикладной лингвистики и методики обучения языкам рассмотрены в отдельной работе (см. [33]).

17. Маројевић Р. Посесивне категорије у руском језику (у своме историјском развитку и данас). Београд, 1983. С. 8 (см. также указанную там литературу).
18. Чвани Кэтрин В. Синтаксически выводимые слова в лексикалистской теории (новый подход к русской морфологии)//Новое в зарубежной лингвистике. ХV. Современная зарубежная русистика. М., 1985. С. 37.
19. Топоров В. Н. Локатив в славянских языках. М., 1961. С. 219.
20. Naylor Kepnet. On the opposition dative: lokative in serbocroatian//Зборник за филологију и лингвистику. 1971. Књ. XIV/1.
21. Marojević R. Gramatika ruskog jezika. Beograd, 1983. S. 32.
22. Пигин М. И. Категория определенности в древнерусском языке, выражаемая членными формами прилагательных и причастий. Петрозаводск, 1958. С. 21—36.
23. Шведова Н. Ю. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке. (Автореферат)//Доклады и сообщения ИРЯ АН СССР. 1. М.; Л., 1948. С. 106—112.
24. Историческая грамматика русского языка. Морфология: Глагол/Под ред. Аванесова Р. И. и Иванова В. В. М., 1982.
25. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 215—216.
26. Маројевић Р. Облик *кући* у адвербијалној функцији (са историјског и савременог гледишта)//Јужнословенски филолог. 1981. Т. XXXVII. С. 237—242.
27. Ivić M. On the origin of the russian sentence type (*ego*) *zavalilo snegom*//Die Welt der Slaven. 1965. № 3—4. Р. 317—321.
28. Маројевић Р. Неопределенно-личные предложения в русском языке и их сербские эквиваленты. (О соотношении сопоставительной лингвистики и теории перевода)//Вопросы языкоznания. 1993. № 2.
29. Маројевић Р. Обобщенно-личные предложения в русском языке и их сербские эквиваленты (с точки зрения сопоставительной лингвистики и теории перевода)//Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1994. № 1.
30. Маројевић Р. Однос граматичких и лексичких средстава за диференцирање значења у српскохрватском и руском језику. *Нећу + да* + презент и *нећу + инфинитив* према *я не хочу + инфинитив и я не буду + инфинитив*//Наш језик. 1977. № 1—2. С. 37—44.
31. Маројевић Р. Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных. (К вопросу о природе имен типа *Уьееволаја 203аја* в древнерусском языке)//Вопросы языкоznания. 1981. № 5.
32. Маројевић Р. Патронимы в системе категорий принадлежности древнерусского языка//Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1988—1990. М., 1993.
33. Маројевић Р. Типологические особенности русского языка в сопоставлении с сербскохорватским (лингвистический и методический аспект)//Сопоставительная лингвистика и методика преподавания славянских языков. М., 1992.

© 1995 г. АКСЕНОВА Е. П.

К ИСТОРИИ РУССКОЙ НАУЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ

(Письма А. Л. Погодина А. В. Флоровскому)

В последние годы активизировалось изучение российской эмиграции, в том числе научной ее части. Жизнь и деятельность русских ученых за рубежом, и прежде всего в славянских странах, не раз становились предметом исследований, немалая часть которых публикуется на страницах журнала «Славяноведение» [1]. Изучение российской эмиграции, к сожалению, затруднено отсутствием в наших архивохранилищах и библиотеках достаточного количества необходимых источников и литературы. Поэтому каждое новое документальное свидетельство, обогащающее наши знания о русских ученых, живших за границей, представляет определенный интерес для исследователей.

Жизнь наших соотечественников в разных странах изучена с различной степенью полноты. Положение русских ученых в Югославии, например, освещалось не так подробно, как условия жизни и научно-преподавательской деятельности их коллег, поселившихся в Праге. Известному исследователю русской научно-исторической эмиграции В. Т. Пащуту, собравшему значительный материал о пражском центре русской научной мысли, значительно меньше документов удалось получить о белградских научных организациях [2. С. 6]. Деятельность Русского научного института в Белграде отражена в небольшой статье В. А. Тесемникова [3]. Но судьбы отдельных русских ученых, эмигрировавших в Югославию, в России исследуются пока слабо. Следовательно, всякий документ, приоткрывающий новые страницы истории русской научной эмиграции в югославянских землях, может иметь значение для более полного освещения условий жизни и характера деятельности российских ученых, вынужденно оказавшихся за пределами родины.

В этом плане определенный интерес представляет переписка известного русского историка, профессора Новороссийского университета, с 1923 г. обосновавшегося в Праге, А. В. Флоровского (1884—1968) с русскими учеными, эмигрантами первой волны, в разные годы жившими в Югославии: Д. Н. Анастасиевичем, П. М. Бицилли, Н. М. Бубновым, А. П. Доброклонским, С. М. Кульбакиным, В. А. Мошиным, Г. А. Острогорским, Д. А. Расовским, А. В. Соловьевым, Е. В. Спекторским, П. Б. Струве, Ф. В. Тарановским и некоторыми другими (различные бытовые, организационные и научные вопросы, затронутые в письмах, нашли отражение в нескольких статьях, как уже опубликованных [4], так и

Аксенова Елена Петровна — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

подготовленных к печати [5]). Любой из корреспондентов Флоровского по-своему интересен; их письма важны не только для истории науки, но и для научной биографии каждого ученого; они заслуживают отдельной публикации.

Обратимся к хранящимся в архиве Флоровского письмам Александра Львовича Погодина (1872—1947), известного филолога-слависта и историка, преподававшего в Петербургском, Варшавском, Харьковском университетах, в 1920 г. [2. С. 155] (по другим данным — в 1919 г. [6. С. 58]) покинувшего Россию и поселившегося в Югославии. В Белградском университете, где он работал с 1920 г. до второй мировой войны, Погодин преподавал русский язык, русскую литературу, не оставляя в то же время своих научных занятий. Статьи Погодина печатались в югославских журналах, а также в изданиях русской научной эмиграции. Профессиональные интересы ученого были довольно широки. В дореволюционный период немалое место в его творчестве занимали лингвистические труды. Среди них: «Следы корней-основ в славянских языках» (Варшава, 1903), «Язык как творчество (Психологические и социальные основы творчества речи)» (Харьков, 1913), а также работы, касавшиеся балтийских и финно-угорских языков. В области славянского литературоведения можно отметить такие работы Погодина, как «История польской литературы» (Харьков, 1911), «Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество» (Т. 1—2. М., 1912), «Лекции по истории польской литературы средних веков и Ренессанса» (Харьков, 1912), «Лекции по истории сербской и болгарской литературы» (Харьков, 1914). Большое внимание ученый уделял истории славян; его перу принадлежат обзорные работы: «Очерк истории Польши» (М., 1908), «История Сербии» (СПб., 1909), «История Болгарии» (СПб., 1910), «Славянский мир» (М., 1915). Наиболее пристально Погодин изучал польскую историю, внося свой вклад в разработку вопросов политического развития, национально-освободительной борьбы, истории общественной мысли Польши, ее отношений с Россией и т. д. [7; 8; 9; 10 и др.]. Наряду с обращением к современным ему проблемам славянства [11], Погодин проявлял интерес и к изучению славянских древностей [12]. Среди его научных сочинений нашли свое место и исследования в области славянской взаимности [13]. Погодину принадлежали также труды по древнерусской истории и археологии. Взгляды Погодина отличались либерализмом.

Те же основные направления научного творчества А. Л. Погодина сохранялись и в эмигрантский период его жизни (с тем отличием, что польская тематика уступила место южнославянской; в центре же внимания оставались русская история и русская литература).

В фонде А. В. Флоровского в Архиве Российской Академии наук хранятся всего три письма А. Л. Погодина [14] из Белграда, которые относятся к 1929, 1938 и 1939 г. (первое из них — рукописный автограф, два других — машинописные тексты, подписанные отправителем). Ответных писем Флоровского в фонде нет. Судя по содержанию писем, переписка двух коллег не ограничивалась несколькими посланиями, а велась в течение многих лет (возможно, не всегда регулярно), прерывавшись, видимо, в период второй мировой войны. К какому времени относится начало переписки, установить трудно. В 1926 г. историк В. А. Мошин, живший в то время недалеко от Загреба, писал Флоровскому о том, что весьма благодарен Погодину за его консультации относительно новых трудов по истории, вышедших в России и за границей, и за лестный отзыв о первой части работы Мошина о варяжском вопросе. Вместе с тем Мошин отмечал, что Погодин «чересчур занят сейчас публицистической работой, которая не позволяет ему отдаваться науке» [15]. Возможно, в это время Флоровский еще не вел переписку с Погодиным, а, может быть, обмен посланиями не был регулярным.

Первое из сохранившихся писем А. Л. Погодина написано им почти спустя десять лет после его переселения в Белград. К этому времени уже были преодолены трудности первых лет жизни на чужбине, наладился быт и вошла в определенное русло преподавательская и научная деятельность. Исходя из характера текста

письма, можно заключить, что, безусловно, не с него начался эпистолярный диалог двух ученых, который являлся не только профессиональным обменом мнениями, но носил вполне доверительный характер. 25 сентября 1929 г. Погодин писал Флоровскому, что волнуется о жене и сыне, уехавших в Прагу и не подающих о себе вестей; просил его узнать, все ли благополучно, и телеграфировать. Вместе с тем, он сообщал, что вскоре сам будет в Праге, где 4 октября выступает с докладом [14. Л. 1—1 об.] (поскольку ни место выступления, ни тема доклада в письме не указаны, следует предположить, что они Флоровскому были известны).

Второе из имеющихся писем А. Л. Погодина датировано 24 июля 1938 г. Оно написано явно после некоторого перерыва в обмене корреспонденциями, поскольку упоминаются труды Флоровского, вышедшие несколькими годами ранее: основной из них — «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (Х—XVIII вв.)» (Т. 1) — был опубликован в Праге в 1935 г. «Я знаю о Ваших работах о русско-чешских отношениях,— писал Погодин,— но к сожалению, не видел их, а между тем мне очень интересно, каковы могли быть эти отношения. Разве было что-нибудь до XIX века?» [14. Л. 2—2 об.].

В этом же письме А. Л. Погодин сетовал, что ему до сих пор ничего не удалось напечатать в издании Славянского института в Праге (вероятно, имеется в виду «Byzantinoslavica»), хотя он много лет является членом этой организации. В то же время он сообщал, что в «Византинославике» должна выйти его статья «Повесть о хождении апостола Андрея в Руси» [16] и просил справиться насчет гонорара. Правда, в постскриптуре он спохватывался, не обременяет ли своей просьбой в такое время, намекая, видимо, на политическую ситуацию в Чехословакии [14. Л. 2—3]. На обороте письма рукой Флоровского помечено, что ответ отправлен 16 сентября того же года. В нем сообщалось, что деньги за статью будут высланы; от себя же Флоровский обещал послать коллеге свою книгу о русско-чешских отношениях, хотя и предупреждал, что, может быть, это получится не скоро [14. Л. 3 об.].

Интересуясь делами русских коллег в Праге, Погодин спрашивал Флоровского о Е. А. Ляцком (1868—1942), которого, по его собственным словам, очень любит и ценит «как умного человека» [14. Л. 2 об.].

Особенно интересна та часть письма, в которой Погодин делился с Флоровским своими научными открытиями. «Слыхали ли Вы, что я нашел несколько сербских народных песен, которые восходят к очень старым русско-сербским отношениям?» — спрашивал Погодин своего корреспондента, зная, что того не могла не интересовать тема межславянских контактов. И далее сообщал, что об одной из песен, посвященной Куликовской битве, написал статью («Српска народна песма о Куликовом воју 1380» [17]). В связи с ее публикацией автор писал: «Если бы я был сербом, то об этом разгласили бы уж на целый свет, а теперь будут замалчивать, пока возможно. Но, может быть, и мы так же бы поступили с сербами в России на основании естественного национального самолюбия» [14. Л. 2 об.].

Посвящая Флоровского в свои научные планы, Погодин писал, что намеревается «в ближайшем будущем» кончить сбор материалов для «Русско-сербской библиографии». Две части этого капитального труда («Руско-Српска библиографија, 1800—1925») уже были опубликованы в Белграде в 1932 и 1936 г. «Библиография» охватывала все публикации о России и русской культуре в сербской печати за весь XIX — первую четверть XX в., а также все переводы с русского на сербский язык [6. С. 59]. По завершении следующего этапа работы над этим трудом он намеревался вместе со своим сербским помощником Д. Богусавлевичем привести все материалы в порядок и передать для публикации в Академию наук. Ученый полагал, что объем труда будет не менее 300 печатных листов. Знакомя коллегу с замыслом своей работы, Погодин писал: «Все стороны русской жизни, во всем ее величии, предстанут уж в самом оглавлении. Я полагаю, что это будет

истинный памятник русской славы, потому что в таком виде рисуются все стороны необыкновенно разносторонней и благодетельной деятельности России. Совершив эту работу, я могу спокойно умереть в убеждении, что русская великая душа не будет забыта в Сербии» [14. Л. 2. об.— 3].

В начале 1939 г. Погодин сообщил Флоровскому об окончании работы над «Русско-сербской библиографией», которая вылилась в огромный труд, охватывающий «кроме уже напечатанных двух томов ... материал приблизительно на 400 печатных листов». Автор рассчитывал, что после доработки и составления подробного оглавления труд можно будет публиковать. «Если не будет в качестве приятного сюрприза войны, то, может быть, помаленьку все и будет напечатано,— мечтал Погодин,— и тогда за сто двадцать пять лет явится картина того, что совершилось в России и в славянстве, связанном с Россией. В некотором отношении это будет энциклопедия» [14. Л. 4 об.]. Однако этим ожиданиям не суждено было осуществиться: «приятный сюрприз» внес свои корректизы в планы Погодина. Несмотря на это, ученый продолжал работу. Подготовка третьего тома капитального труда по русско-сербской библиографии была им завершена перед смертью. Рукопись охватывала период с 1925 по 1941 г. [6. С. 59].

В этом же письме от 3 февраля 1939 г. затрагивается вопрос о намерении Флоровского, возглавлявшего в то время Русское историческое общество в Праге, выпускать специальный исторический журнал, о чем Флоровский поставил в известность не только пражскую часть русской научной эмиграции, но и некоторых коллег в других странах. Погодин узнал об этом от жившего в Белграде А. В. Соловьева (1890—1971) и отнесся к идее Флоровского очень положительно. Весть о предполагаемом издании «журнала, посвященного истории», он воспринял как «приятную новость»: «Бог в помочь,— писал Погодин.— Мы так изголодались по возможности печатать что-нибудь. „Славия“ выходит, кажется, раз в два года, „Византиославика“ в этом роде. Наш Археологический сборник [«Сборник Русского археологического общества в Белграде».— Е. А.] выйдет не ранее, чем года через полтора» [14. Л. 4]. Благожелательная реакция Погодина на перспективу издания «Русского исторического журнала» объясняется тем, что русские эмигранты всегда испытывали затруднения с публикацией своей научной продукции, особенно на русском языке.

Как правило, в переписке ученых много места отводится взаимной информации о вновь вышедших работах, а также о научных открытиях и планах. В полной мере это относится и к письмам Погодина. Посылка книг и оттисков статей также имела большое значение для русских ученых-эмигрантов, поскольку издания, выходившие в разных странах, не всегда были доступны для них. В письме 1939 г. Погодин, по всей вероятности, получивший от Флоровского обещанную книгу, писал, что намеревается «проштудировать» летом его «труд о чешско-русских отношениях» [14. Л. 4 об.]. В то же время, Погодин объяснял, почему не отправил еще пражскому коллеге свою работу: «Я не послал Вам до сих пор оттиск моей статьи в Сборнике Белича о слове „Ротсин“ [18], потому что намерен послать этот оттиск вместе с другим, о норманском периоде в жизни Владимира Св[ятого]. Он должен появиться во Владимирском сборнике [19] и, я надеюсь, Вы найдете в нем кое-что новое» [14. Л. 4].

Читая письмо Погодина, невольно чувствуешь увлеченность ученого своими научными разысканиями; тщательность изучения предмета вызывает уважение. Коснувшись в письме публикации о слове «Ротсин», Погодин продолжил рассказ о своих дальнейших исследованиях в этой области: «А потом случайно я напал на изданный в 1919 г. текст Упландслага,— единственный в мире памятник, в котором упоминается форма *Rotsin* вместо более поздней *Rotin*. Я достал этот текст, не тронутый наукой с 1839 г., т. е. ровно сто лет. Нашел и французский перевод его, и пособия для того, чтобы самостоятельно проштудировать этот памятник, и я надеюсь, что в мае буду иметь удовольствие послать Вам отдельный оттиск [20]. Мне кажется, что после извлечения из Упландслага всего того, что

относится к Ротснам и Ротинам, нечего уже больше будет говорить об этом» [14. Л. 4].

С завидным оптимизмом Погодин писал о намеченной на ближайшую перспективу работе: «У меня много научных планов. В последние годы вышел ряд трудов и исследований о финско-балтийско-германско-славянских лексикальных отношениях, и следовало бы, наконец, отдать отчет в том, что именно все это дает нам для изучения славянских древностей. Моя попытка ссуммировать (так в тексте.— Е. А.) это и напечатать по-сербски в издании академии, не удалась и встретила презрительное к себе отношение¹. Я хотел бы по-русски напечатать несколько таких критико-синтетических работ, которые пролили бы свет на начальный период русской истории» [14. Л. 4—4 об.]. (Небольшие статьи на эту тему были опубликованы на сербском и русском языках [См.: 2. С. 156—157].)

Вспомним, что в 1926 г. В. А. Мошин писал А. В. Флоровскому о чрезвычайной занятости А. Л. Погодина публицистической деятельностью, не оставляющей ему времени на научную работу. С годами ситуация менялась «в пользу» науки, и к концу 1930-х годов у Погодина проявляется очень сильное стремление отдать всего себя научной деятельности. Это отразилось и в последнем из сохранившихся писем ученого своему пражскому корреспонденту: «Хотелось бы,— писал он,— последние годы жизни поработать, «от суетных волн». Бегу от всяких так наз[ываемых] „политических“ выступлений, от улицы, на которую меня окончательно не тянет» [14. Л. 4 об.].

И даже в тяжелейших условиях войны и фашистской оккупации Югославии уволенный из университета А. Л. Погодин, превозмогая трудности, личные невзгоды и болезнь, не оставлял все же научную работу, стараясь завершить русско-сербскую библиографию.

К сожалению, хранящиеся в фонде А. В. Флоровского несколько писем А. Л. Погодина дают лишь отрывочные сведения о его жизни и научной деятельности в белградский период. Но даже эти немногие данные свидетельствуют о большом научном диапазоне Погодина, являвшегося славистом в самом широком понимании этого термина. Документы показывают, что даже в эмиграции ученый не прекращал активной научной работы, живо интересовался достижениями коллег, активно участвовал в русских эмигрантских и иностранных изданиях. Письма А. Л. Погодина приоткрывают методы работы ученого, некоторые черты его характера, говорят о неизменной любви его к родине. Они вносят новые дополнительные штрихи к его научной биографии, а также пополняют наши общие представления о русской научной эмиграции первой волны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славяноведение. 1992. № 4; 1993. № 4; 1994. № 4.
2. Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
3. Тесемников В. А. Деятельность Русского научного института в Белграде (1928—1941 гг.) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 172—182.
4. Аксенова Е. П. Институт им. Н. П. Коцакова: попытки реанимации (по материалам архива А. В. Флоровского) // Славяноведение. 1993. № 4. С. 63—74; Аксенова Е. П. Из переписки В. А. Мошина и А. В. Флоровского // Русь и южные славяне. Спб., 1994.
5. Аксенова Е. П. А. В. Флоровский во главе Русского исторического общества в Праге (1938—1940). (В печати); Аксенова Е. П. Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А. В. Флоровского) (В печати).
6. Соловьев А. В. А. Л. Погодин (К десятилетию со дня кончины) // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1958. С. 57—59.
7. Погодин А. Л. К вопросу об автономии Царства Польского // Русская мысль. 1906. Кн. 3.
8. Погодин А. Л. Главные течения польской политической мысли, 1863—1907. Спб., 1907.
9. Погодин А. Л. Польша перед восстанием 1830 г. // Русская беседа. 1912. № 8—9.
10. Погодин А. Л. История польского народа в XIX веке. М., 1915.
11. Погодин А. Л. Причины и цели новейшего славянского движения // Вестник Европы. 1909. Кн. 1.
12. Погодин А. Л. Лекции по славянским древностям. Харьков, 1910.

¹ Речь идет о том, что Погодин не смог осуществить издание дополненного и переработанного варианта рукописи «Славянских древностей», подготовленной еще в 1916 г. [6. С. 59].

13. Погодин А. Л. Очерки из истории славянской взаимности//Московский еженедельник. 1910. № 11, 15, 20.
14. Архив Российской Академии наук. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 364.
15. Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 322. Л. 1—2 об.
16. *Byzantinoslavica*. 1937. Т. VII. С. 128—148.
17. Прилози за књижевност, историју и фолклор. Београд, 1938. Књ. XVIII. С. 500—508.
18. Погодин А. Л. «Внешняя Россия» Константина Багрянородного//Зборник лингвистичких и филолошких расправа А. Белићу. Београд, 1937. С. 77—85.
19. Погодин А. Л. Варяжский период в жизни князя Владимира//Владимирский сборник. Белград, 1938. С. 19—30.
20. Погодин А. Л. Ротсины и ротины в старошведском праве//Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1939. Вып. 17. С. 1—14.

© 1995 г. ИГУМЕН ИННОКЕНТИЙ (ПАВЛОВ)

БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ В ПРОШЛОМ И ТЕПЕРЬ

Библейское Общество (БО) в Санкт-Петербурге было учреждено в январе 1813 г. 4 сентября 1814 г. согласно рескрипту Александра I оно было названо Российским (к этому времени его отделения имелись во многих городах империи), поэтому именно в 1994 г. РБО и отмечает свой юбилей.

Тем, кто знаком с историей России прошлого века, особенно времени царствования Александра I, хорошо известно, какое значение в ее духовной, культурной и общественной жизни имело образование РБО и его деятельность в первый период существования, продолжавшийся 13 лет (1813—1826).

Впервые БО появилось в 1802 г. в Англии. Оно существует по сей день и именуется Британским и Иностранным (ВГВ). Это общество объединило христиан разных конфессий в стремлении служить просвещению светом слова Божия как своих сограждан, так и всех, кто имеет в этом нужду по всему миру. В соответствии с первым уставом БО, издаваемые им книги Священного Писания, не должны были иметь каких-либо вероисповедных примечаний (за исключением сведений справочного характера). Таким образом с самого начала была заявлена позиция, что БО содействует Церквам в деле распространения Благовестия, но ни в коей мере не заменяет их в их учительной миссии. По образцу Британского и Иностранного уже в первой четверти века были образованы БО в германских государствах, во Франции, Дании, Швеции, Норвегии, Нидерландах, Швейцарии. В 1811 г. образовалось Финское БО, а в 1816 г.— Американское, являющееся сейчас крупнейшим национальным БО.

Агент ВГВ Джон Патерсон, прибывший в Петербург в 1812 г., встретил глубокое понимание целей и задач БО со стороны обер-прокурора Святейшего Синода князя А. Н. Голицына (1773—1844), бывшего в то время и главноуправляющим по делам иностранных исповеданий. В результате уже 6 декабря 1812 г. Александр I утвердил Устав Санкт-Петербургского БО, первое общее собрание которого состоялось 11 января 1813 г. Среди первых учредителей общества были члены Святейшего Синода Православной Российской Церкви и другие видные деятели столичного православного духовенства, а также возглавлявший Католическую Церковь в Российской Империи митрополит Сестренцевич-Богуш, ведущие представители протестантских исповеданий и ряд министров, членов Государственного Совета, сенаторов и других петербургских аристократов. При этом с самого начала БО в России начало действовать как национальное,

Игумен Иннокентий (Павлов Сергей Николаевич) — канд. богословия, консультант Отдела внешних церковных сношений Московского Патриарха.

т. е. средства на его деятельность по изданию, переводам и распространению Священного Писания собирались в самой России при деятельном участии православной иерархии и духовенства, всех состоятельных слоев российского общества. Александр I также принял на себя звание члена РБО, пожаловав ему 25 тыс. руб. одновременно и выделяя по 10 тыс. руб. ежегодно, что по тем временам составляло немалую сумму.

Следует отметить, что сфера деятельности РБО не ограничивалась пределами Российской Империи, охватывая практически весь Христианский Восток: РБО издавало Священное Писание также на греческом языке и способствовало его переводам на болгарский и сербский языки (именно по заказу РБО Вук Караджич выполнил свой перевод Нового Завета, определивший литературные нормы сербского языка). К 1823 г. РБО издало Библию, Новый Завет, и отдельные части Священного Писания (Евангелия, Псалтирь) общим тиражом 704 831 экз. (для первой четверти XIX в. это весьма внушительная цифра) на 41 языке народов Российской Империи и других стран.

Но главной заслугой РБО в первый период его существования перед народом России прежде всего явился перевод Священного Писания на русский язык. Инициатива в этом деле принадлежала Александру I, которого поддержал Святейший Синод, а труд по переводу был возложен на Комиссию духовных училищ при Синоде; затем он рассматривался членами РБО духовного звания, т. е. православными иерархами и клириками. Душой и руководителем этой работы был тогдашний ректор С.-Петербургской духовной академии архимандрит Филарет (Дроздов), впоследствии митрополит Московский (1782—1867), замечательный богослов, церковный деятель и подвижник канонизированный Архиерейским Собором РПЦ в конце 1994 г. В 1818 г. РБО выпускает первое издание Четвероевангелия с параллельными церковнославянским и русским текстами. В дальнейшем по мере готовности перевода выходят из печати остальные книги Нового Завета, и наконец в 1823 г. выходит полное его издание на русском языке. С 1820 г. профессор-протоиерей Герасим Павский приступил к работе по переводу священных книг Ветхого Завета с древнееврейского оригинала. В 1823 г. выходит первое русское издание Псалтири, а к середине 1824 г. был выполнен уже перевод Пятикнижия.

Правда, к этому времени настроения в придворных кругах изменились. Князь Голицын утратил былое расположение царя, влияние на которого теперь получили небезызвестные Аракчеев, Шишков и иже с ними. Наступил период реакции, результатом которой явилось приостановка Николаем I в апреле 1826 г. деятельности РБО.

Обычно принято думать, что русский библейский перевод относится к разряду «поздних». Однако такое утверждение нельзя считать правильным, поскольку как раз к началу XIX в. русский язык достаточно оформился как вполне самостоятельный литературный язык (до конца XVII столетия в таком качестве выступал «книжный», т. е. во многом искусственный церковнославянский язык). В свою очередь лингвистический язык Российской Церкви (церковнославянский), изучавшийся в основном в духовных школах, к этому времени был уже довольно труден, а местами и просто непонятен для тогдашнего образованного общества в России. Не случайно сам император читал Священное Писание во французском переводе. Так что как раз в первой четверти прошлого века лингвистическая ситуация для русского библейского перевода достаточно созрела. Не забудем, что это была еще допушкинская пора в истории русского языка.

Оценивая первый русский перевод Нового Завета¹ следует признать, что хотя он во многом отвечал тогдашнему уровню состояния библейской науки и представлениям о теории и практике перевода, его тесная связь с прежним прими-

¹ Его пересмотренным вариантом стал принятый теперь перевод Синодальный (1856—1862), воздействие которого так или иначе испытывали другие профессиональные русские переводы и прежде всего перевод, выполненный в 50-е годы нашего века епископом Кассианом (Безобразным).

тивным по своему характеру славянским переводом оказалась неизбежной, что выразилось как в употреблении в ряде случаев архаичной уже по тем временам лексики, так и в нередкой привязанности к несвойственному нормам русской речи калькированию греческого синтаксиса. Между тем, в правилах для переводчиков, принятых Комиссией духовных училищ был такой пункт: «Величие Священного Писания состоит в силе, а не в блеске слов; из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям ради мнимой их важности». Об этом следует помнить как нынешним, так и будущим русским библейским переводчикам, дабы избегать соблазна следовать в своих переводах так называемому «высокому стилю», забывая о природе живой русской речи.

Но вернемся теперь в наши дни. Как только «перестройка» коснулась сферы религиозной политики и Библия перестала быть в СССР практически запрещенной книгой, Объединенные Библейские Общества (ОБО — всемирное содружество Библейских Обществ) стали развивать свою активность по распространению слова Божия христианам в бывших советских республиках. Начало этому процессу было положено в 1987 г., при этом основными каналами распространения напечатанной за рубежом библейской продукции до середины 1990 г. были официальные церковные структуры в СССР во главе с Московской Патриархией. Однако в сложившихся условиях назревала так называемая инициатива снизу. В итоге небольшая группа христианской интеллигенции (в ее составе был и покойный протоиерей А. Мень) собралась 17 января 1990 г. на первое после 1826 г. общее собрание Библейского Общества Советского Союза (БОСС), как тогда оно стало называться. Здесь следует отметить, что БО, согласно своему типовому Уставу, объединяет не официально делегированных представителей Церквей, а частных лиц, хотя в соответствии с мировой практикой (и прежде РБО тому яркий пример) церковные лидеры ведущих национальных конфессий почитают своим долгом участвовать в его деятельности, в том числе и входить в его руководящие органы. При этом Устав требует, чтобы в правлении БО соблюдался паритет между числом церковных служителей и мирян. Президентом БОСС был избран тогда член-корр. АН СССР С. С. Аверинцев (с октября 1991 г. президентом РБО является священник А. Борисов), а исполнительным директором (т. е. должностным лицом, руководящим практической работой Общества) — А. А. Руденко.

С тех пор прошло 4 года. За это время проделана определенная работа, о наиболее существенных моментах которой следует сказать.

1 ноября 1991 г. при участии Его Святейшества, Патриарха Московского и всея Руси Алексия II состоялось торжественное открытие офиса БО, которому с тех пор возвращено прежнее название — Российское. В 1991—1992 гг. были образованы БО в Армении, Белоруссии и на Украине, а также восстановили свою деятельность БО в странах Балтии. К этому времени РБО стало уже основным распространителем импортируемой по каналам ОБО библейской печатной продукции среди христианских Церквей России и ряда стран СНГ и прежде всего по каналам епархий, приходов и монастырей Московского Патриархата. Однако в 1992 г. при финансовой поддержке ОБО стала решаться задача налаживания производства библейской печатной продукции уже в России. С тех пор производство и реализация библейской печатной продукции продолжает оставаться приоритетной в деятельности РБО. Следует сказать, что здесь достигнуты значительные успехи. Уже в 1993 г. около 90% печатной продукции, реализуемой РБО, производилось в России. При этом литература, издаваемая РБО, не только реализуется по каналам ее отделений (в Перми, Новосибирске, Санкт-Петербурге), религиозных и книготорговых структур, но и экспортируется в страны СНГ, в том числе и по линии новоучрежденных ВО.

Структура библейских изданий, определяемых спросом на них, такова: в 1993 г. 55% от их общего объема пришлось на иллюстрированную «Детскую Библию» (издание

Института переводов Библии в Стокгольме). Такой показатель не случаен и обусловлен состоянием духовного детства, если не младенчества большинства из тех, кто впервые в жизни (а это подавляющее большинство населения России) приступает к чтению Священного Писания. На Библию издания Московской Патриархии (1988) пришлось 18% продукции, столько же и на Библию издания Библейских Обществ (1947). Однако возможности отечественной полиграфии еще ограничены, поэтому репринтное издание церковнославянской Библии (тираж 20 тыс. экз.) пришлось печатать в Финляндии. Всего же к настоящему времени РБО реализовало (в том числе и бесплатно раздано около 5% всей распространяемой им литературы) более 5 млн экз. различных библейских изданий, что практически удовлетворило начальный спрос на них в России. При этом следует сказать, что благодаря использованию импортной бумаги и переплетных материалов, а также размещению заказов в лучших отечественных типографиях продукция РБО находится на уровне мировых стандартов, при этом, благодаря дотациям ОБО, ее себестоимость относительно невелика, что позволяет держать отпускные цены на возможно минимальном уровне. Это ставит издания РБО вне конкуренции среди малочисленных издателей библейской литературы в России, и прежде всего с точки зрения ее полиграфического качества.

Однако удовлетворив спрос на репринты необходимо думать и о новых изданиях, способных привлечь читателя. В связи с этим в течение последних двух лет были подготовлены новые издания Нового Завета и Библии (книги канонические) по Синодальному переводу, в которых были исправлены ошибки и опечатки прежних изданий, введены тематические подзаголовки разделов, а также приложены словари иноязычных и устаревших слов, употребляемых в Синодальном переводе. Сейчас таким же образом готовится и издание Библии, включающее в себя неканонические книги Ветхого Завета. Эту работу осуществляет небольшой, но высококвалифицированный коллектив редакционно-издательского отдела РБО, возглавляемый М. Г. Селезневым. За последние два года РБО выпустило и ряд других изданий. В настоящее время готовятся издания Библии с иконными прорисями, русского перевода популярного иллюстрированного Библейского словаря английского издательства «Lion», Библейского атласа д-ра Тима Даули, набранной с помощью компьютера Библии и Симфонии, и ряда красочных детских книг с библейскими сюжетами.

Но говоря об этих успехах, нельзя забывать и о значительных проблемах дальнейшего развития библейской работы в России. Несмотря на то, что БО в России функционирует уже 4 года, о нем мало известно широкой общественности. Между тем мероприятия, связанные с public relations занимают значительное место в деятельности всех БО. Это серьезная и многоплановая работа, имеющая целью как пробудить у широкой публики интерес к чтению Священного Писания, так и способствовать привлечению пожертвований на дело библейских переводов и доступных по цене библейских изданий. В этом отношении важной задачей, стоящей перед РБО, должно быть стремление стать национальным БО, т. е. полностью обеспечивающим свою деятельность как за счет своей продукции, так и за счет пожертвований отечественных благотворителей. Думаю, что в нынешних условиях необратимого перехода России к рыночной экономике эта задача разрешима, хотя и требует напряженного повседневного труда как и любое серьезное дело.

Другой проблемой, которая представляется для БО в России приоритетной, является способствование скорейшей подготовке и изданию общедоступного перевода Библии на русский язык. Ставя задачей сделать Библию доступной населению, многие БО имеют в виду прежде всего ее доступность для понимания. Именно в недрах ОБО в течение последних трех с лишним десятилетий отрабатывалась методика функционального перевода, позволяющего максимально донести смысл слова Божия на доступном для простого человека языке его повсед-

невного общения. То, что наиболее читаемым в России библейским изданием стала «Детская Библия» (кстати, отнюдь не лучшее по своим литературным качествам издание этого рода), ясно указывает на такую необходимость. Конечно, Библия в общедоступном переводе вовсе не ставит целью заменить традиционные переводы Священного Писания, имеющие церковно-учительное и литургическое назначение, равно как и современные литературные переводы, рассчитанные на достаточно подготовленную публику из числа христианской интеллигенции (этого рода переводы как раз сейчас в России готовятся, в том числе и иждивением РБО, о чем следует писать особо). Речь идет именно о том, чтобы сделать слово Божие, насколько это возможно, близким для восприятия основной массой русскоязычных читателей, которая столкнется с ним в первый раз в жизни.

Одним словом, в настоящее время перед РБО стоят еще более серьезные задачи, чем ранее.

© 1995 г. КАЗНИНА О. А.

Н. С. ТРУБЕЦКОЙ И КРИЗИС ЕВРАЗИЙСТВА

Характер развития и существо евразийства, как, может быть, ни одного другого философско-политического движения, наиболее полно раскрывается не столько в обращенных к читателям книгах и периодических изданиях, сколько в архивах и частной переписке его участников. Не предназначенная для печати полемика, не связанное издательским этикетом «выяснение отношений», в процессе которого корреспонденты высказывают то, что действительно думают, позволяют представить себе ту закулисную борьбу идей, которая и является наиболее точным выражением евразийской проблематики и взглядов отдельных евразийцев. Н. С. Трубецкой стоял у самых истоков движения [1. С. 121—130]. Его книга «Европа и человечество», вышедшая в 1920 г. в Софии, по существу положила начало евразийской издательской деятельности. Последующие евразийские сборники не обходились без его авторского и редакторского участия. Однако, как и два других зачинателя движения, Г. Флоровский и Г. Вернадский, Трубецкой довольно рано «перерос» евразийство и ощутил его несостоятельность. Как свидетельствуют архивы, и в частности публикуемое письмо, его внутреннее расхождение с движением произошло задолго до того, как он формально порвал с евразийством в период его кризиса.

Причиной кризиса евразийства была неопределенность его политической программы и отсутствие общей философской платформы у участников движения. С первых выступлений в печати в начале 1920-х годов евразийство представляли самые разные по своим убеждениям философы, историки, литераторы и поэты. С приходом в евразийство Л. П. Карсавина расхождения между представителями исторически сложившегося традиционного евразийства и сторонниками «левого уклона» в движении проявились особенно остро [2. С. 49—58]. Инициаторами выделения в евразийстве леворадикальной группы стали Д. П. Святополк-Мирский и П. П. Сувчинский [3. С. 81—88]. Раскол в движении окончательно оформился к концу 1928 г. в Кламаре, пригороде Парижа, где сосредоточилась значительная группа евразийцев и где находились типография и книжный склад движения. Как явствует из архива Савицкого, кламарской группе евразийцев было поручено сближение с представителями Советской России — дипломатами, учеными, писателями, приезжавшими в Париж. Руководителям движения казалось, что такие связи должны были помочь распространению евразийства в России. Обращение большевиков в евразийскую веру было частью дальних замыслов Савицкого: в его архиве есть детально разработанная программа создания евразийских хозяйств.

Казнина Ольга Анатольевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

ственно-экономических и политических учреждений, которые со временем могли бы заменить аналогичные советские, менее компетентные организации. Савицкий надеялся, что с помощью таких учреждений большевизм постепенно будет подрываться изнутри и со временем коммунистическую партию в России заменит партия евразийская.

Однако кламарская группа со своей агитаторской задачей не справилась. В двери, открытые кламарцами для советской политической, партийной и художественной элиты, легко проникали провокаторы и агенты спецслужб, оказавшиеся более профессиональными пропагандистами, чем кламарцы. Вместо того, чтобы привлечь коммунистов на свою сторону, многие кламарцы сами увлеклись марксизмом и коммунизмом. Дальше всех пошел в этом увлечении Д. П. Святополк-Мирский, вступивший в 1931 году в Коммунистическую партию Великобритании.

Размежевание левых евразийцев с основателями классического направления произошло в газете «Евразия», которая начала выходить в Кламаре в конце 1928 г. По замыслу, идеологическую ответственность за издание должна была нести редакционная тройка в составе П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого и П. П. Сувчинского. Однако П. П. Сувчинский при поддержке Д. П. Святополка-Мирского захватил инициативу в подборе материалов в газете и создании ее политического облика.

Издание «Евразии» финансировал Норман Спולדинг (1877—1953), английский промышленник с философскими и художественными интересами, меценат, увлеченный идеей сближения западной и восточной цивилизаций. Под псевдонимом «Английский Евразиец» Спולדинг издал книгу «Воскресающая Россия. Сводка взглядов и целей новой партии в России» [4], которую высоко оценил Савицкий в своей биографии евразийства [5. С. 285—317; 6. С. 102]. Спולדинга, человека религиозного, привлекало евразийство в его классическом варианте, в котором важную роль играла идея православия. Узнав о том, что в газете, на которую он дал деньги, пропагандируются взгляды, близкие к большевизму, а религиозная идея из евразийства выбрасывается, Спולדинг был крайне раздражен; тем не менее он многое сделал для того, чтобы примирить евразийцев ради сохранения самого движения. Однако Савицкий и его сторонники отказались признать кламарскую деятельность даже в качестве «уклона» в движении. Савицкий считал идеальный поворот кламарцев прямой изменой принципам евразийства, а их искания определял как «салонный коммунизм». Фанатично преданный идеи движения Савицкий посвятил себя тому, чтобы собрать евразийские силы, не затронутые расколом. Вместе со своими ближайшими сторонниками он выступил с обличением в печати кламарской группы [7]. Кламарцы ответили в «Евразии» опровержением существования каких-либо других евразийцев, кроме них самих, заявив о себе как о главной парижской группе. Раскол в евразийстве явился началом его конца: кламарцам оставалось существовать не более двух лет, евразийству Савицкого — еще десятилетие.

Какую роль в кризисный период в евразийстве играл Трубецкой? В первых номерах «Евразии» была опубликована его работа, в которой вполне в левом духе газеты анализировались основы рабочего движения [8. С. 1—2; 9. С. 1—2]. Революцию в этом сочинении Трубецкой определял как стихийный процесс, «творящий новые формы жизни», государственный строй в СССР — как строй «идеократический», при котором «правящий слой отобран по признаку общности мировоззрения» (а не по признаку аристократизма). Следовал оптимистический вывод: «Это есть несомненно государственный строй ближайшего будущего». Трубецкой в этот момент верил, что революция в России обеспечила социальную справедливость. Он писал: «Те нематериальные блага, которые дала Революция рабочему классу СССР, удовлетворяют этот класс больше, чем те материальные блага, которыми пользуется рабочий класс буржуазно-капиталистических стран...»

Возможно, доходившие до эмиграции сведения о действительном положении в России показали Трубецкому, что революционные идеи и лозунги имели мало

общего с реальностью. Он осознал также, что приспособление к свершившимся фактам истории, к которому призывали левые евразийцы, уводило движение в дебри политики, а он всегда был против политизации евразийства. Ни согласиться, ни бороться с новым евразийством он не мог, поэтому 5 января 1929 г. он опубликовал в «Евразии» письмо, в котором заявил о своем выходе из газеты и из евразийского движения [10. С. 8].

Публикуемое письмо к П. Н. Савицкому показывает, как Трубецкой пришел к этому решению, изменившему его собственную судьбу и во многом, видимо, и судьбу евразийства. «Пессимизм» Трубецкого по отношению к евразийству не был ни случайным, ни временным, как это пытался представить Савицкий в своей приписке на письме. О распаде и конце евразийства Трубецкой начал говорить за пять лет до кризиса, еще в 1925 г., в связи с деятельностью семинара Л. П. Карсавина в Кламаре; два года спустя, также в личной переписке, Трубецкой признавал, что в евразийстве нет системы: тот «ералаш» идей, который евразийцы выдавали за систему, он называл жульничеством и открыто говорил о конце евразийства [2. С. 56]. Позднее, но все же до раскола, в марте 1928 г., Трубецкой писал Сувчинскому: «Евразийство для меня тяжелый крест... в глубине души я его ненавижу, и не могу не ненавидеть. Оно меня сломило, не дало мне стать тем, чем я мог и должен был стать. Бросить его, уйти из него, забыть про него было бы для меня высшим счастьем» [2. С. 57].

Публикуемое письмо Трубецкого Савицкому, хранящееся в Государственном архиве Российской Федерации [11], является во многих отношениях уникальным: это письмо-исповедь, духовная автобиография, итог долгих лет самопознания. И это, возможно, единственный документ, в котором Трубецкой со всей определенностью высказал свои возражения против продолжения евразийской работы вообще и против своего участия в ней. В письме Трубецкой рассматривает евразийство в двойной перспективе: истории России и истории собственной духовной жизни, он подводит черту под закончившимся историческим и биографическим этапом и, проверяя правильность своих заключений, пытается предвидеть последующее развитие событий. Некоторые его предсказания поражают своей точностью, другие, к счастью, оправдались не полностью. Последние годы российской интеллектуальной и политической жизни показывают, что споры о судьбах России, которые велись в изгнании лучшими русскими умами, не утратили своего смысла и снова звучат злободневно.

*Письмо Н. С. Трубецкого П. Н. Савицкому
от 8—10 декабря 1930 г.*

[Сверху приписка рукой Савицкого: Наиболее полное выражение «пессимизма» Н. С. Трубецкого, как он складывался в начале 1930-х годов. Этим пессимизмом Н. С. Т. как бы хотел оправдать свою «капитуляцию» в кламарские дни. К середине 1930-х годов этот пессимизм стал проходить. 7/20 IV 1938].

Дорогой Петр Николаевич!

Имею теперь немного больше свободного времени и пользуюсь этим, чтобы ответить Вам на Ваше последнее письмо.

Я хочу выяснить Вам свое личное отношение к евразийской работе. Раскол в связи с газетой «Евразия» явился для меня не столько причиной, сколько поводом для моего отхода от евразийской работы, которой я тяготился уже и раньше. Теперь прошло уже два года с этого момента. Два года я стою в стороне от евразийства. И это время я использовал для пересмотра своих убеждений и точек зрения, словом, для того, чтобы поглубже заглянуть внутрь самого себя. Пока я участвовал в евразийском движении, я этого произвести не мог. А между тем, что было необходимо, эту необходимость я ощущал и тяготился невозможностью быть искренним перед самим собой. Я был несвободен, и эта несвобода меня угнетала. Ведь не пустые же слова я говорил, когда проповедовал личное самопознание и утверждал это личное самопознание как нравственный долг, как основу всякой личной нравственной жизни. Теперь, что я освободился, я это вполне оценил, и ни за что не откажусь от этой своей свободы. За эти два года свободного пересмотра я духовно и умственно возмужал и окреп. Я чувствую себя гораздо «мудрее», а главное «взрослее», чем до отхода от евразийства. Этот отход совпал у меня с общим душевным переломом, пересмотром прежде всего духовно-взрастным, который я мог бы сравнить только с тем, что пережил в первый год женитьбы,

когда почувствовал, что кончилась беззаботная, рассудочно-сенсуальная холостая жизнь и началась новая, ответственная жизнь не только разума, но и сердца. Так точно и теперь я чувствую, что прежний «я», полный молодого задора, самоуверенности и погони за парадоксальными блесками, этот «я» отошел куда-то в прошлое, в историю, а начал жить другой «я», уже не молодой, а зрелый, м. б. менее блестящий, но зато более основательный и «мудрый» (понимая этот термин не в смысле оценочном, а как обозначение определенного типа умственной и душевной структуры). Я постоянно перечитываю свои произведения евразийского периода, а также переписку этого времени. И многое мне теперь кажется ребячеством. Мы преувеличенно ценили свою собственную молодость, считали ее главным своим преимуществом по сравнению со «старыми грызами» и, благодаря этому культе собственной молодости, искусственно задерживали свое развитие. Теперь это для меня уже психологически невозможно. Я не могу притворяться молодым, когда чувствую себя если не старым, то во всяком случае зрелым и «солидным». А это удерживает меня от безответственности и той специфической поверхностной смелости, без которой евразийство не могло бы состояться. Утратил я и тот молодой оптимизм, которым евразийство, м. б. было сильно и привлекательно, но который в то же время неизбежно должен был рано или поздно разбриться об жизнь. Таким образом, я больше не имею той душевной структуры, которая определяла собой мое евразийство.

К целому ряду вопросов, к которым я прежде подходил с самоуверенной определенностью, я теперь подхожу с холодным скептицизмом. Один из вопросов, в котором мой «зрелый возраст» наиболее оказывается, это вопрос о специализации научных знаний. В прежнее время я брался говорить о чем угодно. Это было «принято» в евразийской среде (о чем только не брался рассуждать любой из нас!). Теперь, пересматривая свои и наши прежние писания, я многое воспринимаю как ребяческую отсебятину. Это относится ко многим моим богословским писаниям (напр., «Соблазны единения» или письмо к Булгакову), но также и к писаниям историческим и государствоведческим, как печатным, так и ненапечатанным. Теперь мне просто дико все это читать, ибо я научился ценить настоящую специализацию. Я вижу, что в области своей специальности я не сделал многоного, что мог бы сделать (причем теперь этого уже не вернешь), и мне обидно сознавать, что я столько времени потерял на совершенно посторонние дела и чуждые мне научные темы, где не мог дать ничего действительно ценного. Молодости свойственно разбрасываться и не экономить своих сил. Зрелость непременно влечет за собой самоограничение, сопряженное с интенсивным сосредоточением. Но это относится не только к выбору тем, но и к способу разработки каждой отдельной темы. Широкие и большей частью поспешные обобщения, столь характерные для евразийства и, в частности, для моих евразийских писаний, в настоящее время мне претят. Я научился ценить «солидность», полюбил ее. Или лучше сказать, научился видеть шаткость и иллюзорность широких обобщений. Прочность конструкции для меня важнее ее грандиозности. Это тоже симптом иного душевного возраста, чем тот, в котором жило и который хотел навсегда удержать и сохранить за собой евразийство.

Все это я, кажется, смутно чувствовал и раньше, еще будучи евразийцем, но особенно явственно осознал я все это теперь, в период своей свободы от «евразийства». Точно так же обстоит дело и с другими вопросами. К таковым относится прежде всего вопрос о нашей роли в русской культуре. Хотя некоторые сомнения по этому вопросу шевелились во мне и раньше, но я их заглушал и загонял в подсознание. Иначе и нельзя было. Пока я участвовал в евразийской работе, я должен был верить, что работаю на русскую культуру, и что это — мой долг. Но так ли это на самом деле? Существует ли та русская культура, для которой мы думаем работать? И кто является ее носителем? Каждая доходящая до нас «оттуда» печатная страница убеждает, что там уже возникла новая культура, не имеющая с нами ничего общего. О том же говорят и встречи с тамошними людьми новых поколений, и рассказы иностранных наблюдателей. Та культура, в которой выросли мы, — плод европеизации русской духовной культуры, — в СССР уже не является «способной к размножению» и существует только как реликт у людей старшего поколения. Новая культура, разумеется, имеет известные традиции старой, но эти традиции совсем не те, которые для нас существенны. Таким образом, мы попали в положение тех старообрядческих писателей-начетчиков, которые в XVIII в. продолжали писать жития и паломничества. Я знаю, что Вы ответите: Вы сошлеетесь на тех русских географов, которые усвоили Вашу терминологию, или укажете на то, что, хотя мы и связаны органически с традицией дореволюционной культуры, но проповедуем идеи новые, почему аналогия старообрядческих писателей XVIII в. оказывается неверной. Но на это я Вам скажу, что и Ваши географы — такие же реликты, как и мы сами. По словам моего ученика Ягодича, три года прожившего в Москве и очень чутко присматривавшегося к русской жизни, в России даже какие-нибудь Деборин и Бухарин воспринимаются как представители дореволюционной русской культуры, настолько глубока пропасть, отделяющая реликтовую интеллигенцию старой формации от новых поколений выходцев из рядов пролетариата. А что касается до исторических аналогий, то я думаю, что и какой-нибудь по своему времени передовой и мало традиционный боярин Матвеев, попав в XVIII в., все-таки оказался бы культурным анахронизмом. При всем нашем желании, мы к новой пролетарско-русской (или, если хотите, пролетарско-евразийской) культуре приобщаться не можем, и те ценности, которые мы создаем, в нее не войдут. Эти ценности принадлежат доживающей свой век, но вообще явно уже обреченной на гибель (за отсутствием продолжателей) реликтовой дореволюционной европейско-русской культуре, являющие ее лебединой песнью. При этом создаваемые нами теории, принадлежат к этой культуре, эту же культуру сами отрицают, а, потому, даже и у немногочисленных носителей этой культуры не могут рассчитывать на признание. Впрочем, кто эти носители? Отчасти эмиграция, отчасти некоторые загнанные в подполье, прочно-деклассированные, бескровленные и обезглавленные слои и поколения в СССР. Собственно носителями культуры их трудно назвать. Культура дорога им не как жизненная сила, а как воспоминание. Лишь ничтожный

процент способен воспринять новое как органическое развитие старых культурных традиций. Стоит ли работать для них? Ведь все равно за ними никого нет, за ними пропасть. А до настоящих носителей новой русской культуры мы все равно, как ни старайся, не доберемся. Вы скажете: псковские мужики. Но, во-первых, они не носители культуры, а во вторых, и то, что им проповедуется, должно быть настолько приспособлено к их уровню понимания, что уже не похоже на евразийство, а если будет похоже,— то окажется вне их понимания.

Эту трагическую оторванность свою от реальной культуры надо отчетливо понять, надо безжалостно в этом признаться. Правда кламарцев заключалась именно в том, что они осознали ту безду, которая отделяла прежнее (так сказать «классическое») евразийство от реальной, живой и развивающейся современной русской культуры. Ошибка и грех их состояли в том, что они, сознав это, они все-таки хотели попытаться продолжать существовать (здесь и далее подчеркнуто Н. С. Трубецким — *O. K.*) и ради этой цели отказались от своего лица, от своих учений,— что их не спасло от неизбежной гибели. Конечно, по этому пути идти нельзя. Но следует ли просто закрывать глаза на правду и продолжать работать как бы не видя того, что работаешь впустую, что результаты этой работы ни к русско-советской, ни к эмигрантской культуре не пристегиваются, а остаются без дна и покрышки как достояние каких-то единиц? От этой проблемы нельзя отмахиваться. Ее надо поставить и решить, не жалея себя.

Мы — представители европейско-русской культуры. Культура эта в настоящее время умирает и в СССР заменяется новой, м. б. тоже русской, но во всяком случае не европейско-русской. Примкнуть к этой новой культуре мы не можем, не перестав быть самими собой. Работать на старую культуру — нецелесообразно, т. к. те масштабы, к которым стремимся мы, совершенно не соответствуют современному масштабу этой умирающей культуры. Что же делать? — Думаю, что не остается ничего другого, как выйти за переделы национально ограниченной европейско-русской культуры и (*horribile dicunt!*) работать на культуру общеевропейскую, притязающую на звание общечеловеческой. Другого ничего не остается. Разумеется, нельзя при этом забывать ограниченности самой общеевропейской культуры, нельзя заставлять себя приобщаться к тем ее сторонам, которые нам русским органически чужды; но в области интеллектуальной культуры, в частности науки, никаких непреодолимых преград между нами и европейцами нет, и в этой области мы просто и должны вливаться в ряды европейских ученых. Писать по-русски для тех русских ученых, которые съезжаются на «съезды зарубежных русских ученых» еще менее целесообразно, чем писать по-словенски или по-латышски; в Россию наши русские писания, если и проникают, являются запретными и не могут свободно цитироваться, в то время как иностранные писания тех же авторов, напечатанные в иностранных научных журналах, имеют свободное хождение в России и кроме того сразу известны во всем европеизованном мире. Я по опыту знаю, насколько такое расширение аудитории повышает качество производства и чувство культурной ответственности. Я бы никогда не позволил себе писать по-немецки или по-французски о чем-нибудь, чего не знаю или в чем не вполне уверен,— ибо сознаю, что среди тех сотен специалистов, которые меня прочтут, непременно найдутся такие, которые меня изобличат печально. А по-русски мне не раз случалось писать безответственные вещи, притом по вопросам, в которых я вовсе не компетентен: говоришь себе «ничего, сойдет!» Да в сущности, как посмотришь теперь на свое писательское прошлое, то пожалуй придется пожалеть не того, что были написаны такие дилетантские произведения, а того, что наряду с ними были написаны по-русски и вещи ценные. Вот, например, моя брошюра «К проблеме русского самопознания»: книжка недурная, о ней лестно отзывался Meillet¹, многим иностранным лингвистам и ориенталистам, знающим русский язык, хотелось бы ее прочесть (еще недавно Теньер² письменно спрашивал меня, где ее можно достать), — а между тем она «распродана», т. е. зря разбазарена, выброшена, разошлась по таким рукам, которые ее никак оценить не могут, да и если оценят, не смогут творчески использовать... Если бы она была написана по-немецки или по-французски, она бы принесла настоящую пользу...

Итак, вот те соображения, которые побуждают меня сосредоточиться на своей специальности и писать не по-русски, а на иностранных языках. Те же соображения делают мое участие в евразийской работе психологически невозможным. Но и помимо этих соображений, касающихся скорее внешней стороны дела (вопроса «как», а не «что» делать или проповедовать), я подверг пересмотру и самое содержание нашего учения и стал сомневаться в его спасительности. Мы оказались великолепными диагностами, недурными предсказателями, но очень плохими идеологами в том смысле, что наши предсказания, сбываясь, оказываются кошмарными. Мы предсказали возникновение новой евразийской культуры. Теперь эта культура фактически существует, но оказывается совершеннейшим кошмаром, и мы от нее в ужасе, причем нас приводят в ужас именно ее пренебрежение известными традициями европейской культуры (например положение науки и пр.). Мы совершенно верно поняли, что государственный строй современности и ближайшего будущего есть строй идеократический. Но, как присмотришься пристальнее в конкретные воплощения этого строя, так приходишь к заключению, что это не идеал, а полнейший кошмар, причем очень сомнительно, чтобы такой строй и впредь мог стать чем-нибудь иным. Дисциплинированность, монолитность и классовая разношерстность «идеологической организации» (без чего идеократия невозможна) предполагают особую типологию входящих в состав этой организации людей: это довольно тупые, ограниченные и элементарные люди. Люди более тонкой формации быстро сделают карьеру, но, попав в состав вождей, непременно

¹ А. Мейе (1866—1936) — французский лингвист.

² Л. Теньер (1893—1954) — французский лингвист, принимал участие в работе Пражского лингвистического кружка. В конце 1920-х годов бывал в СССР.

станут ссориться, окажутся в оппозиции и в конце концов непременно будут свергнуты и выгнаны каким-нибудь волевым, но ограниченным и элементарным, а потому более родственным широкой массе членов организации, вождем. Сталин — не случайность, а тип, могущий быть выведен из понятия идеократии чисто дедуктивным путем. Перемена содержания существа дела не изменит. Stalin останется Stalinом, безразлично, будет ли он действовать во имя диктатуры пролетариата или во имя Православия. В последнем случае он, м. б., будет еще опаснее для церкви, чем сейчас. Словом, будучи по-прежнему убежден, что идеократия есть единственный возможный в настоящее время государственный строй, я в то же время вижу все глубокие органические недостатки этого строя и не могу относиться к нему с энтузиазмом, а потому, не могу и проповедовать его. Кроме всего прочего, полагаю, что такой строй должен в конце концов распространиться на весь мир, а между тем на некоторые части света он может распространяться только в форме коммунизма. Сюда относится прежде всего Европа. О ней я много думал за это время и в результате пришел к убеждению, что для нее коммунизм со всеми его последствиями неизбежен и необходим. Проповедовать европейцам идеократию значит проповедовать коммунизм, а на это ни у кого из нас рука не поднимется. Между тем, если уж проповедовать идеократию, так проповедовать всем, в том числе и европейцам. Так уж лучше совсем не проповедовать...

Я оставляю в стороне целый ряд других пунктов нашего учения, ошибочность которых для меня теперь выяснилась. Полагаю, что уже того, что сказано выше, достаточно, чтобы объяснить, почему я не только с внешней, но и с внутренней стороны не могу участвовать в евразийской работе. Обо всем вышеизложенном я ни с кем до сих пор не говорил, м. б. и впредь говорить не буду. Но Вам я считал долгом все это высказать, ибо слишком дорожу нашей дружбой и не хотел бы, чтобы по этим вопросам между нами существовала какая-то неясность и недоговоренность.

Название «Тридцатые годы» продолжает меня коробить. И не только по тем мотивам, которые я излагал Вам в Париже, но и потому, что это название звучит как некая злая ирония. В самом деле, пророчествовать всегда трудно, но можно положительно утверждать, что современное состояние мира не дает никаких оснований предвидеть, чтобы тридцатые годы были эпохой плодотворного развития духовной культуры. Как раз наоборот, если дело пойдет современным темпом, тридцатые годы в СССР будут эпохой окончательной (физической и духовной) гибели последних носителей духовной культуры, эпохой закрепления во всех областях этой культуры господства невежественных, ограниченных и элементарно мыслящих «новых людей» и полной гибели нетенденциозной науки. Для Европы же тридцатые годы, по всей вероятности, будут годами тяжелых потрясений, экономических кризисов, м. б., войн и революций, а, м. б., даже и возвращения коммунизма со всеми его последствиями, в том числе и с постепенным разрушением духовной культуры. При этих условиях бодрая нотка, звучащая в самом заглавии сборника, неприятно режет ухо.

Статья Ваша «Научные задачи евразийства» очень интересна по существу. Но с внешней стороны в ней как будто происходит смещение двух тем. Непонятно, о чем идет речь,— о научной программе евразийства на ближайшие 10 лет или о пожеланиях, адресованных к русской науке. Вы, как будто, ставите знак равенства между евразийством и русской наукой, что явно нелепо, ибо ни для кого не тайна, что евразийство есть лишь одно из многих, притом как раз одно из наименее признанных течений русской научной мысли. Но и по существу дело совсем меняется от того, разумеете ли Вы русскую или только евразийскую науку. Поскольку в статье Вашей говорится только о двух науках (точнее: научных комплексах) — о географии и о истории,— причем всем известно, что евразийская география представлена Вами, а евразийская история — Вернадским (остальные в счет не идут!), дело как будто сводится к обязательству, принимаемому на себя двумя лицами: Вы обязуетесь за «тридцатые годы» разработать под новым углом зрения географию Африки и Океании, а Вернадский обязуется изучить классобразующую роль идей в общемировом масштабе. Так обстоит дело, если идет речь о евразийской науке. Конечно, выдача таких обязательств несколько рискована и не может не поразить читателя несоответствием между масштабами работы и числом работников, но, в конце концов, эти работники — люди взрослые, и если они обещают все это выполнить, то, вероятно, имеют основания надеяться, что свое обещание выполнят. Другое дело, если речь идет не о евразийской, а о русской науке. Тогда все это надо понимать, конечно, не как обещание (от чужого лица ничего обещать нельзя), а как пожелание. Но тогда возникает вопрос, имеет ли смысл высказывать пожелания, столь мало имеющие шансы на осуществление? Ведь если «с холодным вниманием» посмотреть на современную русскую науку и на академическую молодежь, то для осуществления предлагаемой программы врядли окажутся какие-либо шансы. В области истории этих шансов положительно нет. А если в области географии еще существуют какие-то качественные работники, то, по всей вероятности, ближайшее время они будут выведены из строя: очередь дойдет и до них... Кроме того, если речь идет о русской, а не о евразийской науке, то не понятно, почему говорится столько о географии и о истории. Все эти недоумения неизбежно возникают при чтении Вашей статьи и несколько мешают ценить интересные и важные мысли, в этой статье высказываемые. Полагаю, что этот недостаток можно было бы исправить двумя-тремя купюрами и вставками. М. б., целесообразно было бы разбить статью на две и изменить заглавие.

Что касается до существа статьи, то мне кажется, что «эйдократия» (не говоря о неудачности самого термина) в ее наиболее общем виде (т. е. в применении к истории и к природоведению — стр. 20) есть чисто словесное построение. Оно зиждется на игре слов, на том, что слово «эйдос» употребляется в разных значениях. Что касается до классообразующей роли организационных идей

³ Речь идет о сборнике «Тридцатые годы. Утверждение евразийцев» (Париж, 1931. Кн. 7).

⁴ Эта статья П. Н. Савицкого была опубликована в сборнике под псевдонимом — П. В. Логовиков.

в истории, то я признаюсь, что универсальность этого принципа для меня не совсем ясна. Я думаю, что это обобщение вызвано некоторым «революционцентризмом». В мирное время классы живут и влияют на жизнь государства без всяких идей. Кроме того, стоя на точке зрения селекционной социологии, я вообще не считаю классы единственными объектами исторического исследования. Думаю, что будущая историческая наука должна будет преодолеть этот пережиток атомизма и будет исходить не из классов как механических слагаемых, а из общественного целого как единства, структура которого непрерывно меняется.

Об остальных вопросах поговорим при свидании. Я приеду в Прагу числа 17-го, но до конца фонологической конференции (21 декабря) вряд ли смогу с Вами повидаться как следует, ибо буду занят конференцией и общением с съехавшимися лингвистами. Зато после конференции я останусь в Праге еще немножко, специально чтобы повидать Вас.

Пока целую ручки Vere Ивановне и обнимаю Вас.

Ваш НСТ.

P. S.: На стр. 18 Вашей статьи Вы говорите о коллективной личности социально-экономического порядка. С последовательно персонологической точки зрения это — не личности, а лички, т. е. функциональные реализации личности: в частночеловеческой сфере аналогами будут «я как семьянин», «я как лингвист» и т. д. Я старался уяснить это в предисловии «К проблеме русского самопознания». На стр. 1 ненужно-вычурная вторая фраза «евразийство волит» и т. д. Слова «волит» нет в русском языке и никогда не было. Если его употреблял Богдан Хмельницкий, то только в качестве полонизма.

8—10.XII.1930.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соболев А. В. Князь Н. С. Трубецкой и евразийство//Литературная учеба. 1991. № 6.
2. Соболев А. В. Своя своих не позишиша. Евразийство: Л. П. Карсавин и другие (Конспект исследования)//Начала. 1992. № 4.
3. Казнина О. А. Д. П. Святополк-Мирский и евразийское движение//Начала. 1992. № 4.
4. Russia in Resurrection. A Summary of the Views and of the Aims of a New Party in Russia. By an English Europasian. London, 1928.
5. Лубенский С. Евразийская библиография: 1921—1931. Путеводитель по евразийской литературе//Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Париж, 1931. Кн. 7.
6. Горизонтов Л. Е. Евразийство, 1920—1931 гг.: взгляд изнутри//Славяноведение. 1992. № 4.
7. Алексеев Н. Н., Ильин В. Н., Савицкий П. Н. О газете «Евразия» (газета «Евразия» не есть евразийский орган). Париж, 1929.
8. Трубецкой Н. С. Идеократия и пролетариат//Евразия. 1928. № 1.
9. Трубецкой Н. С. Идеократия и пролетариат. [Часть] 2//Евразия. 1928. № 2.
10. Трубецкой Н. С. Письмо в редакцию газеты Евразия//Евразия. 1929. № 7.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 420. Л. 79—86.

МАТЕРИАЛЫ К УЧЕБНИКУ ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Кравецкий А.Г.

Опыт словаря лингвистических символов.*

вратा — в богослужебных текстах — граница мира зла¹, врата ада, в то время как **двери** (см.) — вход в Царство Небесное²: *Растерзавъ смртти враты силою твоёю, путь жизни сказалъ ёси, безсмертия же двери юверзлъ ёси, върою зовущимъ: слава сию твоей гди (ЦТ, 4 нег. по П., Ср., Упр., К., п. 4).* Враты мѣдная стерлъ ёси, и вереи сокрушилъ ёси хрѣте вже, и родъ человѣческій падшій воскресилъ ёси (ЦТ, Св. седм. Веч., стих. воскр.). Воскресеніе дающій родъ человѣческому, гдѣ Фвча на заколеніе ведесъ: огнестрашнаасъ сегѡ кнѧзни адстии, и взашасасъ враты плачевнаа. Вніде во црь славы хрѣтось ... (ЦТ, Св. седм. Ср., Веч., стих. воскр.). Юверзояшасъ тевѣ, гди, страхомъ враты смрттинаа, вратици же аддовы відѣвшіе тѧ, огношасъ: враты во мѣдной сокрушилъ ёси ... (О., гл. 2, Сб. вел. веч. Стих. на ГВ).

врачъ — стандартное молитвенное обращение к чудотворцу: Благодать прѣимуще искрѣленій, простираете здравіе сѹщимъ въ наждахъ враче, чудотворцы преславныи (Конг. Безмездникам и чудотворцам). Миръ поетъ ваша, стин, всегдѣ мнѣгамъ благодареніемъ, и чудесъ множество, чудотворцы враче, аггль всѣхъ равностоѧтеле (Сл. безмездникам и чудотворцам, К., п. 3, В.Сб.). Моленія безсрѣренцы враче, вѣчъ принесите, гдѣ да избавитъ мы искрѣленій и скорбей многихъ и трепетнаго и страшнаго тогда мученія (Сл. безмездникам и чудотворцам, К., п. 1).

*Продолжение. Начало см. Славяноведение № 3

¹ В церковнославянской Библии этого противопоставления нет.

² Дифференциация слов **враты** - **двери** относится к позднему периоду истории церковно-славянского языка. Она отсутствует в Елизаветинской Библии и не всегда последовательно представлена в богослужебных книгах: Добрыи рабы, вѣзіи и вѣрніи, добрыи дѣлателіе вінограда хрѣтва, иже и таїтъ дневнію понесши, и дамный вѣмъ талантъ возрастніши, и по вѣсъ пришедшымъ не завидѣвшіи: тѣмже и **враты** вѣмъ небеснаа юверзояшасъ (Сл. Святителям многим, стих. на ГВ). Днѣсъ небеснаа враты юверзоятся, и двери божественная предградѣтъ. Особенно много таких непоследовательностей в Октоихе. Характерно, что в исправленных в начале XX века текстах триодей (см. 4) находим ряд исправлений **враты** → **дверы**.

гавашніты — народ, побежденный Иисусом Навином (*Ис.Нав. 8, 24-30*). Символ врага, победа над которым достигается с Божией помощью: **Востáни** и́ повори, та́кш ынсéсь ѿ ма́лика, плютскія стрáстii, и́ гавашніты ле́стныя помыслы прын поўтвеждаючи (*ВК, Ч. п. 6*).

гаврі́лъ — в службах упоминается как возвещающий рождество Спасителя: Глаго́лшъ вжтвеннага гаврі́ла послéдуюше, ра́дуйся, тевѣ зовéмъ чѓам: ты оубш, престáм и́ мтii гдна, къ сему́ престáвльшия, поминай и́ воспеваваюцихъ та́ (14 авг., стих. на стиховне). Возопíемъ вѣрнii, гаврі́ла и́мѹще чинноначальника: блгода́тнаа, ра́дуйся, съ товою гдь, пода́й мірови тобою ве́лию мілость (15 авг., стих. на ГВ). Гаврі́лъ вѣщáвшъ тевѣ дво, ра́дуйся, со глáсомъ воплоща́шеся всѣхъ влка въ тевѣ стѣмъ ківóтъ, та́коже рече пра́ведныи двдъ: гаві́ласа ёси шіршам нбсъ, поносівши зиждítелъ твоего ... (*ЦТ, 2 нед. по П., Сб. Утр., Богор.*). Съ горнихъ высотъ сшедъ гаврі́лъ, и́ къ каменю приступль, и́дѣже камень жи́зни, велосасаи взыва́ше къ плáчущымъ: престáните ... (*ЦТ, 4 нед. по П., Вс., Утр.*). Въ чермнémъ море неискуссobрачныя неувѣсты образъ написа́сл и́ногда. та́мо ми́сей, раздели́тель воды: за́дѣ же гаврі́лъ (*ЦТ, 5 нед. по П., Веч.*).

гедешнъ — судья израильский (*Суд. 6.11-8.27*). В гимнографических текстах упоминается в связи со знанием шерсти и росы (см. **Руно**): Руно та́ гедешнъ вообрази Фрошённое, на негóже та́кш роса, хрто́съ бгъ сми́де, да росою молитвъ твоихъ Фрошёнин грѣшицы къ пока́ланю подви́гнутся (*7 мрт., Споручница грешных, К., п. 5*).

гіезій — слуга Елисея, обманом взявший плату с Неемана, за что к нему пристала проказа Неемана (*4 Царств 20-27*). Упоминается как пример алчности и обмана: Гіезіевъ подража́ла ёси, ѿка́ннаа, разумъ сквёрный всегда, душё: ёгшже сре́бролюбие ѿложи поне на старость, бгай ге́енскага Огна, ѿстру́пивши злы́хъ твоихъ (*ВК, Пн. п. 8*).

голáфъ (*1 Цар. 17.1-58*) — филистимлянский воин, побежденный Давидом. В гимнографии — обозначение видимых и невидимых врагов: Ты мы́сленною пра́щею вооружи́вся, та́коже и́нога голáфа, кна́зм тмы гордáщася низложи́лъ ёси, ю́рарш, дѣдски (*7 апр., К., п. 4*).

голубица — с голубицей, птицей, приносимой в жертву (*Лев. 1.14, 5.7, 12.6 и т.д.*) сравниваются святые подвижницы, принесшие себя в жертву Господу: та́кш ѿницы, и́ та́кш несквёрныя ѿницы, та́кш вжкія голубицы ... принесо́стеся мчицы зиждítелю, та́кш жертуа непорочнаа ... (*Сл. мученицам многим К., п. 8*). Позлаценинѣ крилѣ добродѣтели стажáвши, на высотѣ неувéнчю возлётѣла ёси блжéннаа, ѹмрекъ, та́кш голубица нетлбннаа (*Сл. преп. жене К., п.3*).

гомóрра — нечестивый город, вызвавший гнев Божий (*Быт. 18.16-33; 19.24-29*). Символ греха и порока. Западе́нія, та́коже лштъ, бгай, душё мол, грѣха: бгай содомы и́ гоморры: бгай пламене вслакага безсловеснага желанія (*ВК, Вт., п. 3*).

гора

1: **гора пришённая чаша** - гимнографическое наименование Богородицы (См. аввакумъ). Пришённую гору, аввакумъ прозралое пречтю твою оутробу чатам, тёмъ взыдавше: ѿ юга приедетъ вгъ, и стый ѿ гоы пришённой чаши (ЦТ, 4 нег. по П., Вс., Утр., К., п. 4). Жже ѿ двы твои ржтво пророкъ предзрл, воспроповѣдаше воли: слухъ твой оуслышахъ, и оубоахъ, ака ѿ юга и из горы стый пришёлъ еси хртъ (ЦТ, 3 нег. по П., Вс., Утр., К., п. 4). Изъ горы пришённой, слове, прророкъ, ёдныя вьы, хотаца волотица, вговидиши оусмотрѣ, и со страхомъ словоша сила твою (Сл. апостолу, У., К., п. 4, В. Сб. с. 332).

2: **гора несъкoma** - наименование Богородицы. Восходит ко сну Навуходоносора (Дан. 2.31-34). Навуходоносор видел во сне гору, от которой без помощи рук отделился камень и сокрушил идола. Это видение понимается как прообраз Рождества Христова: Камень (Христос), отделившийся от Горы (Богородицы), сокрушил языческий мир: Ты величаемъ, вѣе, волюще: ты еси гора, ѿ нея же неизлагобланнш ѿтчесла камень, и враты адвра сокрушин (Часослов, Т. Богород.). Камень нерукостъчный ѿ несъкомым горы тебѣ, дво, кръсгольный ѿтчесла хртость, совокупивый разстоящася естество (5 апр., К., п. 9).

3: **гора оусыренна** - наименование Богородицы, восходящее к упоминаемой в Пс. 132,3; Пс. 67. 16-17 горе, на которую всходит Ермонская роса. Ветры с багтои влагой горы Ермон доносили влагу до горы Сион, которая считалас местом пребывания Бога: Радуйся, тучнала гора и оусыренна ахъмъ (КАПБ, К., п. 9).

4: **градъ верхъ горы** - восходит к Мф. 5.14: Не можетъ градъ оскрытица верхъ горы стоя: яко же невоеванъ градъ вжий на горѣ, великий іерархъ стоя водружено таинствомъ, соблюда миръ молитвами, полни безвожныхъ побѣдивъ, пребывистъ непрѣдимъ (2 июня, Никифор, Ик.). Горы на верхъ истиннымъ жительствомъ таинственны яко же градъ познался еси стоящъ (22 окт., К., п. 8).

5: см. Мишай, 2: Мишай подобающеся отцы, на гору безстрастия взыдoste, во мракъ разумный и блгодатный, прйдсте законъ стягели, тѣмъ воспеваemъ хрта во вѣки (Сл. святителям многим К., п. 8. В. Сб. с. 380).

6: Место Преображения (Мф. 17. 1-13; Мк. 9. 2-13; Лк. 9. 28-36): Аптоли твои, гдн, на гору, аможе повелѣлъ еси имъ, пришедшe, спсе, и та видѣвшe поклонишася (О., нег. гл. 1 Стих. на литеург., В. Сб. с. 120).

градъ - гимнографическое наименование Богородицы.

1: Укрепленное место, жители которого находятся в безопасности (христиане спасаются молитвами Богородицы): Мти вжил пречтам, граде хртианский, избави люди твой ѿ вѣдъ прилежни зовущимъ ... (Сл. юродивым, сед.). Блжимъ та вѣе дво, и славимъ та вѣрнин по доль, градъ непоколе-

вімъи стѣнъ нешборимъю, твѣрдѹю предстательници, и привѣжните дѹшъ нашихъ (Сл. исповеднику, стихир. на хвалит.).

2: Град Божий, т.е. место, где пребывал Господь: Радѹиса, граде всѣхъ црквь преславнаѧ и достославианнаѧ ... тѣвѣ, горо несѣко ма (КАПБ, п. 4). Преславнаѧ глаголашася ѿ тебѣ, граде бжжий, и пріснш царствующаго неесенными и земными, ѿ тебѣ рождашася ... емѹже непрестанно молися... (Сл. праздн. Богородичным, К., п. 9.).

Давидъ ((1 Царств 16 - 3 Царств 2.11; 1 Пар. 10-29).

1: Давид — победитель Голиафа. Символ победы над видимыми и невидимыми врагами: Ты мысленною працею вошрѹжися, токоже иного голіафа, кнѧзя тмы гордлещася низложилъ еси, іерарше, дѣдски, и бжжтвенною вѣрою твою (б ап., К., п.4).

2: Давид — поэт, которому приписывается авторство Псалтири. В богослужебных песнопениях возможны обороты типа “вместе с Давидом воспоешь”: **Чаломски торжествомъ, дѣбови веселющеся, съ дѣдомъ вопиюще: знаменася днесь на насть свѣтъ лица твоегѡ, гдн** (16 авг., стих. на стихов.).

3: Имя Давида используется для введения цитат из Псалтири и аллюзий к ней: Се оубв, вопиаше древлѣ дѣдъ, что добро и красно и спасительно, но єже тѣвѣ бжжтвеннымъ братиамъ вѣчнѣ жити въ дѹсѣ, подвигшися, и побѣду вземши мъ на дїабола: иже по достоиню оублажаємъ (18 авг., К., п. 9). Гаврійль вѣцавшъ тебѣ дѣбо, радѹиса, со гласомъ воплощающеся всѣхъ влка въ тебѣ стѣмъ ківштѣ, токоже рече праведенный дѣдъ: гавіялася еси ширшамъ несъ, поносивши зиждитела твоего ... (ЦТ, 2 нед. по П., Сб., Утр., Богор.). Дѣдъ иного да вошрази, списавъ таки на ікунѣ пѣсни, єюже дѣланіе ѿбликаетъ, єже содѣя, зовыи: помілѹи ма, тебѣ бо єдиному согрѣшихъ, всѣхъ бгѹ: сѧмъ ѿнти ма (ВК., Пн., п. 7, с. 36).

4: Давиду было обещано, что его потомство будет царствовать во веки (2Цар. 7. 11-17; Пс. 88.1-5). Мессия — потомок Давида, следовательно, воцарение Христа является выполнением обещания. В гимнографии часто упоминается об обещании, данном Богом Давиду: **Дѣдово ѿрди, мти бжжилъ и зиждителъ вѣрѹема бысть: плоть оубв сегѡ бывша ѿ неа, несказании породи** (14 авг., К., п. 4). Клатася гдѣ дѣдъ истиинною и не ѿвреждется еж (15 авг., стих. на стихов.). Дѣдскѹю пѣсни днесь людие воспоемъ хртѹ бгѹ: приведутся, рече, црквь дѣвы въ слѣдъ еж, и искреннаѧ еж приведутся въ веселїи и радованїи. ибо ѿ стѣмене дѣдова ежже ради мы ѿожиходомъ, въ рѹцѣ своегѡ сна и влки, славиши и паче слова предлагаются (15 авг., Вел.вечерн. стих. на стихов.). Въ житїе слѣпый нощь помышлялъ, возопи къ тебѣ: гдн, ѿтвѣрзи ми зѣницы, сне дѣдовъ, спсе нашъ, да со всѣми воспою твою силѹ (ЦТ, 5 нед. по П., Веч.).

5: Когда Ковчег Завета был перенесен в Иерусалим, Давид радовался и плясал перед святыней (2 Цар. 6.14-16). Гимнографы рассматривают это событие как прообраз радости о воскресении Христа (см. **ковчегъ**): **Бг҃о ѿцъ**

оұбен дѣдъ пред сѣннымъ ковчегомъ скакаше нграј, людие же вжин стїи, образыть съигти зраче, веселымса вжественнѣ, таќш воскресе хртосъ (ЦТ, Neg. Пасхи, К., п. 4).

6: Упоминается в связи с грехом Давида (убийство Урии и женитьба на Вирсавии) (2 Царств 11.1 - 12.31). Кающийся грешник уподобляет свой грех и свое покаяние греху и покаянию Давида: Поползожас таќш дѣдъ блудни, и шсквернихса: но шмый и мене, спсе, слезами (ВК, Ср., п. 2). Совокупи оұбен дѣдъ иногда беззаконю беззаконіе, оұбийство же любодѣйство растворивъ, покаяніе сугубое показа абиे ... (ВК, Пн., п. 7). Дѣдъ ... аще и согреши сугубеш, дыше моя, стрѣлою оұбо оұстрѣленъ быивъ прелюбодѣйства, копѣемъ же пачненъ быивъ оұбийства томленіемъ, но ты сама тағчайшими дѣлы недушешини, самохутными стремленими (ВК, Пн. п. 7).

7: Давид — богоизбранный помазанный царь (1 Цар. 16.6): Избрани дѣдъ бысть въ сынѣхъ іессеевыхъ, таќоже іавнілъ еси, помазанъ того мастию, самыле, стю, и взывал: благословите всѣ дѣла гдна... (20 авг. Пр. Самуил, К., п. 9).

ДАНИИЛЪ

1: Пророк Даниил был брошен в ров ко львам, однако дикие звери не тро-нули пророка (Дан. 6.21-22). Предание гласит, что руки Даниила были сложены крестообразно³: Рѹцѣ распострѣъ даниилъ львашъ зілніем въ ровѣ затче ... (11 апр., К., п. 8). Даниила въ ровѣ слышала еси, какъ загради оұстга, и дыше, звѣреи: оұвѣдѣла еси, какъ отроцы иже и азарин погасиша вѣрою пеци пламень горлций (ВК, Вт. п. 8).

2: С Даниилом во рву львином может сравниваться мученик (мученица), укрощающий своих врагов упоманием на Бога: Стоальъ еси таќоже даниилъ посрѣде звѣреи, стыдащи хмл блаженнымъ страсти, и подвигшвъ твоихъ, преображене, неизчѣтнаго величества, живымъ же гласомъ твоимъ заступаemyхъ (17 авг., св. муч. Мирона, К., п. 8). Иже львашъ свазавый стремлением въ ровѣ, спасамъ твоего даниила, невредимъ показаъ еси звѣремъ страстотерпци, поющю ти, влко: Оцъ нашихъ вже, влѣбенъ еси (21 авг., св. муч. Вассы, К., п. 7).

3: См. камень нерукостѣчный и гора, 2: Гора та пророкъ даниилъ вжтвен-нымъ дхомъ нарече, дво: из неаже камень хртосъ без руко ѿсчеса, и сокру-шение содѣла истоканныхъ прелести (9 апр., К., п. 8). Нешпалимъю кѣпинъ та законоположитель, зраче дрѣвлѣ, даниилъ же гора ст҃ю смотряше, едина дво мти влчце (ЦТ, 4 neg. по П., Вс., Утр., п. 4).

ДАФАНЪ см. авиронъ

ДВЕРЬ — дверь, ведущая в Царство Небесное (ср. враты).

1: Наименование Богоматери, через которую Бог пришел в мир (Ср. Иез. 44.1-2): Радыса, двере едина, юже слово пройде едино, верен и враты адвва, влчце ржтвомъ твоимъ сокрушивша (КАПБ, п.3). Храмъ и дверь еси, палата

³ В Библии нет упоминания о крестообразно сложенных руках Даниила.

и престолъ црёвъ, дѣо всечестнамъ: єюже извѣшатель мой, хрото съ гдѣ, во тмѣ спаіцимъ гависъ ... (ЦТ, 3 нег. по Пасх., Сб., Веч., Богород.). Тѣ дверь не проходимъ, и село невоздѣланное и ковчегъ маникъ посланий, и рѣчкъ, и свѣщникъ, и кадильница не вешиственна гоугла, именемъ чистыя (ЦТ, 4 нег. по П., Вс., Утр., К., п. 5). Наученъ бытъ дхомъ прѣрокъ, дверь тѣ провидѣ, єюже вгъ пройде воплощаємъ, шествіе паки запечатанъ, пренепорочна (Сл. мученику К., п. 5). Пройде сквозь дверь непроходимъ, заключенныя оутробы твои, правды сїи, чтия ... (О., гл. 2 нег., Утр., К. Богород., п. 1).

2: проход, ведущий к свету: Мирдїа двери юврэзи наимъ благословенна вѣе, надѣюющися на тѣ да не погибнемъ ... (Молитвослов). Душа, покайся, дверь юврэзеса цѣтвія оуже ... (ВК, Чт., п. 3). Приближаєтса, душа, конецъ, приближаєтса, и передиши, ни готовишиися: время сокращается, востани, близъ при дверехъ судїа есть: тѣкш сониѣ, тѣкш цѣтвія, время житія течетъ: что всѣ матемса ... (ВК, Пн., п. 4). Дверь твою не затвори мнѣ тогда, гдѣ, гдѣ: но юврэзи ми сїю кающемсяа тѣбѣ (ВК., Ср., п. 2).

Деніръ — место, где Навуходоносор поставил золотого истукана (Дан. 3.1). Упоминается в текстах, посвященных трем отрокам в печи огненной (См. Отроки): Маскійскимъ органамъ согласующимъ, и людемъ безчѣс-леннымъ покланяющимъ образъ въ денірѣ, три отроцы не повинувшеся, гдѣ воспѣвавъ ... (Сл. апостолу К., п. 8, ирм.). Образъ златомъ на полѣ денірѣ сложимъ, трите твои отроцы не брегоща безброжнаго велѣнія, посредѣ же огня вверженіи, юрошашемъ поль ... (Сл. преподобному, К., п. 7).

Домъ см. жилище

дрѣво

1: Крест как орудие казни: и на оуды раздробляеми, и огнёмъ сшибаеми, и желѣзными ногты терзаеми, и на дреѣ повешаеми, и мечемъ сшибаеми, не ювергостеся храта, стrottотерпнцы прехвальни. тѣмже прѣасте вѣнецъ побѣды, венцы мчнцы преображеніи, трцы покорнцы (Сл. мученикам, стихир. на хвалит.).

2: Древо познания (Быт. 2.9) — прообраз Креста. Оно находилось "посреди рая", подобно тому, как Крест Христов — центр нового духовного рая. (См. адамъ): Древомъ дреѣлѣ смртъ юрѣтбомъ ... (ПТ, 5 нег. В.П., Вт., стих. на ГВ). Древо изгна мѧ из рая ... (О., 7 гл. Вт., Веч., стихир.. на ГВ).

3:⁴ Крест Христов: ... дреѣомъ же нынѣ крѣтнымъ юправдаася, вхожденіе въ рай, и сладости воспрѣятіе (О., 7 гл., Пт., Утр., К., п. 6). Вѣлѣе чудо, дреѣво

⁴ Тексты часто строятся на сопоставлении значений 2 и 3: Древо преславшанія мірови смртъ взрасты, дреѣво же крѣта животъ и нетѣлѣніе тѣмже тѣбѣ поклоняющися распеншемъ гдѣ, да знаменуетса на насъ свѣтъ лица твоего гдѣ ... (ЦТ, 4 нег. по Пасх., Чп., Веч., стихир. на стихов.).

відитса, на нěмже хртосъ вóлею распáтсѧ плóтию: поклоняется міръ, и просвѣщáемъ взываєтъ: ѿ кртѣ сіло, и зримый дёмыны палитъ, и воображеніе сиъ пала гавлаетса оублажаю тѣ, пречистое дрео, почитаю и поклоняюся со страхомъ, и бга славлю, твою даровавшаго мнѣ жиынъ безконечнѹю (ПТ, 4 нег. В.П., Пн., стихир. на ГВ).

4: Древо жизни — то, к чему стремятся и чего достигают праведники: Несравненнымъ желаніемъ, всевогатам, дреу возжелѣвшіи поклонитися животномъ, сподобилася еси желаніемъ, сподоби оубш и мене оулчить вышнѧя славы (ВК, Чт., п. 5). Претерпѣвшее мученія, и раны тѣлесныя, различными образы, сокрушеніе же оудшвъ, и опаленія, небесная селенія наслаждовасте, наслаждшеся дреа животнаго, досточувднїи (Сл. мученикам, К., п. 4).

ЕДИМЪ см. ІСАВЪ

Ева — жена Адама, праматерь всех людей.

1: Приводится как антитеза Богоматери: в результате ослушания Евы в мир приходит смерть и люди изгоняются из рая; послушанием приснодевы Марии люди вновь обрели рай и спасение: Ева оубш недугомъ преслушанія клатвъ вселила есть: ты же дво вѣ, прозвѣніемъ чревоношенню мірови благословеніе процвѣла еси (22 авг., К., п. 9). Изблева евы во ошы гдъ душетлѣнnyй листѣцъ и враждебникъ: хртѣ рождши, бгомати, сегу вредъ исцѣлила еси (6 мрт., К., п. 1). Оуслыша ева прамати чистам: въ печалѣхъ родиши чада. ты же, дево, оуслышиала еси: гдъ съ тобою, радуйся, и радованымъ гласомъ, бгомевѣсто, печаль праматере потрѣбльши (2 мрт., К., п. 1).

2: С Евой сравнивается грешная душа человека: Вмѣсто євы чистыныя мысленна ми высть єва, во плоти страстный помыслъ, показуя сладкам и вкушамъ прнш горькаго напоенія (ВК., Пн., п. 1). Оубви мнѣ шкаинна даше, что оуподобилася еси первѣй євѣ; Видѣла во еси элѣ, и оуззвиша еси горцѣ, и коснулася еси дреа и вкусила еси дерзостнш безсловесныя сиѣди. (ВК., Пн. п. 1).

ЕГУПЕТЪ

1: Упоминается в связи с казнями египетскими (Исх. 7.14-12.33): Чудо показалъ еси, воду въ винѣ прешедшю, во египтѣ рѣки преложивай влко въ кровь, и мертвым воскресилъ еси, знаменіе сие второе скончавъ ... (ЦТ, 4 нег. по Пасх., Вс., Утр., п.1).

2: Исход из Египта в гимнографии рассматривается как избавление от служения злу и греху ("работа вражия" — "работа египетская"): Поразивый египта, и фараона мучитела погрязивый въ мори, люди спасль еси из работы мицесейски поюыша прѣснъ побѣднѹю: гакъ прославися (ЦТ, 4 нег. по Пасх., Вс., Утр., К., п.1). Воду прошедъ гакъ сушу, и египетскаго эла избѣжалъ, ильтанинъ волїаше: избавителю и вѣ нашею поимъ (12 апр., К., п.1). Люди хртосы оупасше прѣвнїи, египетскїи лесты ѿбѣгше, вавилонна страстина гибѣгли есте, сиына вышнаго ѿбѣгтише жилище во всл вѣки (Сл. святителям многим, К., п. 8)

ЕГУПТЯНАИНА см. **АГАРЬ**

ЕЛІССЕЙ — пророк, ученик Исаии

1: Елисей исцелил от проказы сирийского военачальника Неемана (*4 Цар. 5.1-14*). С Елисеем может сравниваться святой, исцеляющий от болезни: Твоимъ, преподобне, дивлъшеся чудесемъ многимъ, взываэмъ согласиши: радиися еліссеи новый, неувѣрѹющаги искрѣніиый ѿ проказы, тѣкъ неемана, и ѿ твѣтѣ пѣсни Отроческю воспѣть: благословенъ вгъ ф҃цъ нашихъ (*17 авг., Алипий Печерск., К., п. 7*).

2: Кусок дерева, при помощи которого Елисей вытащил утонувший топор (*4 Цар. 6.1-7*), знаменует Крест Христов, спасший род человеческий от греха и смерти: Гради еліссеи пророче, рцы твѣтѣ, что дреово оное, єже въ водѣ вложиіль єси крѣхъ хрѣтовъ, имже ѿ глубини тли извлекохомся, томъ покланѧющеся вѣрни во вѣки (*ПТ, 3 нег. В.П., Вс., К., п. 8*). Сѣкира, ѹже еліссей взя ѿ ѿрдана, хрѣте, крѣхъ гавлѣше, имже изъ глубини светла газыки извлѣклъ єси ... (*ПТ, 4 нег. В.П., Ср., Утр., К., п. 7*).

3: Во время вознесения Илии на небо Елисей вдвойне принял дух, который был на Илии (*IV Цар. 2.1-9*). Имя Елисея может приводиться как пример получившего благодать: еліссей иного да прїемъ милость иліи, прїатъ сѹзѹю блгти ѿ бга: ты же, ѿ душѣ мої, сеѧ не причастілася єси блгти за невоздержаніе (*ВК, Пн., п. 8*). ѿрданова струга пеरвѣе милостю иліиною еліссеемъ ста сюдѣ и сюдѣ. ты же, ѿ душѣ мої, сеѧ не причастілася єси блгти за невоздержаніе (*ВК, Пн., п. 8*).

ѢЛЛИНЪ, ѢЛЛИНСКІЙ — наименование язычников и языческих реалий: Разорилъ єси вѣю благодатю Ѣлинскам приношеми ... мучениемъ скончался єси за хрѣта, законни пострадавъ (*Сл. мученику, К., п. 7*). Ѣлинская жертвица, и вѣсвѣская ѿполченія, ѿржіемъ страданія низвергoste, и принесостеся въ црковь небесную, всесожжениемъ ѿдышевленна, мчицы преображеніемъ (*Сл. мученикам многим, К., п. 3*).

ЖЕЗЛЪ

1: Символ власти (в первую очередь святительской). Часто употребляется по отношению к святителям и апостолам: Жезлъ сїлы стражавшій, крѣхъ сна твоегѡ, вѣ: тѣмъ низлагаемъ враговъ шатанія ... (*Сл. Святителям многим, Крестобогор.*). ѿ хрѣтвы цркве преблжениіи, ѿгнасте мысленныя волки, жезломъ велѣній вашихъ: и сю ѿкрестъ ѿградисте словесною твердостю... (*Сл. Святителям многим, стихир. на ГВ*). Жезлъ сїлы имѹще крѣхъ твой, житїа самовидцы твои, слобе, сланое море пресвѣтія, ... смираще многобожїа вѣды (*Сл. Апостолам, К., п. 1*). Жезломъ вѣры ѿгномъ єресей ловитвы, и союзомъ любви спрягъ стадо твоє, надеждею и вѣрою сохраняеши небрѣдно (*Сл. священномуученику, К., п. 5*).

2: **жезлъ Аарѡнъ** (см. **Аарѡнъ**, 2) был в числе других жезлов положен в Скинию перед Ковчегом Завета. Жезл Аарона "пустил почки, дал цветы и

принес миндали" (Числ. 17.1-11). Предание рассматривает проросший жезл Аарона как прообраз Богоматери, из которой произошел "цвет жизни нашей" (Христос): Там величаемъ вѣце, вопиюще: радиися же зле, и неожже безсѣменниш бѣ прозлый, погуби на дреѣ смѣрть (Часослов, богород.). Оудивися іѡніфъ, єже паче естества зря, и вишиаше мыслю иже на руно дождь, въ безсѣменномъ зачатии твоемъ вѣце, купинъ отнемъ неспалимъ, же зль аарновъ прозлышъ, и свидѣтельствуа ѿбрѹчникъ твой и хранитель, сщеннікъ взываше: два рождаєтъ, и по рожтвѣ паки двою преевываєтъ (ЦТ, 4 нег. по Пасх., Вс.).

3: **ЖЕЗЛЪ МШУСЕЕВЪ, ЖЕЗЛЪ СІЛЫ** - восходит к Исх. 14.16: Моисей поднял жезл, воды моря расступились и израильтяне прошли через море, чтобы достичнуть Синая. Жезл Моисея - прообраз Креста, т.к. с помощью Креста верующие преодолевают искушения и достигают спасения: **Мшусеевъ же злъ вошбражай, душе, оударюши море и ѿгустѣвай глыбинъ, во ѿбразъ крта бжтвеннаго, имже можеш и ты великам совершити.** (ВК., Вт., п. 6). **Жезлъ прошбражаше крта побѣдъ, море стѣкши, имже мы вѣрою непотопленны преплаваемъ житїа вѣдъ непостоимъ** (ПТ, 4 нег. В.П., Пт., Утр., К., п. 1). **Жезломъ силы, прошбраженнымъ мшусею, море страстей преѣкающе, достигнемъ къ земли ѿбѣтованїя, и манны мысленныя насытимся вогати** (ПТ, Вт., Утр., Трипесн. п.2). **Жезлъ силы имуще кртъ твой, рабъ твой морское море пропадша: иже всели въ гору твою, гди, въ ней же содѣлалъ еси стыни** (О., гл. 4, Сб., Утр., К., п. 4). **Мшусеевъ же злъ прошбражаше чтній кртъ твой, спсе нашъ: тебъ во спасении тѣкш и зъ глыбины морскія, люби твой, чловѣколюбче** (О., гл. 8, Ср., Утр., стихир. на стихов.).

4: см. **КАМЕНЬ**, 5.

ЖЕНИХЪ - наименование Христа, основывающееся на многих местах Евангелия тѣкш невѣста оукрасилася еси добротою, ѿбрѹчиши же женехъ страданьми добротворными: виѣтъ же чертогъ свѣтловидныхъ тѣкш извѣрннал вселилася еси, но сачи свѣцъ дѣственныю. и мынѣ цѣтвѣши съ живущими во вѣки, имрекъ, сѧюши. (Сл. Преподобномуученице, К., п. 9). **Въ чертогъ вышнаго цѣтвѣла ѿдѣланъ вшель еси достойно, и восклонився съ женіхомъ, преподобнѣ, на трапезе невещественныхъ сладости** (7 апр., Прп. Георгия Мелитинского, К., п. 7). **Щеснью спса предста два, и стѣтотерпца и мчнца, имрекъ, ѿдѣлна добротѣтельми, неповѣждена, и презкрѣшена єлеемъ чистоты и крѣпко страданіемъ, и вопиющи къ нему радостнѣ, свѣцъ держащи: въ воню мѣра твоегу текохъ, хрѣте вѣже, тѣкш оулзвиҳса твоему любовию Ѣзъ, не ѿлагчи мене, женишѣ небесный.** (Сл. мученице, стихир. на ГВ).

ЖИЛИЩЕ (по отношению к прославляемому святому) - вместилище чего-либо (благодати, Св. Духа и т.д.): **Сщенніе жилище во многихъ пользѣ вѣтъ воздвигла еси, вывши храмъ стағи да веемѣдрамъ, чистотою душевною, и пътеводствила еси душы къ полезнымъ подвигамъ постыднымъ, и принесла еси сїа тѣкоже вѣно спѣны, и имрекъ, вѣцъ** (Сл. преп. жене, стихир. на стихов.).

Домъ и жилыце даха престагш, премудре, имрекъ, въиъ ёси: тѣмже и насы
домы тогу содѣлай, ствою памятъ почигающихъ (Сл. юродивым,
стихир. на стихов.).

Закхе́й см. мытарь

Земля

1: Подобно тому, как земля принимает семя и растит колосья, святые принимают в душу божественное Слово и своей подвижнической жизнью дают плод: Сердечными раздами съма вѣстественое прѣла ёси, тѣкъ земля тѣчна вѣгодѣхновенна, и сторицю воздающамъ мѣчениа класъ, прозлѣла ёси вонс-тины: и въ житицахъ мысленныхъ сорваласъ ёси, силою даха тѣ претворившагш и измѣненемъ лѣшинъ измѣнившагш вѣгодатію, єндоис вседѣльнаа. (1 мрт., стихир. на ГВ).

2: земля, нива нѣврѣнна — одно из наименований Богородицы; тѣкъ мти всѣхъ творца, тѣкъ вѣтвенный храмъ вседержителя, тѣкъ земля нѣврѣнна, недѣланый класъ прозлѣшамъ, дво мти, вѣрны воплощымъ сохраніи: вѣгословіте всѣ дѣла гдна гда. (11 апр. К., п. 8). Класъ прозлѣшалъ вѣстственный, тѣкъ нива нѣврѣнна тѣвѣ, радѹиса, ѿдушевленнаа трапезо, хлѣбъ животный вмѣшишамъ: радѹиса ... (КАПБ, п. 3).

3: земля ѿбѣтованія — земля Ханаанская может пониматься как прообраз Богоматери: Радѹиса, земля ѿбѣтованія: радѹиса, из неаже течётъ мѣдъ и млечо (АПБ, Икос 6).

4: просвѣтити землю, научити концы земли — выражения, встречающиеся в текстах, посвященных апостолам (Деян. 1.8): Лучъ тѣкъ солнце правды испуститъ та христосъ, просвѣтити всю землю, апле славный, имрекъ, вѣстственнымъ твоими молитвами ѿзареши (Сл. апостолу, сег. по 2 кафисме). Оловиевъ апль славный, и научивъ концы земли, тесбъ кланяется со фцемъ и дахомъ, хрѣтѣ вѣже (Сл. апостолу, Утр., сег. по 1 каф.).

Продолжение следует

Рубрику ведет А.Г.Кравецкий

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Славяноведение, № 4

Руска емиграција у српској култури XX в. Зборник радова. Т. I, II/Природили М. СИБИНОВИЋ, М. МЕЖИНСКИ и А. АРСЕЊЕВ. Београд, 1994. Т. I. 314. С. Т. II. 326 С.

Русская эмиграция в сербской культуре XX в. Сб. статей. Т. I, II/Под ред. М. СИБИНОВИЧА, М. МЕЖИНСКОЙ и А. АРСЕНЬЕВА

Перед нами двухтомное издание, объединившее усилия научных работников, историков культуры, науки и религии, библиографов и просто людей, увлеченных попытками раскрыть ту широкую и разностороннюю роль, которую сыграла русская послеоктябрьская эмиграция в культуре Сербии XX в. Русская колония в Белграде была, как считают специалисты, одной из самых многочисленных в Европе, после парижской и пражской. Кроме того, немало русских эмигрантов осели в Загребе, Любляне и других культурных центрах тогдашней Югославии, а также и в провинции. Сборник, подготовленный с исключительным тщанием и любовью, составлен так, чтобы ни один аспект взаимодействия родственных по языковой традиции, но в то же время разных по своим историческим истокам культур не был упущен. И в самом деле, если не зафиксировать сейчас трудную и горькую, но необычайно интенсивную по взаимодействию с нравами, обычаями и историческими обстоятельствами жизни других народов жизнь первой волны русской эмиграции в Европе, то многое будет уже невозможно восместить. Из представителей того поколения, которое покинуло Россию двадцатилетними, сейчас живы немногие. Зато живы их дети, и среди них есть самоотверженные энтузиасты, хранящие коллекции предметов старины и искусства, письма, документы, архивы, записные книжки не только своих родных, но и друзей, знакомых, с которыми их свела судьба. Многих из них, носящих русские фамилии или породнившихся с сербскими семьями, мы найдем среди авторов двухтомника рядом с исследователями — коренными уроженцами Белграда, Нови Сада и других городов Югославии. Основой для публикаций послужили материалы научной конференции «Вклад русской эмиграции в развитие сербской культуры XX века», состоявшейся на Филологическом факультете Белградского университета в апреле 1993 г. при участии Сербской Академии наук и искусств, музеев, библиотек и других научных учреждений Сербии. Возглавил этот коллектив людей, влюбленных в

русскую культуру, известный славист, профессор Белградского университета Миодраг Сибинович.

В конце второго тома помещена выборочная библиография по деятельности русской эмиграции на Балканах, главным образом в Сербии, включающая книги, брошюры, сборники документов, памятные издания, приуроченные к юбилеям, мемуары, а также основные журнальные и газетные публикации. Именно эта, заключительная часть труда о вкладе русской эмиграции в сербскую культуру XX в., составленная, как и именной указатель с приложением кратких биографических сведений, уникальным знатоком предмета, потомком эмигрантов, живущим в Нови Саде Алексеем Арсеньевым, дает возможность понять, что нового вносит рецензируемая книга в изучение сложного процесса врастания в культуру и быт балканских народов русской интеллигенции — людей разных возрастов, иногда диаметрально противоположных взглядов, разных профессий, людей, оказавшихся в экстремальных условиях, которые могли выбрать из колеи слабых, а сильным и профессионально подготовленным давали шанс проявить себя с новой, порой неожиданной стороны.

Особенность данного труда — в разносторонности освещения темы. Первый том начинается с раздела методологических и общих культурно-исторических проблем. Редактор издания Миодраг Сибинович определяет свой взгляд на то, как следует освещать вклад русской эмиграции в сербскую культуру XX в.

Констатируя, что русские профессионалы способствовали прогрессу сербской культуры, а во многих ее областях, таких, как опера и балет, сценография, стали основоположниками, М. Сибинович замечает, что столь глубокое восприятие русской культуры стало возможно потому, что сербская культура обладала к тому времени прочной традицией и находилась в фазе интенсивного подъема (Т. I. С. 7). Далее автор отмечает, что влияние русской эмигрантской интеллигенции на духовную жизнь Югославии оказалось столь про-

дуктивным потому, что «для подлинных художников, творцов не было ложной дилеммы «русское, национальное или европейское»... Им, так же как и ведущим личностям сербской культуры, было ясно, что единственный путь к историческому существованию и процветанию — развитие национального, в том числе и славянского, в неразрывной связи с достижениями других народов Европы и мира» (Г. И. С. 10). Упомянув, что первой систематически выстроенной книгой о русской эмиграции является монография О. Джурича «Русская литературная Сербия» (1990), М. Сибинович называет ряд других работ, авторы которых — А. А. Арсеньев, С. Топич и М. Йованович, представлены в I томе рецензируемого труда. Во введении упоминаются выполненные на современном уровне научные работы сербских исследователей — О. Миланович, И. Лукшич, П. Марковича, американского профессора В. Маевского, а также статьи В. Козлитина, В. Косика и К. Никифорова, опубликованные в журнале «Славяноведение».

Как полагает М. Сибинович, уровень этих работ позволяет надеяться на то, что в дальнейших исследованиях будет достигнута высокая степень обобщения и открыты новые факты. Следующие за введением работы первого раздела I тома освещают деятельность в Югославии в период между двумя мировыми войнами русских школ, русской православной церкви, русских теологов и религиозных философов, объединений русских художников и ученых. Принципиальное значение имеет публикация статьи М. Стойнич «Белградский центр русской эмиграции — посредник между сербской и русской и сербской и европейской литературами». Второй раздел I тома включает проблематику, связанную с развитием науки, техники, здравоохранения, образования и архитектуры. Статьи здесь строятся преимущественно по монографическому принципу. Поражает весомость вклада не только в сербскую, но и в русскую и европейскую науку, сделанного византологом Г. Острогорским, историком В. Мошиным, правоведом Ф. Тарановским, историком права А. Соловьевым, историком искусства Н. Окуневым, специалистом по палеославистике С. Кульбакиным, лингвистом К. Тарановским и их коллегами, представляющими теоретическую физику, астрономию, авиацию, медицину. В особый раздел по справедливости выделена деятельность русских архитекторов, немало способствовавших в 20-е годы украшению столицы Сербии.

Необычайно богат и фактами, и новым подходом к некоторым, казалось бы, уже известным явлениям том II, представленный статьями о литературе, живописи, об успехах театрального и музыкального искусства.

Здесь в первую очередь обращает на себя внимание статья З. Паунковича «Отклики в белградской и загребской печати на участие Мережковского, Зинаиды Гиппиус, Куприна, Чиркова и Зайцева в Съезде русских писателей». Эта презентативная встреча писателей и журналистов русского зарубежья состоялась в Белграде в

1928 г. Пророчески звучат слова Мережковского о неизбежности второй мировой войны, об опасности большевизма для Югославии, о том, к чему может привести обострение отношений между сербами и хорватами. Говоря о силе русского искусства, писатель утверждает, что русские эмигранты духом своим проникают в психику народа, на территории которого находятся. Несомненный интерес представляет статья С. Костича «Русские критики-эмигранты о поэзии В. Маяковского (1921—1941).

Одна из самых интересных страниц участия русской интеллигенции в культурной жизни Белграда и других городов Сербии — развитие театра во всех его проявлениях. Множество малоизвестного материала преподносит содержательная работа Н. Мосусовой «Русская артистическая эмиграция и музыкальный театр в Югославии между двумя мировыми войнами». О. Миланович, автор монографии о творчестве выдающегося сценографа, оформлявшего и драматические, и оперные, и балетные спектакли в Югославии, а затем во Франции, В. Жедринского, на этот раз выступает с обзором вклада русских художников в развитие сербской сценографии. Спектаклям часто сотрудничавшего с В. Жедринским режиссера Ю. Ракитина, склонного к сценическому гротеску, посвящены две статьи — строго академичная П. Марьиновича и написанная с увлечением Б. Косановича, где речь идет о пьесах А. Н. Островского в трактовке Ракитина. Сотрудницы белградского театрального музея О. Маркович, Д. Чолич, К. Шкулевич-Маркович, В. Петрович пишут о русских любительских труппах, о роли русских певцов и танцоров в становлении профессиональной оперы и балета в Белграде. Балетмейстер М. Йованович подробно исследует искусство волшебницы белградской балетной сцены Елены Поляковой.

В заключение отметим, что все статьи двухтомника снабжены краткими аннотациями на русском языке, над которыми трудились М. Межинская и В. Борисенко.

Два тома под общим названием «Русская эмиграция в сербской культуре XX века» оставляют, при всей вынужденной краткости изложения, впечатление серьезного аналитического труда, объединенного общей концепцией.

Немало предложений возникает после их прочтения. Первое, перевести ее на русский язык, разумеется, в скромном издании, без иллюстраций. Второе, возможно, подождать более обширного, иллюстрированного сербского издания. Третье, перевести отдельные статьи для наших журналов. Все это, конечно, осуществимо.

Главное чувство, которое все укрепляется по мере знакомства с материалом — чувство глубокой благодарности людям, которые с такой бескорыстной любовью открывают нам глаза на вклад наших соотечественников в европейскую культуру. А мы об этом знаем так мало. Мы по-прежнему ленивы и нелюбопытны.

© 1995 г. Ваганова Н. М.

А. А. УЛУНЯН. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига, 1877—1878 гг.
М., 1994. 218 С.

В советской и болгарской историографии имеется немало работ, посвященных освобождению Болгарии от многовекового османского ига с помощью России. Однако до сего времени в отечественной литературе не существовало труда, где бы в популярной форме, на высоком научном уровне раскрывались все аспекты этой многосторонней проблемы — социально-экономические, политические, военные, общественно-культурные.

А. А. Улунян поставил задачу рассмотреть роль России в освобождении Болгарии и воссоздании Болгарского государства. На основе широкого круга источников (опубликованных и архивных документов, прессы различных направлений, мемуаров и дневников), отечественной и зарубежной литературы автор освещает указанные проблемы в широких тематическом, хронологическом и географическом ракурсах. Раскрываются помощь России национально-освободительному движению болгарского народа, русско-болгарское боевое содружество с начала XIX в., что позволяет увидеть в развитии русско-болгарские отношения и понять истоки их кульминационного периода — русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Ярко рассказано о роли России в развитии болгарской культуры, создании кадров национальной интеллигенции в период Болгарского возрождения. В работе дается также достаточное представление о ходе, характере, формах и движущих силах болгарского национально-освободительного движения, о его замечательных деятелях — Г. Раковском, В. Левском, Хр. Ботеве.

Болгарское национально-освободительное движение рассматривается в книге не изолированно, а в тесной связи с антиосманской борьбой других балканских народов, подчеркнуто, что оно имело внутренние причины и являлось результатом развития буржуазных отношений на Балканах и разложение феодальной системы.

Большое место в работе удалено Восточному кризису 70-х годов XIX в. и усилиям России решить болгарский вопрос мирным путем с участием других европейских держав. Убедительно показано, что Англия и Австро-Венгрия не поддержали справедливых требований восставших народов об автономии или независимости. А. А. Улунян подчеркивает, что только Россия защищала их интересы и, исчерпав все попытки урегулирования конфликта, вынуждена была объявить войну Турции.

Центральная глава книги — третья — посвящена русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Значительный интерес здесь представляют приводимые автором материалы о героизме русских солдат, русско-болгарском боевом сотрудничестве и помощи болгарского народа русской армии. Эти

факты опровергают утверждения некоторых историков о пассивности болгар во время войны. А. А. Улунян приводит большой фактический материал о горячей поддержке болгарским населением действий русской армии (разведывательная деятельность, сбор информации о войсках противника, создание вооруженных отрядов, действия болгарского ополчения в составе русской армии, снабжение ее продовольствием и транспортом, перевозка раненых и др.). Представляет интерес и рассказ о поведении в Болгарии русских солдат, об их взаимоотношениях с населением, о гуманной политике в отношении турок — как пленных, так и мирных жителей. Автор не уходит и от освещения негативных сторон в действиях русского командования, выражавшихся в стратегических, тактических и кадровых просчетах, недостатках в снабжении армии, военно-санитарном деле, недооценке болгарского партизанского движения и др.

В работе хорошо представлена дипломатия России после войны 1877—1878 гг., показана роль русского гражданского управления, созданного на освобожденных болгарских землях, в становлении болгарской государственности.

А. А. Улунян осветил позицию русской общественности в Восточном вопросе, обрисовал сознание широких народных масс России освободительной борьбе братских народов. Через весь труд красной нитью проходит мысль о том, что Россия объективно сыграла прогрессивную роль в судьбе болгарского и других балканских народов, способствуя их избавлению от национального гнета и переходу на путь национально-буржуазного развития.

В работе А. А. Улуняна имеются, на наш взгляд, некоторые пробелы. Так, недостаточно сказано о спорах в правящих кругах России о статусе будущей Болгарии (как известно, в ходе войны программа по болгарскому вопросу менялась — от двух административных автономий к единой Болгарии с предоставлением ей политической автономии). Читателю было бы интересно также знать, как формулировался этот вопрос в условиях Адрианопольского перемирия и Сан-Стефанского договора. Следовало бы больше сказать о стратегическом плане войны Н. Н. Обручева.

Книга А. А. Улуняна — добротная работа, в доступной популярной форме, с привлечением множества ярких фактов освещавшая одну из знаменательных страниц истории русско-болгарских связей.

© 1995 г. Хевролина В. М.

S. TEJCHMANOVÁ. *Rusko v Československu (Bílá emigrace v ČSR 1917—1939)*. Praha, 1993. 60 S.

C. ТЕЙХМАНОВА. Россия в Чехословакии (Белая эмиграция в ЧСР 1917—1939)

Книга, к глубокому сожалению, недавно ушедшей из жизни Светланы Тейхмановой посвящена весьма популярной в последние годы теме истории российской эмиграции «первой волны». В этой небольшой по объему работе сконцентрирован огромный фактический материал, собранный автором в пражских архивах и библиотеках. Книга написана в жанре очерков, без научного аппарата, хотя полностью основывается на документах архивов Федерального министерства иностранных дел, Национального музея, Карлова университета, Государственного центрального архива и литературного архива «Памятник национальной письменности». Автор использует как эмигрантскую литературу межвоенного двадцатилетия, так и новейшие публикации по теме. Работа состоит из введения, шести глав, заключает ее список литературы и источников. Во введении С. Тейхманова определяет само понятие «русская эмиграция», обрисовывает ее основные центры, в сжатой форме дает историографию вопроса. Первая глава под названием «Состав эмиграции» затрагивает политическую ориентацию различных кругов российской эмиграции в ЧСР. Автор приходит к выводу, что русская политическая эмиграция была представлена в Чехословакии весьма репрезентативно: начиная с монархистов, и кончая социалистами. Однако надежды как правого крыла эмиграции на конфликт Запада с СССР, так и левого — на восстание внутри России и эволюцию большевистского режима — оказались иллюзорными. Вторая глава повествует о политических организациях эмигрантов: монархисты были сосредоточены в Галлиполийском землячестве и Русском национальном объединении, кадеты — в Объединении русских эмигрантских организаций. В Чехословакии существовал ряд казачьих союзов и объединений, таких как Административная комиссия русских земледельцев, Общеказачий сельскохозяйственный союз, Союз возрождения казачества, Общеказачья студенческая станица, Донская казачья станица. Все они ориентировались на будущую демократическую Россию с федеративным устройством. К демократическим организациям автор относит и земледельческие, такие как Русская земледельческая партия, Всерусский земледельческий союз, а также Русский демократический студенческий союз. В Праге обосновался центральный комитет 9 заграничных групп эсеров, так называемая делегация. Одна из правых групп эсеров во главе с С. С. Масловым и А. А. Аргуновым перешла на аграрную платформу и создала новую партию «Крестьянская Россия». Другая группа эсеров основала «Социалистическую лигу нового востока». Правые эсеры заняли ведущее положение в руководстве крупнейшей благотворительной организации — Зем-

гора. Левые эсеры вместе с меньшевиками объединились в Социалистический клуб. В третьей главе приводятся интересные сведения о развитии просвещения, науки и техники русскими эмигрантами: 60% всех русских студентов-эмигрантов получали образование в Чехословацкой республике — как в специально созданных русских вузах, так и в чехословацких высших школах. В Чехословакии существовали две русских гимназии, сеть детских садов и яслей. Русские педагоги были объединены в союз. Для повышения их квалификации был образован Русский педагогический институт им. Я. А. Коменского. В Праге сформировался своеобразный научный центр, были созданы научные институты, исследовательские кабинеты, архивы. Признанные авторитеты объединились в Русскую академическую группу. Активную деятельность развивали Историческое и Философское общества, союзы русских врачей, агрономов, инженеров. Четвертая глава посвящена русскому искусству за рубежом. В ней рассказывается о живущих в Чехословакии писателях, журналистах и их объединениях, повествуется о русских художниках-эмигрантах, устраиваемых ими выставках, приводятся примеры архитектурных решений, принадлежащих российским эмигрантам, описывается театрально-музыкальная жизнь эмигрантов в Праге и провинции. Особое внимание автор уделяет празднованию «Дней русской культуры», приуроченных ко дню рождения А. С. Пушкина. Пятая глава характеризует основные эмигрантские издания, публиковавшиеся в Чехословацкой республике. В ней анализируется работа эмигрантских издательств, таких как «Наша речь», «Пламя», «Славянское издательство», «Хутор», «Крестьянская Россия», Комитета русской книги. С. Тейхманова подчеркивает, что важными культурными институтами стали библиотеки и читальни, где были собраны богатейшие книжные и журнальные фонды. Большая часть их в настоящее время находится в Славянской библиотеке в Праге. Последняя глава монографии знакомит читателя со светской жизнью русских в Праге и ее окрестностях, рассказывая о вечерах, праздниках, спортивных турнирах, церковных службах.

Эта монография является первой попыткой обобщения истории российской эмиграции в ЧСР. Особенно ценным для российских читателей и исследователей является документальная основа книги, использованные автором материалы чешских архивов и периодики. Выводы автора самостоятельны и обоснованы. Читается книга легко и с большим интересом.

М. Ф. ФАЙНШТЕЙН. «Усовершить и возвеличить слово наше...» (Словарное дело Российской Академии 1733—1841). СПб., 1994.

Новая монография М. Ф. Файнштейна (ПФА РАН) рассматривает развитие словарных работ Российской Академии (1783—1841), в которых принимали участие не только видные деятели русской науки и культуры (Е. Р. Дашкова, А. А. Нартов, А. С. Шишков, А. Х. Востоков и др.), но и зарубежные филологи из славянских (Чехия, Словакия, Сербия, Польша, Хорватия) и неславянских (Германия, Италия, Франция) стран.

Автор, используя широкий круг малоизвестных архивных документов, детально характеризует главные результаты плодотворной деятельности Академии: Словари академии российской (1789—1794) и (1806—1822), Русско-французский словарь К. Ф. Рейфа, Общеславянский этимологический словарь, Корнеслов русского языка Ф. Шимкевича, Словоизводный словарь С. Б. Линде, Словоизводный «Тезаурус» А. С. Шишкова, Морские словари А. С. Шишкова, Минералогический и химический словари В. М. Севергина, ботанические словари И. И. Мартынова и др.

М. Ф. Файнштейн заключает, что создание эталонных словарей Российской Академии было главным направлением ее деятельности на первом этапе (1789—1822). В них были определены принципы «академической» лексикографии, разработана система толкований слов русского языка, которая легла в основу всех последующих словарей.

Второй период (до 1841 г.) был связан с воп-

лощением в жизнь словарной программы Устава 1818 г. под руководством последнего президента Российской Академии А. С. Шишкова: тогда составлялись этимологические, азбучные и терминологические словари. Причем работа над общеславянским этимологическим словарем вышла за рамки Академии — в ней участвовали не только русские, но и другие славянские филологи: чешские и словацкие ученые В. Ганка, Ф. Челаковский, П. Й. Шафарик, польский лексикограф С. Б. Линде, сербский просветитель В. С. Караджич. В этот период словарные работы Академии приняли поистине всеевропейский размах.

Не менее важен вывод автора о том, что словарный опыт Академии не прошел даром, он был использован при создании Словаря церковно-славянского и русского языка (1847), в словарных работах ведущих российских филологов: И. И. Срезневского, Я. К. Грота, А. А. Шахматова, а также В. И. Ягица.

Монографию завершают объемные приложения — публикации редких архивных документов: писем, записок, «мнений» ведущих российских лексикографов, наконец, правил для составления Алфавитного словаря Российской Академии.

Книга М. Ф. Файнштейна представляет несомненный интерес как для специалистов филологов и историков, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей отечественной науки и культуры конца XVIII — первой половины XIX в.

© 1995 г. Досталь М. Ю.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Вторая проза» (Русская проза 20—40-х годов XX века)
Москва, 19—22 декабря 1994 года

Конференция «Вторая проза», которую организовали Комиссия по комплексному изучению художественного творчества при Совете по истории мировой культуры РАН, Slavisch Seminarium Universiteit van Amsterdam, Universita degli studi di Trento, Dipartimento di scienze filologiche e storiche — это случай, который давно ожидался и тем самым внутренне и незаметно готовился. Давно высказывались мысли о необходимости последовательного и системного изучения массива прозы XX в., занявшей обширное пространство и во «внутренней» и во «внешней» России¹. При постоянно растущем числе исследований русской прозы XX в., переизданий и публикаций, извлекаемых из неизвестности, сохраняется дефицит если не координации усилий (это, к сожалению, мало реально), то по меньшей мере некоего общего направления, которое дало бы возможность подступить хотя бы к систематизированной регистрации текстов (первоочередная задача). В дальнейшем можно было бы надеяться на большую точность спецификации — жанровой стилистической, «групповой» и т. п., на более последовательные и подробные характеристики по выработанным критериям и т. д. В идеале (пусть и недосягаемом) это должно бы было привести к тому, чтобы *каждый текст* нашел свое, только ему определенное место в общем корпусе русской прозы.

Стимулом, а более точно — причиной, приведшей тему в движение, явилось столетие со дня рождения Леонида Ивановича Добычина (октябрь 1994 г.)², прозаика, прошедшего испытания своего времени и своего литературного поколения (и ушедшего из жизни, в которой не было места ни ему, ни его творчеству) и только сейчас возвращающегося, но (пока?) в узкий читательский круг.

Роман Добычина «Герой Эн» дал импульс к изучению «Прозы Эн» как прозы неизвестной или мало известной читателю и исследователю и не нашедшей (пока!) подобающего места в корпусе русской прозы. Рабочим, «домашним» ее называнием у устроителей и участников стало «вторая проза». Удачно это название или нет, покажет будущее. С первого взгляда возникает впечатление, что цифровой элитет имеет оценочное значение, указывая на иерархическое место разбираемой прозы и тем самым как бы отодвигая ее во второй ряд. В каком-то отношении это может иметь основание (но при обязательном учете «перемены мест» — неизбежных перегруппировок как в первую, так и из первой прозы)³.

Однако более сильный смысл определения заключен в том, что, будучи скрытой — часто не по своей вине и уж конечно не по своему желанию — за теми, кто выбился (справедливо или несправедливо) в первый ряд, в том числе и официально признанный и тем самым, как правило (во «внутренней России»), официозный, эта проза была прежде всего другой, т. е. альтернативной. Эта «другость» была определена В. Н. Топоровым во Вступительном слове: «Возможно, что достоинством или, скромнее, удобством этого названия можно считать предполагаемую им *иначесть-другость* и ту *неопределенность-емкость*, которые столь необходимы, когда соответствующая тема экспериментальна, в ряде отношений неочевидна и во всяком случае *открыта*». Итак, «вторая проза» — прежде всего *другая*, и это определение требует уточнения в том, что делает ее *другой*: *другой* и чему-то, находящемуся вне ее, и *другой* изнутри, в соответствии с ее собственными, особыми, присущими только ей свойствами⁴.

¹ С определенным основанием предполагается, что соответствующее изучение поэзии того же времени и места к настоящему моменту продвинулось дальше.

² Для точности: организаторам об этом напомнил А. Ф. Белоусов.

³ Кроме того, это определение, по логике, предполагает увеличение ряда, так что какая-то «Проза Эн» становится «п-ой прозой».

⁴ В. Н. Топоров называет в качестве «точек отсчета» официальную прозу (оговариваясь, что и она существовала в ненормальных для развития литературы условиях), русскую классическую прозу предшествующего столетия и прозу русской эмиграции (поскольку она оставалась неизвестной в России).

О том, как восприняли эту идею участники, свидетельствуют темы докладов и, главное, охватившийся почти неожиданным широкий спектр имен «вторых прозаиков». Пожалуй, самый простой и убедительный способ показать это разнообразие и в то же время некоторое единство — воспроизвести программу конференции, не рефрируя выступления (тем более, что сборник материалов уже в печати, и есть надежда на его выход в этом году):

Б. Н. Топоров (Москва). Вступительное слово.

М. О. Чудакова (Москва). Срединное поле русской прозы советского и досоветского времени.

В. С. Бахтин (С.-Петербург). Л. Добычин: дебют и финал.

А. Ф. Белоусов (С.-Петербург). Жизненный субстрат и литературный контекст (Из наблюдений над романом Л. Добычина «Город Эн»).

Й. ван Баак (Гронинген). Мировоззрение в творчестве Константина Вагинова.

Н. А. Богомолов (Москва). Текстологические проблемы творчества М. Кузмина.

Т. Л. Никольская (С.-Петербург). Вторая «вторая проза».

Л. Ф. Кацис (Москва). «Ленинград» Михаила Козырева (к проблеме построения ленинградского текста).

Д. М. Фельдман (Москва). К вопросу о датировке повести М. Я. Козырева «Ленинград».

К. М. Поливанов (Москва). Биография в прозе Пимена Карпова.

К. Соливетти (Пескара). Романизированная и «кантитопическая» утопия («Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. Чаянова).

Г. Лану (Монреаль — Рим). Австралийская модель мира и книга А. Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии».

О. Я. Обухова (Пиза). Герой-интеллигент в мире разрушающейся культуры («Жизнеописание Лососинова» С. С. Заяцкого).

Х. Саулман (Амстердам). О романе Добычина «Город Эн».

С. И. Гиндин (Москва). Фантастическая и историческая проза 20-х годов Евгений и Иосифа Куниных.

Д. Рицци (Тренто). Художественная проза П. П. Муратова.

Б. Вестстайн (Амстердам). Повествовательная структура романа М. Осоргина «Сивцев Вражек».

С. Гардзюно (Пиза). Михаил Лопатто — прозаик и исследователь пушкинской прозы.

Т. В. Цывьян (Москва). Представление прозы Юрия Одарченко.

О. В. Шиндина (Саратов). Образ сада в романе Вагинова «Козлинная песнь».

С. Г. Шиндина (Саратов). О некоторых особенностях поэтики романа Добычина «Город Эн».

Пожалуй, наиболее ярко заинтересованность в теме проявилась на последнем «закрытом», «организационном» собрании участников этой первой конференции, которая по замыслу должна иметь продолжение в разных направлениях. Здесь действительно кипели страсти, о чем свидетельствуют такие, например, ремарки в протоколе:⁵ «дискуссионный хаос, бурный обмен мнениями, очень

плохо слышно из-за оживленной дискуссии, трудно разобрать и т. п. Как и полагается, тема начала расплазаться, и реакцией на это прозвучали отрезвляющие реплики: «Необходимы жесткие рамки, чтобы не растворилось сердце темы» (В. Н. Топоров) и, не без яда, в ответ на предложение выйти за пределы «второй прозы» — М. О. Чудаковой — «Российское обыкновение — чуть-чуть продолжить».

Эта преамбула приводится не для того, чтобы воспроизвести обстановку конференции, но чтобы «объяснить» ее, если можно так сказать, теоретические итоги и перспективы: предложены достаточно определенно сформулированные программы, высказано много идей. Здесь все это намеренно не сведено воедино — не только потому, что предложения были разными, в определенной части разнонаправленными и даже полемичными. Представляется, что на этом, самом первом этапе, когда только-только объединились совершенно разные «субъекты и объекты» исследования, было бы преждевременным устанавливать слишком жесткие рамки (как сказал В. Н. Топоров, «надо учитывать все позиции участников нашего проекта — внутри нашего круга»). Более целесообразным представляется «принцип воронки»: будущее покажет, что отщедится (конечно, далеко не всегда само собой, а в соответствии с заданными размерами и структурой воронки) из относительно недифференцированного множества.

Это, разумеется, не означает, что дискуссионный хаос перерос в хаос программный. Как будет показано далее, общее направление более или менее определилось, а во главу угла был поставлен прежде всего сбор материала и его регистрация: в идеале речь шла бы о составлении энциклопедического словаря литературы этого времени (индекс авторов с краткими био-библиографическими сведениями; источниковедческая база; учет текстологических проблем; об этом специально говорил Д. М. Фельдман). Эта часть программы, информационная, явилась бы основой или стартом ее аналитической части.

Далее приводятся наиболее разработанные «авторские» программы:

М. О. Чудакова —

I. Принципы определения списка авторов, корпуса произведений, пространственных и временных границ «второй прозы»: переход людей «с именем» начала века в срединное поле советского литературного процесса с ориентировкой на «первую» официозную прозу (Ю. Слезкин, С. Ауслендер); осознанно-теневая, противостоящая официозу проза «нового призыва» (С. Заяцкий, Л. Добычин, М. Козырев, Н. Шестаков); рукописная «безвестная» (в отличие от рукописной «известной») проза (Я. Голосовкер, Ян Ларри, А. Лосев); временные границы общего поля зарубежной и отечественной «второй прозы» (до середины 20-х годов).

II. Иерархизация отечественного литературного процесса: притча на устах у всех (С. Малашкин, Е. Зозуля); выделение критикой постоянных объектов уничижительной интерпретации и роль этого в структурировании «второй прозы»; «бытописательство» как способ полемики с властью (Пантелеимон Романов); нероманые жанры в худо-

⁵ Его геронически вела М. И. Леньшина.

жественной словесности 20—30-х годов на границе «первой» и «второй прозы» (мемуары В. Пяста, Г. Чулкова и других, проза О. Мандельштама, «Охранная грамота Б. Пастернака, «Перед восходом солнца» М. Зощенко) и роль языка научной (отечественной и переводной) прозы (Д. Джинс, И. Павлов, К. Тимирязев, Н. Колыцов и др.).

Л. Ф. Кацис и К. М. Поливанов —

1. Типы аллюзионности во «второй прозе» (литературная — политическая — с ключом; аллюзия авторская и читательская);

2. Теория прозы у прозаиков и поэтов (например, биологическая и физическая терминология в теории прозы у Мандельштама, слой типографской терминологии и т. п.);

3. «Вторая проза» первых поэтов («Спекторский» — «Повесть Пастернака»);

4. Андрей Белый как основной подтекст прозы (в том числе «второй прозы») 20—30-х годов.

М. Л. Спивак —

Предложения по изучению творчества Андрея Белого⁶.

I. Москва Андрея Белого: реальность — текст — образ мира:⁷ 1. Персонажи московской прозы; принцип объединения реального и вымыщенного: а) место и роль «персонажей под своими именами»; б) «вымышенные персонажи» (с прототипами и без прототипов);

2. Структура пространства: а) топонимика Москвы: документализм и псевдодокументализм (художественная деформация); б) квартира — дом — город;

3. Московский круг общения Белого.

II. *Мистический текст* в литературе 10—30-х годов.

1. Белый, А. Богданов, Г. Чулков...

2. Мистико-приключенческий роман (Обручев, Беляев).

Было и много других предложений, уточнений и замечаний; и они даются здесь достаточно разрознено, хотя в принципе можно было бы подверстать их к перечисленным выше программам, и составить нечто единое. Однако, придерживаясь сформулированного выше принципа разнообразия, мы просто приводим показавшееся наиболее существенным, чтобы еще раз подчеркнуть весь спектр и разброс идей и предложений, которые вызвали к жизни конференция:

B. С. Бахтин. Анализ фольклорных текстов как

одной из составляющих «второй прозы»: народное творчество-анонимная литература в функции одного из источников литературы авторской и одновременно его отражения (занизенный вариант авторской литературы).

T. L. Никольская. Русская литература ближней эмиграции (литература независимых на короткое время республик).

O. Я. Обухова. *Московский текст* русской литературы XX в. (литературе метрополии и в эмигрантской литературе).

R. Платонов. Введение понятия паралитературы. Изучение дневников, автобиографий, переписки: автобиографическая проза. «Проза поэта» как размышление о литературе.

C. Гардзинио. «Промежуточность»: все жанры между поэзией и прозой. Проза литераторов. Тупиковые («неосуществленные») линии русской прозы.

M. O. Чудакова. Реальность в произведениях «второй прозы». «Вторая проза» и «проза поэта».

C. Шиндин. Стихи прозаиков как симметричное соответствие прозе поэтов⁸.

Тема «проза поэта», в разных аспектах, но весьма настойчиво звучавшая в дискуссии, оказалась в конце концов выдвинутой во главу угла (кроме уже названных, ее активно поддержали В. Вестстейн, В. Н. Топоров, Л. Флейшман, Т. В. Цывьян); по предварительным планам она может стать основной темой следующей конференции (которую предполагается провести в конце 1995 г. или в начале 1996 г.; возможно, на этот раз ее организаторами будут голландские коллеги, а местом проведения — Амстердам).

Остаются недостаточно разработанными собственно организационные проблемы: участники (при сохранении стихийно сложившегося ядра естественным было бы надеяться на расширение, оставаясь при этом в пределах *своего круга*, т. е. единомышленников); координация, учитывая что проект предусматривает участие трех (пока?) стран; формы встреч — конференции, семинары, отдельные доклады и т. п.; публикации (пока в серии «Labyrinii». Отделения филологических и исторических наук Трентинского университета находится в печати сборник материалов прошедшей конференции)⁹.

Начало, тем не менее, положено.

© 1995 г. T. Ц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кржижановский С. «Страны, которых нет». Статьи о литературе и театре. Записные тетради. М., 1994. С. 109.

⁶ См. выше, творчество Белого как подтекст русской прозы рассматриваемого периода.

⁷ М. Л. Спивак представляла научную программу музея «Мемориальная квартира Андрея Белого» (на Арбате). В данном номере эта программа публикуется полностью. Предполагается провести в этом году небольшую конференцию «„Москва“ и Москва Андрея Белого».

⁸ Примечательно, что в двадцатые годы эта тема занимала одного из выдающихся «вторых прозаиков», С. Кржижановского, см. в его «Записной тетради»: «Стихи прозаиков. Исследование. Общие положения. Экзерсы. Особенности стихов прозаиков. Метафизики. Лейбниц, Гегель, Фихте, Шеллинг, В. Соловьев, Гоголь, Тургенев, Мопассан и др.» [1].

⁹ И ряд материалов печатается в этом номере журнала «Славяноведение».

НАУЧНАЯ ПРОГРАММА МУЗЕЯ

„МЕМОРИАЛЬНАЯ КВАРТИРА АНДРЕЯ БЕЛОГО“ (НА АРБАТЕ)

Разговор о русской литературе начала века, равно как и о литературе первых послереволюционных десятилетий представляется невозможным без обращения к Андрею Белому, центральной фигуре литературного процесса этого периода. Нам кажется не только логичным, но и просто необходимым, чтобы изучение творчества Андрея Белого если не предшествовало, то сопутствовало исследованиям в тех областях, которые были намечены выступавшими ранее. Поэтому „Мемориальная квартира Андрея Белого“ предлагает в дополнение к уже названным проект с условным „рабочим“ заглавием: *Москва Андрея Белого: реальность — текст — образ мира.*

В качестве приоритетного объекта исследования выбирается московская проза писателя, занимающая особо важное место в творчестве Андрея Белого и вместе с тем наименее изученная: „Московский чудак“, „Москва под угаром“, „Маски“, „Котик Летаев“, „Креценкий китаец“. Безусловно, не должна быть обойдена московская тема „Симфоний“.

Разработку темы „Москва Андрея Белого“ предполагается вести в нескольких направлениях. Представляются особенно важными и вместе с тем существенными следующие:

1. Московские реалии в „московской прозе“ Андрея Белого — топонимика *Москвы*: реальность — образ — концепция пространства (в перспективе этот тип работ должен сложиться в карту Москвы Андрея Белого с обозначением маршрутов его персонажей); лица *Москвы*: реальность — художественный образ — приемы создания — функции.

Представляется важной работа: по изучению людей из реального окружения писателя, ставших героями его произведений под собственными именами и фамилиями; поиск прототипов героев, фигурирующих под вымышленными именами. В перспективе возможен сквозной аннотированный указатель лиц, действующих и упоминаемых в художественной прозе писателя. Исследования в этих областях непосредственно связаны со сбором материалов для реального комментария к произведениям.

2. Поэтика „московской прозы“ Андрея Белого — самосознающее „Я“ в художественном пространстве прозы Андрея Белого: квартира — дом — город — мир; языковые приемы московской прозы Андрея Белого, эволюция от „Петербургра“ к „Москве“ (синтаксис, ритм, ономастика, каламбур и

т. д.); синестезия „московской прозы“ Андрея Белого; источники прозы Андрея Белого (автобиографические, литературные, научные, мистические), цитаты и аллюзии.

3. Текстология московской прозы Андрея Белого — анализ черновиков, вариантов, редакций произведений московского цикла. Эта работа особенно уместна в связи с отсутствием академического издания текстов писателя, в связи с условиями политической цензуры, действовавшей в период подготовки к печати основного корпуса текстов московского цикла, в связи с многократными изменениями, вносимыми писателем в изначальные замыслы своих произведений, в связи с наличием произведений, не публиковавшихся и не планировавшихся к публикации при жизни.

4. Неопубликованный Андрей Белый — выявление, описание, введение в научный оборот и в конечном счете публикации текстов Андрея Белого. Прежде всего это касается огромного эпистолярного наследия. Здесь стоит обратить внимание на архивы частных лиц и общественных организаций. В перспективе эта работа должна привести к созданию описи всего корпуса текстов писателя, его рисунков, иконографии.

5. Писатель в советской Москве — Андрей Белый в отношениях с московскими литературными организациями, объединениями, издательствами (Пролеткульт, „Никитинские субботники“, ГИХЛ и др.). „Московская проза“ в зеркале отзывов и рецензий; чтение и обсуждение фрагментов „московской прозы“ в дружеских домах (к вопросу о референтной группе).

6. Спутники Андрея Белого — ближайшее окружение (К. Н. Васильева, П. Н. Зайцев), антропософы, „аргонавты“ и т. д.

Из многообразия тем, связанных с изучением места и роли Андрея Белого в литературном процессе нам представляется особенно интересной и актуальной: Мистический текст в литературе 10—30-х годов и творчество Андрея Белого:

1. Мистические символы и архетипы как источник сюжетов и образов в литературе 10—30-х годов;

2. Политика, естественные науки, история и география как объект мистического осмысливания в художественной прозе и публицистике 10—30-х годов.

© 1995 г. Сливак М. Л.

Институт славяноведения и балканистики РАН в 1994 году

ИСБ — единственное в стране научно-исследовательское учреждение, которое ведет комплексное изучение истории и культуры славянских и балканских народов. Институт располагает высококвалифицированными кадрами научных сотрудников, многие из которых являются уникальными специалистами в России и СНГ. Среди сотрудников Института такие известные ученые, как академик РАН Толстой Н. И., академик РАН Литаврин Г. Г., академик РАН Топоров В. Н., чл.-корр. Зализняк А. А. В настоящее время в Институте работают 52 доктора наук и 106 кандидатов наук (всего в коллективе насчитывается 321 человек).

Научные подразделения

Комплексность научно-исследовательских задач и многопрофильность исследований, проводимых сотрудниками Института, определяет структуру его научных подразделений.

Среди подразделений, занимающихся исторической проблематикой, в хронологическом порядке следует назвать: Отдел истории средних веков, который возглавляет академик Г. Г. Литаврин. Отдел новой истории славянских и балканских народов (заведующий — к.и.н. Карасев А. В.) имеет в своем составе Научный центр „Восточный вопрос и Россия“ (руководитель д.и.н. Виноградов В. Н.). Проблемы новой истории славянских и балканских народов также разрабатываются сотрудниками Научного центра по истории Австро-Венгрии (руководитель — д.и.н. Исламов Т. М.) и Центра по изучению новой истории Польши и польско-российских отношений (руководитель — к.и.н. Носов Б. В.). Отдел истории международных и межнациональных отношений (заведующий — д.и.н. Гришина Р. П.) занимается проблемами первой половины XX в. И, наконец, Отдел современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы (заведующий — д. филос. н. Но-бопашин Ю. С.) занимается современными проблемами истории народов ЦЮВЕ.

Научная структура Института постоянно совершенствуется, реагируя на новые проблемы, которые ставит сама жизнь. Недавно в Институте были созданы Центр белорусоведческих исследований (заведующий — д.ф.н. Лабынцев Ю. А.) и Центр украинистики (заведующий — к.и.н. Князьков С. Е.), Центр славяно-германских исследований (заведующий — к.ф.н. Гугнин А. А.), Научный центр по изучению современного югославянского кризиса (заведующая — д.и.н. Гуськова Е. Ю.). В Институте существует специальная Группа славянской энциклопедии (руководитель — к.и.н. Робинсон М. А.). Помимо проекта подготовки „Славянской энциклопедии“ ее сотрудники успешно разрабатывают проблематику истории славистики в России и за рубежом.

Историко-культурная проблематика стран ЦЮВЕ разрабатывается сотрудниками Отдела истории культуры (заведующая — д.ф.н. Софонова Л. А.).

Ряд научных подразделений Института занимается проведением научных исследований в области филологии. Изучение литературоведческих проблем стран ЦЮВЕ ведется в Отделе истории славянских литератур (заведующий — д.ф.н. Хорев В. А.). Широкий спектр лингвистических проблем славянских языков рассматривается в трудах сотрудников Отдела славянского языкознания (заведующий — д.ф.н. Журавлев А. Ф.). В составе Отдела существует Научный центр по изучению славянских литературных языков (руководитель — д.ф.н. Смирнов Л. Н.). Отдел типологии и сравнительного языкознания (заведующий — д.ф.н. Николаева Т. М.) занимается проблемами сравнительного языкознания на материале языков славянских народов и их соседей. Отдел этнолингвистики и фольклора (заведующая — д.ф.н. Толстая С. М.) плодотворно исследует древнейшие пластины духовной культуры славянских народов.

Основные направления научных исследований

Отечественное славяноведение — это прежде всего наука, отражающая национально-государственные интересы России. Процессы супервизации бывших союзных республик, в первую очередь славянских — Украины и Беларуси, их роль в создании СНГ наглядно подчеркнули значение взаимодействия трех восточнославянских народов для судьб нашей страны. ИСБ видит одну из своих основных задач в разработке проблем исторической преемственности государственности России, в научном обосновании ее отношений с Украиной и Беларусью, со странами Центральной и Юго-Восточной Европы.

В плане решения этой рассчитанной на перспективу задачи коллектив Института концентрировал свое внимание на следующих основных исследовательских направлениях:

— этногенез славян, возникновение древнерусской народности, влияние Византии. Кирилло-мефодиевская традиция и мировое значение славянской письменности. Происхождение восточнославянских народов — великорусов, малороссов (украинцев) и белорусов, их положение в системе раннего средневековья (татаро-монгольское нашествие с Востока, германская политика „Дранг нах Остен“, османская экспансия с Юга). Московское государство, Великое княжество Литовское и Речь Посполитая (Люблиńska уния и польская феодальная экспансия на Восток. Брестская церковная уния и католическая экспансия против православной церкви на Украине и в Белоруссии);

— Российская, Австро-Венгерская и Османская империи: исторический опыт становления, развития и распада. Национальное возрождение славянских народов, идеи славянской взаимности и проблемы межнационального общения. Славянские и балканские народы в системе континентальных межгосударственных отношений (разделы Польши, освобождение Юго-Восточной Европы от османского ига и роль России, Восточный вопрос, превращение Балкан в „пороховой погреб“ Европы);

— первая мировая война как переломный рубеж в историческом развитии Европы. Создание в ее центральной и юго-восточной части системы новых государств (Польша, Прибалтийские страны, Чехословакия, Венгрия, Югославия, становление государственности Украины и Белоруссии). Проблема границ и национальных меньшинств, влияние национализма на внешнюю политику стран региона в 1918—1939 гг. Исторические корни современных конфликтных ситуаций: македонский, косовский, трансильванский и бессарабский вопросы; сербско-хорватские, словацко-венгерские, болгаро-турецкие и чешско-польские проблемы; польско-украинско-русский вопрос и т. д.;

— вторая мировая война, ее политические итоги. Распространение советской тоталитарно-коммунистической модели на страны Центральной и Юго-Восточной Европы, СЭВ и ОВД как инструменты военно-политического и торгово-экономического контроля СССР за восточноевропейской сферой своего послевоенного влияния. Политические кризисы и конфликты в этой сфере (разрыв Советским

Союзом отношений с Югославией в 1948 г. и с Албанией в 1961 г., венгерская революция 1956 г. и ее подавление Советской армией, „пражская весна“ 1968 г. и ввод войск пяти стран ОВД в ЧССР, кризисы в ПНР в 1956, 1970, 1980—1981 гг. и их последствия). Крушение в 1989—1991 гг. „реального социализма“ в регионе.

Посткоммунистическое развитие стран Центральной и Юго-Восточной Европы, социально-политические проблемы становления демократических структур;

— история и культура. Культура и политика. Памятники славянской книжности. Славянская культура как система и как сфера взаимодействия культурных комплексов Запада и Востока. Русское славянофильство, западничество и европеизм в современном идеологическом контексте;

— литература стран восточноевропейского региона: исторические истоки, проблемы общности и национального своеобразия. Литературные связи, их функция в творческом процессе. Писатели русского зарубежья в региональном литературном аспекте;

— типологическое сопоставительное и сравнительно-историческое изучение древних и современных славянских, балтийских и балканских языков. Структура балто-славянского текста. Новгородские берестяные грамоты как лингвистический источник. Акцентологический словарь славянских языков;

— мифологические, фольклорные и социально-антропологические системы славянских и балканских народов. Язык и этнокультурное развитие славян. Этимологический словарь славянских древностей.

Труды, подготовленные учеными Института

Нет необходимости в перечислении здесь всех коллективных и индивидуальных работ, выполненных сотрудниками Института в русле перечисленных основных исследовательских направлений и изданных в 1994 г., ибо их подробный список приводится в конце этого информационного материала. Однако на характеристике некоторых из них, прежде всего коллективных, хотелось бы все же остановиться.

Среди проблем средневековой истории славянских народов особое внимание было уделено конфессиональной, не находившей ранее должного места в нашей историографии. В результате и появился фундаментальный труд „Византийский и древнерусский мир перед историческим выбором. Проблема унии православной и католической церквей в конце XIV—XV вв.“ (отв. ред. Г. Г. Литаврин), завершенный в 1994 г.

Традиционно учеными ИСБ разрабатывается проблема международных отношений на Балканах в новое время. Издается соответствующая серия публикаций, в которых рассматриваются сложные вопросы борьбы великих европейских держав (в том числе России) за влияние и укрепление позиций в этом стратегически важном регионе борьбы, накладывавшейся в свою очередь на национально-освободительные движения балканских народов. Новой публикацией в этой серии станет подготовленная в 1994 г. коллективная монография „Александр I, Наполеон и Балканы“ (отв. ред. В. Н. Виноградов). Следует упомянуть также о монографии „Югославяне на пути к освобождению. Интеграционные и дезинтеграционные процессы“, авторы которой попытались переосмыслить существование тогдашних политических, экономических и культурных тенденций, приведших к формированию в итоге первой мировой войны на обломках Османской и Австро-Венгерской империй нового многонационального государства Югославии. Свой вывод о том, что доминировавшая в отечественной историографии оценка этих тенденций как преимущественно интеграционного движения южных славян к единому государству нуждается в коррекции, существенных уточнениях, они, как представляется, убедительно аргументировали, опираясь на многие новые архивные документы.

Еще одна коллективная монография, связанная с проблематикой первой мировой войны и увидевшая свет в прошлом году, — „Европейское социалистическое движение. Разрубить или развязать узлы?“ (отв. ред. Р. П. Гришина, И. И. Костюшко). Она значительна и интересна прежде всего анализом комплекса

проблем, вставших в 1914—1917 гг. перед общественностью стран двух воюющих блоков. Особое внимание авторы обращают на деятельность социал-демократии, в том числе ее реформистского крыла, решительно отбрасывая левацки-сектантский большевистский подход к характеристике теоретических взглядов и политических действий видных представителей этого крыла. В данном аспекте по новому освещаются и роль Февральской революции в России в активизации международного социалистического движения, и формирование двух принципиально разных подходов к проблеме окончания войны: „мир через революцию“ и „мир через согласие“.

Одно из приоритетных направлений исследовательской деятельности ИСБ, имеющее важное не только теоретическое, но и политическое значение,— изучение на новой методологической и документально-архивной основе современной истории стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, т. е. истории после окончания второй мировой войны и до настоящего времени. Серия институтских публикаций на эту тему пополнилась в 1994 г. четырьмя коллективными работами. Это, во-первых, сборник «Бывшие „хозяева“ Восточной Европы. Политические портреты» (отв. ред. Ю. С. Новопашин), в котором помещены статьи о жизни и деятельности Т. Живкова, Я. Кадара, Э. Хонеккера, В. Ярузельского, Н. Чаушеску и Г. Гусака. Поскольку биографии этих коммунистических лидеров, даже апологетические, в нашей стране не публиковались, а в данном сборнике их политические портреты написаны отнюдь не одними розовыми красками, это будет, думается, весьма полезное научно-справочное издание.

Во-вторых, заслуживает упоминания коллективная работа „Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы“ (отв. ред. В. В. Марьина), в которой рассматриваются политические, экономические и идеологические стороны становления и функционирования репрессивно-коммунистических режимов в регионе, а также анализируется воздействие, оказанное ими за четыре с лишним десятилетия на общество соответствующих стран.

В-третьих, интересным и политически актуальным представляется сборник „Политические партии и движения Восточной Европы. Проблемы адаптации к современным условиям“ (отв. ред. Ю. С. Новопашин). В нем на материалах стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а также России исследуются вопросы становления гражданского общества в этих странах, роль и место политических партий в данном процессе.

И наконец, в-четвертых, работа „Постреволюционная Восточная Европа: экономические и политические ориентиры“ (отв. ред. Ю. С. Новопашин), которая, так сказать, венчает этот узел проблем, ибо посвящена итогам первых пяти лет развития восточноевропейских стран после памятных для них „бархатных революций“ конца 1989 — начала 1990 гг. Большое внимание авторы уделили, в частности, социально-экономическому аспекту развития, в первую очередь приватизационным процессам — ключевым с народнохозяйственной точки зрения для всего переходного периода к рыночным структурам.

Чрезвычайно важной Ученый совет и дирекция ИСБ считают научно-поисковую деятельность сотрудников по сбору новых архивных документов по всем перечисленным выше основным направлениям исследований, формированию соответствующих сборников и их изданию. В истекшем году подготовлено несколько таких сборников: 1) „Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655—1656 гг.)“ с аналитическим обзором отобранных документов Л. В. Зaborовского; 2) „Бессарабия — камень преткновения в русско-румынских отношениях“ — Сб. статей и документов под редакцией В. Н. Виноградова (в печати); 3) двухтомное издание „Польско-советская война 1919—1920 гг. Ранее не публиковавшиеся документы“ со вступительной статьей и под общей редакцией И. И. Костюшко; 4) „НКВД и польское подполье. 1944—1945 гг. (По „Особым папкам“ И. В. Сталина)“ с вводной статьей и под общей редакцией А. Ф. Носковой.

Продолжалась также работа над осуществлением уникального по своим мас-

штабам проекта — составление энциклопедии „Славянский мир: история и культура“. Проект получил финансовую поддержку Российского фонда фундаментальных исследований. В настоящее время на основе составленного ранее словарника идет работа по написанию текстов статей. В этом труде будут помещены разнообразные материалы как по истории, населению, этнологии, экономике, культуре отдельных славянских стран, так и по проблемам, которые затрагивают вопросы, общие для всех славянских народов.

Важную роль, объединяющую разных по профилю специалистов, играет в научных исследованиях Института культурологическая проблематика. В трудах, изданных и подготовленных в Институте в 1994 г., рассматриваются ее многообразные аспекты.

В коллективном труде „История и культура“ (отв. ред. Л. А. Софонова, в печати) выявляются представления, свойственные разным историко-культурным эпохам, об их истоках, о корнях исторического сознания; освещается проблема выбора исторических фактов и их интерпретации в текстах культуры.

В другом коллективном труде — „История культуры и поэтика“ (отв. ред. Л. А. Софонова, книга вышла из печати), на материале истории славянской культуры от древности до современности показано соотношение культуры и поэтики, их динамическое взаимодействие. Поэтика в нем рассматривается как грамматика художественного языка эпохи, пространство культуры предлагается воспринимать как регулируемое правилами поэтики.

В книге „Социалистический реализм как историко-культурная проблема“ (отв. ред. Н. М. Куренная, в печати) предпринята попытка исследовать социалистический реализм как тип культуры на материале различных сфер художественного творчества.

Прообразом будущей коллективной монографии являются опубликованные тезисы конференции „Миф и культура: человек — не-человек“, где рассмотрена проблема: как мифы, восходящие к глубокой древности функционируют в культуре различных эпох и народов, какие изменения они претерпевают и как обеспечивается единство культурного процесса.

В 1994 г. в Институте завершена авторами работа над первым томом восьмитомной „Истории культуры славянских народов“ (остальные тома создаются учеными других стран), которая готовится под эгидой ЮНЕСКО. Первый том (отв. ред. Н. И. Толстой, Б. Н. Флоря) посвящен древнеславянской культуре (до XIII в. включительно).

Действующий при Институте Информационный центр Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК) при ЮНЕСКО выпустил в 1994 г. очередной „Информационный бюллетень“ (№ 28/29), посвященный использованию современного русского языка в богослужении.

В рамках направления „Памятники славянской книжной культуры“ изданы книги „История книжной культуры Подляшья“ (совместно с Национальной библиотекой Беларуси, составители Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская); Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская — „Завещано Отечеству (коллекции графа Н. П. Румянцева и их судьба)“.

Литературоведы Института вели работу по изучению исторических истоков и современного этапа развития литературы стран Восточной Европы, исследовали проблемы общности и национального своеобразия, литературных связей и их функций в литературном процессе. Одним из центральных объектов их работы является трехтомная „История литератур южных и западных славян (с древнейших времен до 1945 г.)“. В 1994 г. завершена авторская работа над первым томом этого беспрецедентного в отечественном и зарубежном литературоведении труда.

Другим чрезвычайно важным коллективным трудом, также не имеющим аналогов в мировом литературоведении, является двухтомная „История литературы Восточной Европы“. Том первый, охватывающий период с 1945 г. по 1960-е

годы, завершен и сдан в издательство. В нем рассмотрены основные направления литературного развития Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехии, Словакии, Югославии, Албании, Румынии.

В 1994 г. опубликованы такие коллективные труды, как „Специфика литературных отношений. Проблемы изучения общности славянских литератур“ (составлено с Институтом мировой литературы Словацкой АН); „Литературный авангард. Особенности развития“, в этой работе на материале ряда европейских литератур рассмотрены спорные и малоизученные вопросы авангардистского движения первой трети XX в.

Если для историков культуры, искусствоведов, литературоведов и фольклористов подчеркнуто культурологический аспект работ последних лет является лишь углублением и расширением традиционных направлений исследования, то для лингвистов включение „культурной“ проблематики оказалось связанным с формированием специальных культурологических дисциплин, разрабатывающих различные вопросы культурных функций языка, таких как этнолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология, структура текста и др. В этих пограничных областях различных гуманитарных наук осуществляется эффективное сотрудничество между отделами Института, а также между Институтом и другими научными учреждениями в стране и за рубежом.

Решению задач реконструкции древнейшей системы славянской духовной культуры, мифологической картины мира древних славян (на фольклорном, этнографическом, лингвистическом материале) подчинена работа над коллективным трудом словарно-энциклопедического характера „Этнолингвистический словарь славянских древностей“, основанном на материале всех славянских этносов (руководитель — акад. Н.И. Толстой). Первый том (из пяти запланированных) этого фундаментального, не имеющего аналогов в мировой славистике словаря, сдан в издательство, завершена авторская работа над вторым томом. Параллельно создан однотомный энциклопедический словарь „Славянская мифология“.

Комплексное этнолингвистическое и этнокультурное изучение славянской народной культуры нашло отражение и в очередном выпуске серийного издания Института „Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал“ (Выпуск 7), во многих публикациях в журнале „Славяноведение“.

Анализу фольклорных текстов посвящен сборник статей „Загадка как текст“; проблемы структуры текста в центре внимания авторов сборника „Балканские чтения — 3“; данные языка в соотношении с культурой, историей, этнографией, мифологией с преимущественным вниманием к параметрам Времени и Пространства в контексте Балкан рассматриваются в труде „Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка“ (отв. ред. И. А. Седакова) — все эти книги вышли из печати в 1994 г.

Монография А. Ф. Журавлева „Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки“ посвящена недостаточно исследованной проблеме — восточнославянским ритуалам, связанным с разведением домашнего скота. Автор использует большое количество архивных материалов, впервые вводимых в научный обиход.

В изданном в 1994 г. труде «Язык — культура — этнос (отв. ред. Г. П. Нещименко) рассмотрены теоретические и методологические вопросы социолингвистики и лингвокультурологии, особое внимание уделяется проблеме языковой ситуации в полиэтнических странах.

Среди трудов по проблемам славянского языкознания, опубликованных в 1994 г., следует отметить „Старославянский словарь (по рукописям X—XI вв.)“ объемом в 100 п. л., который дает исчерпывающее описание лексики 18 древнейших славянских рукописей (около 10 тыс. слов). Словарь создан совместно со Славянским институтом Академии наук Чешской Республики. Отв. редактор и автор (30 п. л.) от ИСБ — Р. М. Цейтлин.

В коллективном труде „Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков“ (отв. ред. Г. П. Нещименко) на

материале разных уровней языковой системы показана продуктивность использования сопоставительного метода. Данная работа продолжает многолетнее сотрудничество научных центров России, Белоруссии, Польши, Чехии и Словакии.

В истекшем году вышел в свет второй том „Общекарпатского диалектологического атласа“ (50 карт, комментарии, текстовые материалы). Ред. С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова. Данный том ОКДА входит в серию (всего семь томов). Он создан международным коллективом диалектологов, работающих над проблемой лингвогеографического изучения результатов длительного взаимодействия языков карпатского ареала. Во второй том вошли 50 карт, презентирующих лексику, связанную с традиционным народным бытом (названия одежды, обуви, домашней утвари, посуды и т. п.).

Проблемам становления и развития славянских литературных языков посвящен ряд трудов: „Диахроническая социолингвистика и история славянских литературных языков“ (отв. ред. Е. И. Демина). В материалах последнего сборника исследуются проявления динамики нормы в современных славянских литературных языках. Вышли также сборник статей „Проблемы становления и развития серболужицких языков и диалектов“ (отв. ред. И. И. Ермакова) и монография А. Ф. Журавлева „Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства“, в которой автором предлагается новый метод статистического анализа данных пражскоязыкового лексикона (отраженного в лексическом составе каждого из языков-потомков), позволяющий осуществить реконструкцию диалектного членения пражского языка. Исследование системы родства славянских языков опирается на данные „Этимологического словаря славянских языков“. Предлагается оригинальная методика лексикостатистического обнаружения феномена языковой конвергенции. Результаты лексикостатистического анализа сравниваются с данными славянской глоттохронологии и статистических исследований на материале исторической фонетики. „Традиция и новые тенденции в развитии славянских литературных языков. Тезисы докладов международной научной конференции“.

Особого упоминания заслуживает фундаментальный двуязычный лексикографический труд „Vel'ký slovensko-ruský slovnýk“. Bratislava, 1993. V diel (T—VU) (ред. Л. Н. Смирнов), одна из основных задач которого — сопоставительное описание лексического состава современных словацкого и русского языков. Труд создан по плану двустороннего международного сотрудничества со Словацкой Академией наук.

В 1994 г. завершена также авторская работа над вторым томом словаря „Основы славянской акцентологии“ (под руководством В. А. Дыбо и С. Л. Николаева).

В заключение этого обзора научных трудов ИСБ представляется необходимым упомянуть еще одну книгу. В издательстве „Норман Росс Инкорпорейтед“ (США) вышел первый в отечественной историографии тематический указатель докторских и кандидатских диссертаций по проблемам славяноведения, составленный сотрудниками ИСБ РАН Л. Е. Горизонтовым и А. Н. Горяиновым: „Указатель к советским диссертационным исследованиям. Южные и западные славяне. 1994“ (17 п.л.)

В 1994 г. учеными Института было подготовлено и выпущено в свет около 700 п.л. различных научных трудов.

Научные конференции, организованные Институтом в 1994 г.

В истекшем году на базе Института славяноведения и балканистики РАН было проведено 11 различных научных конференций, а также ряд круглых столов с участием российских и зарубежных ученых. Среди них необходимо выделить международную научную конференцию на тему „Установление коммунистических режимов в Восточной Европе. 1945—1948 гг.“. В этой конфе-

ренции принимали участие около 20 ученых из США, Германии, Италии, Франции, стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Всего было прочитано 35 докладов. Многие доклады сотрудников Института — участников конференции — были написаны с широким привлечением новых архивных документов, что позволило осветить по-новому многие прежде слабо исследованные сюжеты, относящиеся к установлению коммунистических режимов в странах Восточной Европы.

Уже несколько лет Институт выступает одним из организаторов научных конференций, проводимых в рамках празднования Дней славянской письменности и культуры России. В истекшем году международная научная конференция под традиционным названием „Славянские народы: единство и многообразие“ проводилась в г. Владимире с участием делегаций ряда славянских стран. Также сотрудниками Института был проведен круглый стол „Славянская идея: история и современность“, который входил в программу научной конференции во Владимире.

Следует также упомянуть состоявшиеся в 1994 г. в Институте научные конференции „Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой“; „Коминтерн, Коминформ, Румыния“, а также круглый стол на тему „Югославия сегодня: проблемы и перспективы“.

Ученые Института принимали участие во многих научных конференциях за пределами России, что свидетельствует о международном авторитете специалистов ИСБ. Делегация ученых Института принимала участие в работе VII Международного конгресса балканистов (сентябрь 1994 г., Салоники).

Подготовка кадров славистов

Институт славяноведения и балканистики РАН имеет очную и заочную аспирантуру по исторической, историко-культурной и филологической тематике. В прошлом году в Институте обучались один докторант и 21 аспирант.

При Институте существуют два специализированных ученых совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по проблемам всеобщей истории, славянской филологии и литературоведения.

В настоящее время нами создается международная аспирантура, в которой смогут обучаться зарубежные стажеры-аспиранты. Планируется, что в рамках международной аспирантуры соискатели смогут готовить диссертационные исследования, а также посещать лекционные курсы и заниматься в семинарах под руководством ведущих специалистов.

При Институте славяноведения и балканистики и Отделении истории РАН существует научный журнал „Славяноведение“, освещающий на своих страницах вопросы истории, культуры, истории литературы и языков славянских народов. Журнал выходит шесть раз в год. Он является единственным в России специализированным научным журналом в этой области.

Институт выступил одним из учредителей созданного в 1994 г. Благотворительного фонда исследований по истории и культуре славянских народов. Фонд является негосударственной, некоммерческой организацией, задачами которой являются:

- постановка и разработка актуальных вопросов истории и культуры отдельных славянских народов и славянства в целом;
- координация и содействие проведению исследований в области истории славистики;
- распространение и популяризация научных знаний по истории и культуре славян;
- организация мероприятий по сохранению культурных традиций славян;
- развитие сотрудничества с учреждениями и частными лицами, заинтересованными в изучении и развитии культуры славянских народов.

Дирекция Института и сотрудники надеются, что этот фонд будет способствовать привлечению внебюджетных средств для финансирования славистических исследований, в том числе и проводимых научными сотрудниками ИСБ РАН.

**ТРУДЫ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ РАН,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 1994 г.**

Монографии и сборники статей

История

1. Европейское социалистическое движение. Разрубить или развязать узлы? М., 1994.
2. *Иванов С. А.* Византийское кородство. М., 1994.
3. История. Культура. Этнология. Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. М., 1994.
4. *Костишко И. И.* Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму. М., 1994.
5. *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Православная церковь на Белосточине в работах протоиерея Григория Сосны. Минск, 1994.
6. *Лещиловская И. И.* Сербская культура в XVIII веке. М., 1994.
7. *Михутина И. В.* Польско-советская война 1919—1920 гг. М., 1994.
8. Национализм и формирование наций. Теории — модели — концепции. М., 1994.
9. Очаги тревоги в Восточной Европе. (Драма национальных противоречий). М., 1994.
10. Политические партии и движения в Восточной Европе. Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994.
11. Реформы и революции на Балканах. М., 1994. Серия „Балканские исследования“, № 12.
12. Российское византиноведение. Итоги и перспективы. Сб. тезисов конференции. М., 1994.
13. *Семенова Л. Е.* Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV — первая половина XVI вв.). М., 1994.
14. Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее время. Тезисы XIII научной конференции „Королюковские чтения“. М., 1994.
15. Славянские съезды XIX—XX вв. М., 1994.
16. *Симонов Р. А., Турцов А. А., Чернцов А. В.* Древнерусская книжность: естественно-научные знания, связанные с Иваном Рожковым. М., 1994.
17. *Улунян А. А.* Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. 1877—1878 гг. М., 1994.
18. *Фрейдзон В. И.* Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX — начала XX вв. М., 1994.
19. *Шушарин В. П.* Крестьянская война 1514 г. в Венгрии. М., 1994.

Культурология

1. История культуры и поэтика. М., 1994.
2. *Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.* Завещано отечеству. (Коллекции графа Н. П. Румянцева и их судьба). М., 1994.
3. МАИРСК. (Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур). Информационный бюллетень. Вып. 28/29.
4. Миф и культура. Человек — нечеловек. Сб. тезисов конференции. М., 1994.
5. *Свирида И. И.* Сады века философов в Польше. М., 1994.

Литературоведение

1. *Кишкин Л. С.* Литература среди искусств и наук. М., 1994.
2. Специфика литературных отношений. Проблемы изучения общности славянских литератур. М., 1994.

Лингвистика

1. Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка. М., 1994.
2. *Журавлев А. Ф.* Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.
3. *Журавлев А. Ф.* Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М., 1994.

4. Загадка как текст. М., 1994.
5. Славянский балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. М., 1994.
6. Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М., 1994.
7. Традиции и новые тенденции в развитии славянских литературных языков. Проблема динамики нормы. Тезисы научной конференции. М., 1994.
8. Язык — культура — этнос. М., 1994.

* * *

УКАЗАТЕЛЬ К СОВЕТСКИМ ДИССЕРТАЦИОННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ.
ЮЖНЫЕ И ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ. НЬЮ-ЙОРК, 1994.

Публикации документов

1. Заборовский Л. В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655—1656 гг.).
Документы. Исследование. М., 1994.
2. НКВД и польское подполье 1944—1945 гг. (По „Особым папкам“ И. В. Сталина). М., 1994.
3. Польско-советская война 1919—1920 гг. (Ранее не опубликованные документы и материалы). М., 1994. Ч. 1—2.

Совместные издания Института
и иностранных академий наук

1. „Весна народов в Королевстве Польском“. 1848. Исследования и материалы. Вроцлав; Варшава; Краков, 1994. (Совместное российско-польское серийное издание „Зеленая серия“).
2. Общекарпатский диалектологический атлас (ОКДА). М., 1994. Вып. 2.
3. Специфика литературных отношений. Проблемы изучения общности славянских литератур. М., 1994. (Совместно со Словацкой АН).
4. Старославянский словарь (по рукописям X—XI вв.). М., 1994. (Совместно с Академией наук Чехии).
5. *Veľký slovensko-ruský slovník*. Bratislava, 1993. V. diel (T—VU). (Совместный проект со Словацкой АН).

Труды сотрудников Института, опубликованные
в разных издательствах на договорной основе

1. Гачев Г. Д. Русский эрос. М., 1994.
2. Гугнин А. А. Серболужицкая литература в эпоху романтизма. Новополоцк, 1994.
3. Гугнин А. А. Серболужицкая словесность в эпоху Просвещения. Новополоцк, 1994.
4. Серапионовы братья: Э. Т. А. Гофман. Серапионовы братья; Серапионовы братья в Петрограде/Составление, предисловие, комментарии и подготовка текста А. А. Гугнина. М., 1994.
5. Топоров В. Н. О мифopoэтическом пространстве. Избранные статьи. Риза, 1994.
6. Топоров В. Н. Святость и святыне в Древней Руси. М., 1994.
7. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Образ. Исследования области мифopoэтического. Избранное. М., 1994.

К 60-летию А. И. Рогова

30 марта 1995 г. исполнилось 60 лет со дня рождения ведущего научного сотрудника Института славяноведения и балканистики РАН, главного редактора журнала «Славяноведение», кандидата исторических наук Александра Ивановича Рогова.

А. И. Рогов работает в Институте с 1964 г. Он является одним из ведущих специалистов в области истории славянских культур эпох Средневековья и Возрождения, межславянских и русско-балканских культурных связей, а также славянского источниковедения. Опубликованные им по этой тематике монографические исследования («Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР» М., 1961; «Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника)» М., 1966), а также публикации «Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности» (М., 1970) (в ЧССР в 1976), «Записки янычара» (М., 1978) являются крупным вкладом в историческую науку и получили высокую оценку у нас в стране и за рубежом.

Как один из авторов «Очерков русской культуры» (тома по XVI—XVII вв.) А. И. Рогов удостоен Государственной премии СССР.

А. И. Рогов участвует в подготовке основных коллективных трудов Отдела истории средних веков, многократно выступал с докладами на международных и всесоюзных научных форумах.

С 1993 г. А. И. Рогов успешно возглавляет редакцию журнала «Славяноведение» — ведущего периодического издания по проблемам славистики.

Коллеги сердечно поздравляют Александра Ивановича со знаменательной датой и желают ему хорошего здоровья, счастья, дальнейших успехов в научной и общественной деятельности.

C O N T E N T S

ARTICLES

<i>Dyakov V. A.</i> (Moscow). «Russian idea» in the emigrant editions of 1920—1968 years	3
<i>Kishkin L. S.</i> (Moscow). Russian emigration in Prague: cultural life (1920—1930 years)	17
<i>Gardzonio S.</i> (Pisa). Two Russian Poets in Florence (A. Geintselman and M. Lopato)	27
<i>Tsivian T. V.</i> (Moscow). Yuri Odarchenko: representation of prose.	38
<i>Ricci D.</i> (Trento). Artistic prose of P. P. Muratov	45
<i>Labyntsev Y. A.</i> (Moscow). Protopresbiter Terenty Teodorovich as church writer	51
<i>Maroevich R.</i> (Belgrade). To typology of Russian and Serbian languages	63

COMMUNICATIONS

<i>Aksyonova E. P.</i> (Moscow). Towards the history of emigration of Russian scholars emigration in Yugoslavia (letters of A. L. Pogodin to A. V. Florovsky)	78
<i>Superior Innocent (Pavlov).</i> (Moscow). Biblical Society in Russia in the past and presence.	84

PUBLICATIONS

<i>Kaznina O. A.</i> (Moscow). N. S. Trubetskoy and the crise of Euro-Asia movement	89
---	----

MATERIALS TO THE MANUAL OF CHURCH-SLAVIC LANGUAGE

<i>Kravetsky A. G.</i> (Moscow). The attempt of the Dictionary of Liturgical Symbols.	96
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Vagapova N. M.</i> (Moscow). Руска емиграција у српској култури XX cent. Зборник радова.	106
<i>Hevrolina V. M.</i> (Moscow). A. A. Ulunyan. Russia and deliverance of Bulgaria from Turkish Occupation 1877—1878.	108
<i>Serapionova E. P.</i> (Moscow). S. Tejchmanová. Rusko v Československu (Bílá emigrace v ČSR 1917—1939).	109
<i>Dostal M. Y.</i> (Moscow). M. F. Finxstein. „Usovershit i vozvelichit slovo nashe...“ (Lexicography in Russian Academy 1783—1841).	110

SCIENTIFIC LIFE

International conference „Second prose“ (The Russian Prose in 20—40-th years of XX cent.). Moscow, December 19—22, 1994.	111
<i>Spivak M. L.</i> (Moscow). Scientific Program of the Museum „Memorial flat of Andrei Belyi“ (in Arbat street).	114
Institute of Slavic and Balcanic RAS in 1994	115
To the 60-th Anniversary of A. I. Rogov.	125

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В 1993—1994 гг. в Институте славяноведения и балканистики РАН вышли следующие издания:

- Тысячелетие введения христианства на Руси. М., 1993.
- Дополнения к Предварительному списку славяно-рукописных книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1993.
- Косик В. И. Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе, 1886—1894 гг. М., 1993.
- Костюшко И. И. Аграрная реформа 1848 г. в Австрии. М., 1993.
- Шемякин А. Л. Радикальное движение в Сербии. М., 1993.
- Липатов А. В. Литература в кругу шляхетской демократии. М., 1993.
- Литературный авангард. Сб. статей. М., 1993.
- Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист. М., 1993.
- Натура и культура. Тезисы конференции. Москва, ноябрь, 1993.
- Исследования по славянской диалектологии 2. М., 1993.
- Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения II. М., 1993.
- Типологические и сопоставительные методы в славянском языкоznании. М., 1993.
- МАИРСК — 26. Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень.
- МАИРСК — 27.
- Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков. Сб. статей. М., 1993.
- Политические партии и движения в Восточной Европе. Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994.
- Польско-советская война. 1919—1920. М., 1994.
- Михутина И. В. Польско-советская война, 1919—1920. М., 1994.
- Улуңян А. А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. 1877—1878. М., 1994.
- Российское византиноведение. Итоги и перспективы. Сб. тезисов конференции. М., 1994.
- Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее время. (Тезисы XIII конференции). М., 1994.
- Фрейдзон В. И. Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX — нач. XX в. М., 1994.
- Костюшко И. И. Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму. М., 1994.
- Шушарин В. П. Крестьянская война 1514 года в Венгрии. М., 1994.
- Славянские съезды XIX—XX вв. Сб. статей. М., 1994.
- НКВД и польское подполье. 1944—1945. (По «Особым папкам» И. В. Сталина). М., 1994.
- Национализм и формирование наций. Теории — модели — концепции. М., 1994.
- Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994.

- Семенова Л. Е. Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV — первая половина XVI в.). М., 1994.
 - История. Культура. Этнология. Доклады российских ученых к VII Международному Конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. М., 1994.
 - Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка. М., 1994.
 - Специфика литературных отношений. М., 1994.
 - Общекарпатский диалектологический атлас. М., 1994. Вып. 2. Миф и культура.
 - Человек — не-человек. Сб. тезисов конференции. М., 1994.
 - Кишкин Л. С. Литература среди искусства и наук. М., 1994.
- Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения и балканистики РАН, комн. 920. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна.

Славянские съезды XIX—XX вв. Сб. статей/Отв. ред. М. Ю. Досталь. М., 1994. 143 С.

Сборник подготовлен на основе докладов участников конференции с одноименным названием, состоявшейся в Институте славяноведения и балканистики РАН 1 июня 1994 г. в рамках ежегодных «Дней славянской письменности и культуры».

Авторов объединяло стремление показать славянские съезды 1848 (Прага), 1867 (Москва С.-Петербург), 1868 (Прага), 1908 (Прага), 1910 (София), 1946 (Белград) как неординарное явление в национально-политическом движении XIX—XX вв., вдохновляемое романтическими идеями славянской взаимности в различных ее интерпретациях. Проводится мысль о том, что несмотря на узкую социальную базу участников съездов и практическую нерезультивность этих форумов в общеевропейской политике, несмотря на многочисленные разногласия и невозможность подчас выработки единых решений, все же они оставили определенный след в общественной жизни и идеологии славянских народов. Более того, миф о славянском единстве на съездах в связи с теми или иными внутри- и внешнеполитическими обстоятельствами приобретал новое звучание, способствуя духовной консолидации и подъему национального самосознания славянских народов.

Большинство статей сборника основано на новых архивных документах и материалах периодики и опирается на солидную базу отечественной и зарубежной историографии. Съезды рассмотрены в контексте славянской идеологии в целом и в отдельных славянских странах. Такой подход дал возможность проследить процесс развития идеологии в совокупности у всех славян, показать степень утопичности и соответствие определенных национальных программ реальной международной политике, понять причины успехов и неудач их практического воплощения.

Представлена довольно полная картина развития славянского движения XIX—XX вв. в его специфической форме — славянских съездов, прообраза «этноконгрессов», получивших в настоящее время новое развитие и актуальное звучание.

Технический редактор В. М. Пахомова

Сдано в набор 11.04.95

Подписано к печати 12.05.95

Формат бумаги 70 × 100¹/16

Офсетная печать

Усл. печ. л. 10,4 Усл. кр.-отт. 8,2 тыс.

Уч.-изд. л. 13,4 Бум. л. 4,0

Тираж 774 экз. Зак. 2585

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а. Телефон 938-01-20

Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

4370 р.
кatalogная цена

1950 р.
Индекс 70891

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по сводному Каталогу Федерального управления почтовой связи ("ФУПС"). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АРЗИ".

Обращаем Ваше внимание!

Подписку можно оформить и непосредственно в редакции журнала с любого очередного номера. Это избавит Вас от значительной части расходов: цены редакционной подписки существенно ниже! К тому же вышедший номер Вы сможете получить в редакции сразу после выхода его из печати.

Пользуйтесь предоставленной Вам возможностью льготной подписки!